



Ф 1
848

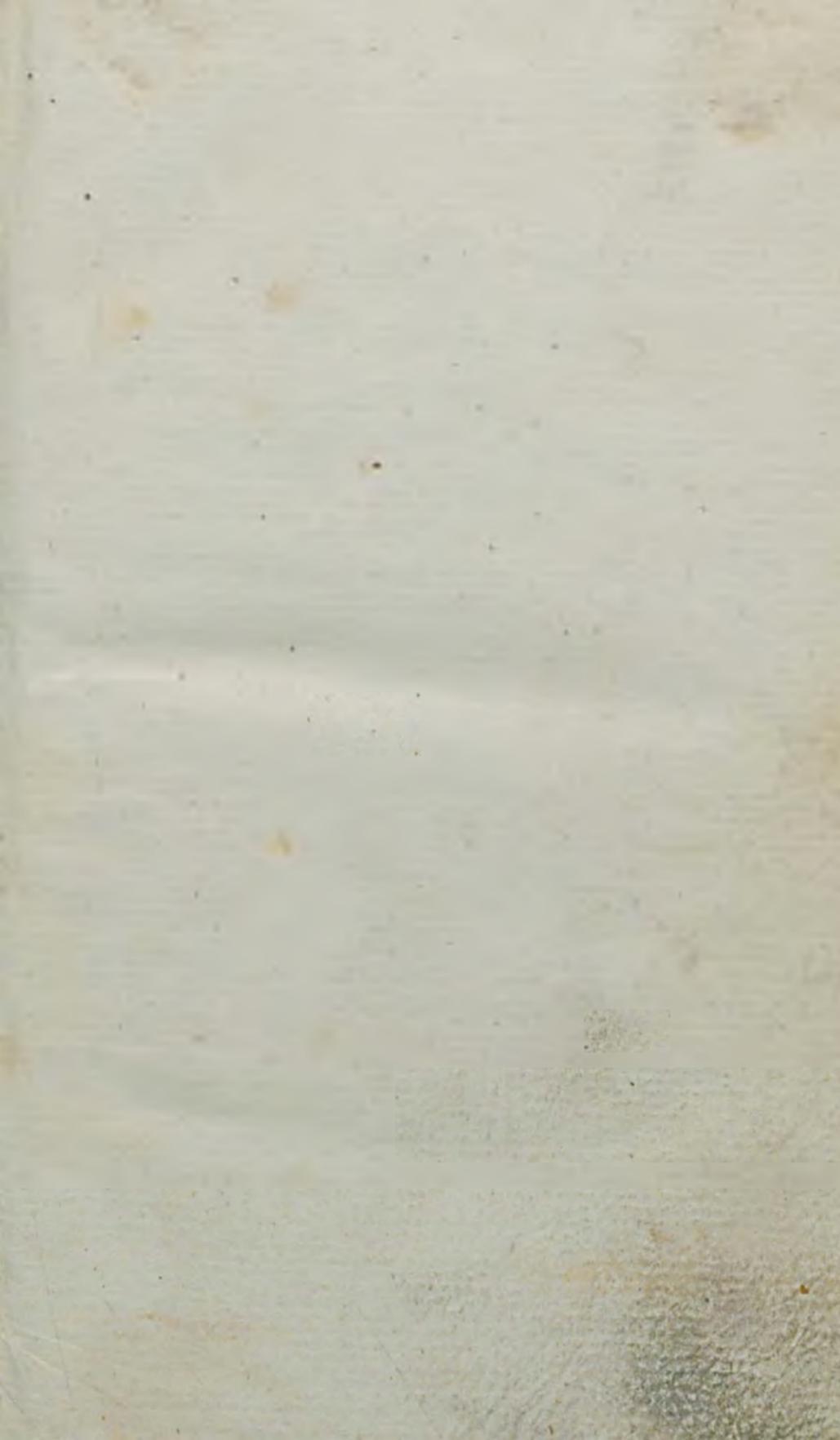
1805 году генерал 14 м

Цена 4 50

P-8°

00-11

Le prince de
Beaumont
onice





ММ
ЭФ
А
К

ДѢТСКОЕ УЧИЛИЩЕ,

или

РАЗГОВОРЫ

БЛАГОРАЗУМНОЙ НАСТАВНИЦЫ

съ ея

ВОСПИТАННИЦАМИ.

ЧАСТЬ I.

Переводъ съ Французскаго.

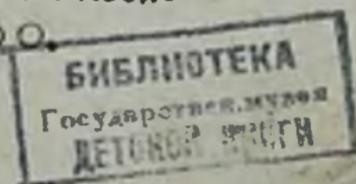


Съ дозволенія Московской Ценсуры.

МОСКВА.

Въ Губернской Типографіи
у А. Рѣшетникова.

1800.



ИМЕНА УЧАСТВУЮЩИХЪ ВЪ СИХЪ
РАЗГОВОРАХЪ.

Госпожа ДОБРОПРАВОВА, учитель-
ница Госпожи Благоразумовой.

Госпожа БЛАГОРАЗУМОВА, две-
надцати лѣтѣ.

Госпожа ОСТРОУМОВА, такихъ же
лѣтѣ.

Госпожа М. . . . пяти лѣтѣ.

Госпожа Ш. . . . семи лѣтѣ.

Госпожа Н. . . . такихъ же лѣтѣ.

Госпожа ВЕРТОПРАХОВА, десяти
лѣтѣ.

Госпожа НЕУГОМОННОВА, тринад-
цати лѣтѣ.



ДѢТСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

РАЗГОВОРЪ I.

Госпожа Вертопрахова.

(пришедъ къ Госпожѣ Благоразумовой.)

Здравствуй, моя душа! Я рада, что могу съ тобою послѣ обѣда проводить время: мнѣ сказывали, что тебѣ привезена прекрасная кукла; ахъ! какъ это для насъ будетъ весело!

Г. Благоразумова.

Я очень рада имѣть чтонибудь такое, что тебѣ нравиться можетъ: кто-то спсучить! Это конечно, *Госпожа Остроумова*, она обѣщалась придти ко мнѣ пить чай.

Г. Остроумова.

Здравствуйте, сударыня, я... сама себѣ не вѣрю, чтобъ *Благоразумова* играла куклою; смѣется ха, ха, ха, ... и! жизнь моя, я о тебѣ думала иначе тебѣ ужь двенадцать лѣтъ, а ты еще въ куколки играешь!

Г. Вертопрахова.

Развѣ это дурно, чтобъ въ двенадцать лѣтъ играть въ куклы? Мнѣ ка-

Часть I. А

жется, что я ихъ у тебя самой недавно видѣла много.

Г. Остроумова.

Больше шести мѣсяцовъ, сударыня, какъ всѣ свои куклы побросала въ огонь; и просила у бабюшки, чтобъ онѣ всѣ деньги, которыя издерживала на эти бездѣлушки, отдавала мнѣ на покупку книгъ и на заплачу учицелямъ.

Г. Вертопрахова.

А я не такъ думаю. Ежелибъ я была властна; такъ лучше деньги, которыя плащятъ моему учицелю Географин, послала въ городъ и велѣла бы купить для себя самыхъ лучшихъ уборовъ; это бы меня больше веселило; а учицель мнѣ наскучилъ до смерти, лишь только увижу его; поспѣшъ начинаю зевать, онъ о томъ сказываеъ мапушкѣ, меня бранятъ, а за это больше ненавижу я учицеля и Географиню.

Г. Остроумова.

Да любишь ли ты хотя читать историн!

Г. Вертопрахова.

Нѣтъ право моя радость: однакожъ надобно, чтобъ я читала, по тому, что это угодно бабюшкѣ. Но какъ я

выросту и когда будетъ въ моей власти дѣлать, что я хочу; но увѣрю, что никогда не примусь чинить.

Г. Остроумова.

Такъ ты останешься во всю свою жизнь глупою! и ни кѣмъ не будешь любима. Послушай, я тебѣ расскажу, о чѣмъ чего я куклы бросила. Какъ мы были нынѣшнимъ лѣпомъ въ деревнѣ, прїѣзжали къ намъ многія Госпожи въ гости. Двѣ изъ нихъ были дурны лицомъ, такъ дурны, что и смолчишь на нихъ спрашию, однакожъ бабюшка весьма былъ радъ, когда онѣ къ намъ прїѣхали; онѣ говорили, что онѣ очень любезны; это чрезвычайно меня удивило, думая, что непременно надобно быть пригожею, чтобы быть любви достойною; но я еще больше удивилась, что бабюшка *Госпожу Луцію*, которая, ты сама знаешь, какъ прекрасна, терпѣть не можетъ; онѣ называлъ ее болваномъ и выпускною куклою, и говорилъ, что она души не имѣетъ; я не знала, что бы это значило. Въ одинъ день случилось мнѣ быть вмѣстѣ съ тѣми госпожами, которыя такъ собою дурны, я спросила у нихъ какая между ими и госпожею *Луціею* разность? Великая, отвѣчали: это ты и сама видишь, она

пригожа, а мы дурны. Знаю это, говорила я имъ; да и бабюшка мой всегда объ этомъ говоритъ; однакожь онъ признается, что вы любезны, а она нѣтъ, и что она только прекрасной болванъ и выпускная кукла. Я не знаю, что такое выпускная кукла; --- а болванъ, мнѣ кажется, долженъ быть каменной или деревянной: Впрочемъ думаю, что безъ души и жить не можно; однакожь говоритъ бабюшка, что у *Луции* ее нѣтъ. Объ гостяхъ смѣялись; потомъ говорили мнѣ, что женщина та только можетъ быть любезна, которая разумна; глупыми болванами или выпускными куклами называютъ потому, что выпускная кукла есть машина, которая ходитъ, играетъ на флейтъ, и другія дѣлаетъ движенія, хотя она не иное что, какъ здѣланной изъ дерева болванъ, которой не имѣетъ души и не мыслитъ, а какъ и глупыя говорятъ, ходятъ и дѣлаютъ все не думая; то и они очень похожи на выпускныхъ куколъ. Ахъ, сударыни пожалуйте научите меня, что надобно дѣлать, что умѣть думать; мнѣ очень не хочется быть такою куклою? Ошкуда вы взяли разумъ, которой васъ, не смотря на лицо, дѣлаетъ любви достойными? Мы его получили изъ книгъ,

опивѣчали онѣ , и отъ прилѣжнаго въ дѣйствиѣ ученія. Съ того времени бросила я все и стала искать разума ; и хотя всѣ говорятъ , что я умна ; однакожь хочу бытъ умнѣе и для того всегда занимаюсь чтеніемъ.

Г. Вертопрахова.

Прошу моя душа сказать мнѣ , къ чему имѣть много разума ?

Г. Остроумова.

Какъ къ чему ? --- ко многому. Прошлаго года , когда къ бабушкѣ пріѣзжали гости , мнѣ чрезвычайно было скучно , со мною обходились какъ съ ребенкомъ ; а теперь всѣ со мною говорятъ , и я такъ же разговариваю съ ними , всякую минушу твердящъ , что я очень умна. Когда-то случилось мнѣ быть у господина Ц. . . . у котораго есть множество картинъ , у него были многія Госпожи , и спрашивали , что онѣ представляютъ ; для меня это смѣшно было , а господинъ Ц. . . . который зналъ , что я читала *Овидіевы превращенія* , спросилъ у меня : знаю ли я , что изображено на тѣхъ картинахъ ? Я имъ все рассказала : Всѣ мнѣ удивлялись ; а это вѣдь великое удовольствіе , когда хвалятъ и удивляются. Кромѣ по-

го я еще имѣю и по удовольствіе, что всегда смѣюсь надъ невѣжами и дурачествами ихъ, которыхъ оубо говорящій всякую минушу. Это для меня утѣшительная кукля.

Г. Вертолпрахова.

Очень хорошо, сударыня, а я лучше хочу быть невѣжею, нежели насмѣшницею, ежели разумъ къ тому только нуженъ, чтобы смѣяться надъ другими, но я никогда не хочу имѣть его. Какъ ты думаешь, Госпожа *Благоразумова*? Сказываютъ, что ты очень прилежно учишься: не для того ли только, чтобы смѣяться надъ такими, какова я?

Г. Благоразумова.

Нѣтъ, моя милая; я учуся для того, что это меня увеселяетъ и просвѣщаетъ; и надѣюсь, что это самое сдѣлаетъ меня и добродушною навсегда.

Г. Остроумова.

Ежели ты можешь забавляться ученіемъ, такъ начпожь себя кукля?

Г. Благоразумова.

Для удовольствія моихъ пріятельницъ, я очень бываю довольна, когда имъ могу сдѣлать удовольствіе.

Г. Вертопрахова.

Благодарствую, моя радость; по береги же куклу свою для меня, а когда эта забава наскучитъ мнѣ; по я сплану учиться съ шобою вмѣстѣ, чтобъ быть такъ умною какъ ты.

Г. Благоразумова.

Ежели изволите, милыя пріятельницы, мы можемъ теперь итти въ нашу *Госножи Добронравовой*, моей учительницы: она ждетъ насъ пить чаю.

РАЗГОВОРЪ II.

Госложа Остроумова съ Госложею Благоразумовою.

Г. Остроумова.

Я въ великой досадѣ, моя душа, и пришла сказать тебѣ причину моей печали.

Г. Благоразумова.

Что такое свѣтъ мой? Подумаюшъ, что ты плакала! у тебя глаза красивы.

Г. Остроумова.

Я нынѣ цѣлое утро плакала, и теперь едва могу удержаться отъ слезъ, я

тебѣ сказывала, что я много читала, чтобы быть умною, и чтобы меня хвалили; а теперь уже больше читать не хочу и намѣрена всѣ мои книги и Географическія карты сжечь.

Г. Благоразумова.

Лучшежь отдай ихъ мнѣ, моя душа; да скажи пожалуй, за что ты ихъ не полюбила?

Г. Остроумова.

Я тебѣ скажу, что нынче по утру со мною случилось; ты повѣришь, что я имѣю причину быть сердитою на мой умъ и на книги. Господинъ Б. . . . съ братьями своими пришли къ намъ завтракать. Они были въ залѣ, какъ батюшка читалъ какія-то письма; какъ скоро я узнала, что Господинъ Б. . . . вънизу, сѣвшила сойти къ нему, попому что мнѣ всегда пріятно было съ нимъ быть вмѣстѣ: онъ мнѣ всегда говорилъ, что я любезна, умна, учена, и много кое что говорилъ въ похвалу мою. Тогда я подошла къ дверямъ; услышала, что онъ говоритъ обо мнѣ, остановилась и стала прислушиваться. Обманщикъ, я не могу мой свѣтъ и теперь еще отъ слезъ удержаться, вспомя, что онъ обо мнѣ говорилъ. Это спрашанице,

она будетъ зараза для общества : говоришь, что я буду заразою ; понимаешь мой свѣтъ ? Вѣтъ это подлѣе всего , онъ говорилъ еще , что я горда и насмѣшлива ; что лучше бы мнѣ быть глупою , нежели больше еще учиться , потому что отъ этого еще хуже здѣлаюсь и больше буду самолюбива . Послѣ того спалъ говорить о тебѣ : она очень любезна , говорилъ господинъ Б... говоришь мало , но все къ стати ; я бы не пожалѣла ничего , чтобъ у меня было такое дитя . Онъ хотѣлъ еще что-то говорить ; да услышалъ , что идешь бабюшка и замолчалъ , а я ушла въ свою горницу плакать . Меня звали завтракать , но я отговорилаь коликою , и въ самомъ дѣлѣ не пошла для того , чтобъ не видѣть этого подлаго льстеца , которой говоришь то , а думаетъ иное . Послѣ обѣда попросила я у ма-тушки позволенія итти къ тебѣ , разсказать и спросить тебя , какъ ты дѣлаешь , что не кажешься ни страшною , ни гордою ?

Г. Благоразумова.

Я право не знаю , моя милая , что тебѣ скажешь на это , а думаю только , что ежели я добродѣтельна , то обязана моею учительницѣ . Она мнѣ всегда го-

воришь, что есть два рода нравовъ, одинъ служить къ тому шолько, чтобъ насъ всѣ презирали и ненавидѣли, а другой дѣлаетъ любезными, крошкими и добродѣтельными, и заславляетъ всѣхъ намъ знакомыхъ, хорошо объ насъ говоришь. Когда же она примѣнитъ что нибудь за мною худое, то исправляетъ меня.

Г. Остроумова.

Такъ видно у меня дурной нравъ. Какъ ты думаешь мать моя, ты не хочешь опивчать мнѣ? Не бойся, меня не разсердишь; я очень себя люблю.

Г. Благоразумова.

Когда тебѣ это угодно, такъ я скажу, что думаю: ты не имѣешь добраго нрава, да въ томъ не своя ошибка, когда тебѣ никто не говорилъ, что есть два нрава, а коль скоро скажутъ тебѣ, какъ въ этомъ случаѣ поступать надобно, то я увѣрена, что ты исправишься.

Г. Остроумова.

Благодарствую, что ты меня оправдываешь; однакожь я въ самомъ дѣлѣ хочу исправиться; боюсь шолько, что въ этомъ не успѣю. Ежелибъ ты

попросила свою учительницу научить меня, какъ въ этомъ случаѣ поступить надобно; ты бы меня очень одолжила.

Г. Благоразумова.

Я увѣрена, что она эпо сдѣлаетъ съ великимъ удовольствіемъ. Она никогда такъ довольна не бываетъ, какъ когда попадутся ей молодыя дѣвицы, которыя хотѣтъ быть добродѣтельными и добродѣтельными: она уже приучила нѣкоторыхъ моихъ пріятельницъ ходить три раза въ недѣлѣ для препровожденія со мною времени послѣ обѣда и для ученія между забавами. Я ей скажу, что и ты имѣешь такоежъ желаніе: угодно тебѣ эпо?

Г. Остроумова.

Сердечно; только дай миѣ знать, когда вы начнете учиться, я право приду къ тебѣ.

РАЗГОВОРЪ III.

ДЕНЬ I.

Г. Доброправова, Г. Благоразумова,
Г. Остроумова, Г. М.... Г. Ш....
и Г. Н....

Г. М.... къ Г. Доброправовой.

Здравствуй, сударыня, Г. Благоразумова сказывала мнѣ, что вы знаете самыя лучшія сказочки, а какъ я люблю простенькія, то и прошу васъ сказатъ мнѣ такую.

Г. Доброправова.

Да, моя милая, я знаю прекрасныя сказочки и исторіи, и расскажу тебѣ ихъ столько, сколько угодно.

Г. М....

А какая разность между сказкою и исторіею?

Г. Доброправова.

Исторія есть справедливая повѣсть, а сказка вымышленная для увеселенія.

Г. М....

Такъ тѣ, сударыня, которые сказываютъ сказки, должны быть лгуны, потому что они ложь рассказываютъ?

Г. Доброуравова.

Ишь, моя душа, лгать значить, спарались обманывать; а ишь, которые напередъ увѣдомляютъ, что они говорятъ сказку, никого не обманываютъ.

Г. М. . . .

Пожалуйте, сударыня, скажите мнѣ одну сказку и одну исторію, чибѣ я могла судить, что изъ нихъ лучше.

Г. Доброуравова.

Охотно, моя душа, я тебѣ дамъ прочесть прекрасную исторію, которую ты наизусть выучишь, и скажу очень хорошую сказочку.

Г. Ш. . . .

А мнѣ, сударыня, развѣ ничего читать не дадите?

Г. Доброуравова.

Всякой изъ васъ, мои любезные дѣти, дамъ по исторіи, потому что вы уже дѣвцы на возрастѣ; а теперь расскажу *Госпожѣ М. . . .* сказочку, которую я ей общала; слушайте.

С К А З К А

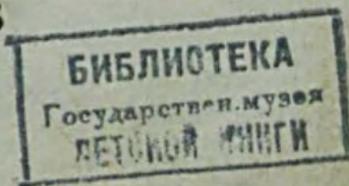
О П р и н ц ѣ Л ю б и м ѣ.

Нѣкопороу Король такой былъ честной человекъ, что подданные называли его Королемъ *Добрымъ*. Въ одинъ день ѣздилъ онъ на охоту: бѣленькой кроликъ, котораго собаки его догоняли, бросился къ нему на руки. Король ласкалъ его и говорилъ: когда ты самъ отдался въ мое покровишельство; то я не хочу, чтобъ тебѣ какое нибудь зло дѣлали. Онъ привезъ кролика съ собою во дворецъ; велѣлъ ему здѣлать клѣшочку и давать самой лучшей травки. Ночью, когда Король оспавался одинъ въ своей комнаѣ, видѣлъ прекрасную женщину. На ней было надѣто простое бѣлое платье. вмѣсто прически на головѣ, надѣвши былъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, *Добрый* Король увидя эту женщину, весьма удивился, и какъ двери были заперты, не зналъ, какимъ она образомъ вошла къ нему. Она говорила ему: „я волшебница *Кандаида*. Я гуляла въ лѣсу въ то время, какъ ты былъ на охотѣ, и захошѣла узнать, какъ ли ты добръ, какъ о тебѣ говорятъ всѣ. Для сего оборотилась я въ кролика и бросилась къ

„ тебѣ на руки для того, что шѣ, ко-
 „ торые жалоспливы къ животнымъ,
 „ къ людямъ еще жалоспливѣе быва-
 „ ютъ; а ежелибѣ ты не помогъ мнѣ,
 „ то я бы щипала тебя злымъ человѣ-
 „ комъ. Я пришла поблагодарить тебѣ
 „ за твою милость, и увѣрить, что
 „ буду всегда тебѣ пріятельницею. Те-
 „ бѣ оспашаешься только требовать отъ
 „ меня чего ты хочешь; а я общаю
 „ для тебя сдѣлать все.

„ Государыня моя, говорилъ ей
 „ *Добрый* Король, ежели ты волшеб-
 „ ница, шакъ ты сама должна знашь,
 „ что мнѣ надобно. Я имѣю одного
 „ только сына, котораго очень люблю,
 „ почему и назвали его Принцемъ *Лю-*
 „ *бимомъ*. Ежели ты ко мнѣ сподолько
 „ благосклонна, то прими въ дружбу
 „ свою моего сына. Отъ чистаго сердца,
 „ говорила волшебница; я могу сына
 „ твоего сдѣлать ошмѣннымъ красав-
 „ цемъ, или самымъ богатымъ, или са-
 „ мымъ сильнымъ; выбирай, что хочешь.
 „ Я для сына ничего этого не желаю,
 „ ошвѣчалъ Король *Добрый*; но ты
 „ меня чрезвычайно одолжишь, ежели
 „ сдѣлаешь его лучше всѣхъ Принцевъ.
 „ Чшо ему въ богатствѣ, въ красотѣ
 „ и во всѣхъ царствахъ. Ежели онъ бу-

Часть I. Б



„деть злоправенъ. Ты знаешь, что
 „безъ добродѣтели не будетъ оиъ ща-
 „спливъ, эшо правда говорила *Канди-*
 „*да*; но я не могу сдѣлать Принца *Лю-*
 „*бима* честнымъ, ежели оиъ самъ о
 „помъ не будетъ стараться. Все, что
 „я могу тебѣ обѣщать, состояши въ
 „помъ, чтообъ дать ему добрые совѣ-
 „пы, удерживаши его оиъ погрѣшно-
 „стей и наказати его, ежели оиъ не-
 „захощетъ самъ исправиться.

Добрый Король весьма былъ дово-
 лень шакимъ обѣщаніемъ, и по проше-
 ствіи нѣскольکو времени умеръ. Принцъ
Любимъ чрезвычайно плакалъ о своемъ
 оицѣ, потому что любилъ его сердеч-
 но, и ошдалъ бы всѣ свои владѣнія и
 всѣ сокровища, чтообъ спасти его оиъ
 смерти, ежелибъ шо можно было. На
 шрепій день послѣ смерти *Добраго*
 Короля, когда *Любимъ* легъ спать,
 явилась къ нему *Кандида*. „Я обѣща-
 „лась оицу швоему, говорила ова ему
 „быши швоимъ другомъ; и чтообъ сдер-
 „жаши мое слово, хочу подарити те-
 „бѣ. „ Въ шо самое время надѣла она
 на *Любимову* руку золотое кольцо,
 и сказала ему: „Береги эшо кольцо,
 „ оно дороже бриліаншоваго. Всякой
 „ разъ, какъ пы сдѣлаешь какое ни-

„будь дурное дѣло, оно пожметъ твой
„палецъ; а ежели не смотря на то,
„будешь ты продолжать дурное дѣло;
„то пошеряешь мою дружбу, и я сдѣ-
„лаюсь тебѣ недругомъ. „Окончавъ
это, *Кандида* исчезла и оставила *Лю-*
бима въ удивленіи. Онъ нѣсколько вре-
мени такъ былъ благоразуменъ, что
кольцо совсѣмъ его не жало, и имъ под-
данные столь были довольны, что
прозвали еще *Любима Благополучнымъ*.
Послѣ того спустя нѣсколько време-
ни былъ онъ на охотѣ, и ничего не
поймалъ, за что чрезвычайно сердил-
ся: ему показалось, что кольцо пожа-
ло нѣсколько его палецъ; но какъ оно
его больше не кололо: то онъ и не
имѣлъ на то дальняго вниманія. Когда
онъ возвращаясь съ охоты вошелъ въ
свою комнату; маленькая его собачка
Биби, прыгая стала къ нему ласкаться:
поди прочь, кричалъ онъ, махъ
не до себя. Бѣдная собачка, не разу-
мѣя его, тащила его за платье, чтобъ
нѣмъ заставить его хотя посмотрѣть
на себя, но онъ такъ разсердился,
что толкнулъ ее онъ себя ногою. Въ
ту самую минуту кольцо укололо его,
какъ булавкою. Онъ этому удивился,
сѣлъ въ углу своей комнаты и гово-
рилъ самъ въ себѣ: „Я думаю, что

„ волшебница насмѣхается надо мною ;
„ что за великое преступленіе , оп-
„ толкнуть ногою собачку , которая
„ меня беспокоитъ ? Къ чему бытъ Вла-
„ дѣшелемъ обширнаго государства ,
„ когда уже мнѣ не вольно и собачку
„ свою ударить ?

„ Нѣтъ , я не насмѣхаюсь надъ то-
„ бою , услышалъ онъ опивѣшествую-
„ щій ему голосъ , ты сдѣлалъ вмѣсто
„ одной при погрѣшности : подосадо-
„ валъ , что не сдѣлалось по твоему
„ желанію , и подумалъ , что звѣри и
„ люди созданы для того только ,
„ чтобы тебѣ повиноваться ; послѣ то-
„ го разсердился , что очень дурно , и
„ наконецъ показалъ жестокость надъ
„ бѣднымъ живошнымъ , которое по
„ не заслужило . Я знаю , что ты го-
„ раздо лучше своей собачки ; но еже-
„ либѣ позволительно и справедливо
„ было сильнымъ обижать всѣхъ шѣхъ ,
„ коирые ихъ слабѣе , я бы могла те-
„ бя въ сію минуту наказать и убить ,
„ потому что волшебница больше мо-
„ жетъ дѣлать обыкновеннаго чело-
„ вѣка ; выгода владѣть проспаннымъ
„ государствомъ не въ томъ состояніи ,
„ чтобы дѣлать зло сколько можно ,
„ а въ томъ , чтобы всегда дѣлать до-
„ бро , какое только можно .

Любимъ признался въ своей погрѣшности и обѣщался исправиться ; однакожь не сдержалъ своего слова. Онъ воспитанъ былъ глупою нянею , которая еще въ малолѣтствѣ его избаловала. Ежели ему чего нибудь хотѣлось, то онъ плакалъ , сердился и топалъ ногами , а она все ему давала , чего бы онъ ни попросилъ , и чрезъ то сдѣлала его своенравнымъ. Она твердила ему также отъ утра и до вечера , что онъ будешь иѣкогда Королемъ и что Короли очень щасливы , потому что всѣ люди должны имъ повиноваться и почитать ихъ , и что никто не можетъ препятствовать имъ дѣлать то , что они захотятъ. Когда уже *Любимъ* пришелъ въ возрастъ и разумъ , то узналъ , что надмѣнность , гордость и своенравіе хуже всего на свѣтѣ , Онъ старался исправиться отъ пороковъ ; но привычка къ порокамъ , которую искоренилъ весьма трудно , дѣлала стараніе его бесполезнымъ. Онъ отъ природы не былъ золъ , онъ плакалъ съ досады , когда впадалъ въ какую нибудь погрѣшность и говорилъ : „ Я очень неща- „ стливъ , что долженъ всегда бороться „ съ гнѣвомъ своимъ и гордостью ; „ ежелибъ меня въ малолѣтствѣ опи- „ учили отъ того ; то нынѣ и не без-

„покоился бы такъ. „ Кольцо очень часто кололо ; иногда онъ часто удерживался отъ дурнаго дѣла , а иногда не смотря на то продолжалъ его. Что всего удивительнѣе : когда онъ малый дѣлалъ проступокъ , кольцо кололо его очень слабо ; а когда велика была погрѣшность , то оно его такъ кололо , что изъ его пальца текла кровь. Наконецъ это вывело его изъ шерифнѣя , и онъ рѣшась дѣлать дурное по своей волѣ , кольцо свое бросилъ , и освободясь отъ колоды его , почишалъ себя благополучнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ предался всѣмъ глупостямъ , какія только на мысль ему приходили , и сдѣлался такъ дуренъ , что уже никто терпѣть не могъ.

Въ одинъ день *Любимъ* прогуливаясь увидѣлъ дѣвицу , которая такъ была прекрасна , что онъ рѣшился на ней жениться. Она называлась *Целиєю* , и была столько же умна , сколько и хороша , *Любимъ* думалъ , что *Целия* за великое почтенье счастье бытъ Королевою ; однакожь она ему смѣло ошѣствовала : „ Государь , хотя я простая паспущка и никакакого сосно- „ янѣя не имѣю , но при всѣмъ этомъ не „ хочу бытъ вашею женою. Развѣ я те-

„бѣ не нравлюсь, спросилъ у нее *Лю-*
„*бимъ* въ смущеніи? Нѣтъ, Государь,
„отвѣчала *Целия*: я васъ почишаю
„таковымъ, каковы вы есть, то есть,
„прекраснымъ: но къ чему мнѣ послу-
„житъ красота швоя, богатство, пыш-
„ная одежда и великолѣпныя кареты,
„когда злая дѣла швоя, копорыя я
„всякой день о шебѣ слышу, прину-
„дяютъ меня презирать шебя и ненави-
„дѣть? „ *Любимъ* чрезвычайно на нее
осердился и приказалъ вести насильно
ее во дворецъ. Цѣлый день досадовалъ
онъ на оказанное ему отъ *Целии* пре-
зрѣніе; но по любви своей къ ней не
могъ рѣшиться выпши изъ уваженія
къ ней. Одинъ изъ его любимцевъ, ко-
порый вмѣстѣ будучи воспитанъ, поль-
зовался полною его довѣренностію, и
имѣя отъ природы подлая оклонно-
сти, пошворялъ страстямъ своего Го-
сударя, давалъ ему дурныя совѣты.
Увидѣвъ *Любима* печальнымъ, спраши-
валъ онъ, какая тому причина. Король
отвѣчалъ ему, что онъ не можетъ
стерпѣть отъ *Целии* презрѣнія, и что
рѣшился отъ дурныхъ своихъ поступ-
ковъ исправиться, для того, что ей
поправится безъ добродѣтели не мож-
но. „Вы ужь слишкомъ добродушны,
„говорилъ ему сей злой человекъ, что

„для простой дѣвченки хотите при-
 „нуждать себя. Ежелибъ я былъ на
 „вашемъ мѣстѣ, но принудилъ бы ее
 „повиноваться иначе; вспомните, что
 „вы Король, и что для насъ безчестно
 „опдаться подъ власть паслушки,
 „которая должна бы почищать за ца-
 „спіе быть и въ числѣ невольницъ ва-
 „шихъ. Прикажите посадить ее на
 „хлѣбъ и на воду: запишите въ пюргу;
 „а ежели и тогда не захочетъ за васъ
 „выйти, то прикажите ее казнить,
 „дабы тѣмъ научить и другихъ пови-
 „новаться вашей волѣ. Для васъ очень
 „будетъ безчестно, ежели узнаютъ,
 „что вамъ простая дѣвка противилась,
 „и тогда уже всѣ ваши подданные за-
 „будутъ, что они родились только,
 „чтобъ вамъ угождать. Но не безчест-
 „нѣ ли то для меня будетъ, сказалъ
 „*Любилъ*, ежели я умерщвлю *Целію*,
 „которая въ самомъ дѣлѣ ни въ чемъ
 „невинна. „

Того не лзя назвать виновнымъ, под-
 хватилъ любимецъ, кпо вашей волѣ
 противился, но хотя бы вы чрезъ то
 погрѣшили, шакъ лучше же пусть об-
 виняютъ въ несправедливости, нежели
 помышляютъ, что иногда позволительно
 бываетъ не имѣть къ вамъ прилич-
 наго почтенія и вамъ въ чемъ нибудь

противорѣчить. Придворный напалъ на *Любима* съ слабой стороны, а страхъ видѣть власъ свою въ уменьшеніи, такое въ Король здѣлалъ впечатлѣніе, что онъ доброе намѣреніе исправился, истребилъ вовсе: онъ рѣшился вечеромъ итти въ покой къ пастушкѣ, и поступить съ нею иначе, если она будетъ противиться за него вышши. Любимецъ боялся еще, чтобы *Любимъ* не перемѣнилъ своего намѣренія, созвалъ къ себѣ прехъ молодыхъ господъ, сколько же злонаправныхъ, какъ онъ, для соучаствованія съ Королемъ въ безпутномъ дѣлѣ. Они всѣ вмѣстѣ ужинали, и чтобы лишить сего бѣднаго Короля послѣдняго разсудка, старались его напоить болѣе обыкновеннаго. Во время ужина успѣли они такъ ожесточить его противъ *Целии*, упрекая ему постыдною къ ней слабостию, что всталъ изъ за стола въ бѣшенствѣ, и клялся, что онъ или заставитъ ее себѣ покориться, или на другой день продастъ ее какъ невольницу.

Любимъ, вошедши въ комнату, въ которой находилась дѣвица, не найдя ее тамъ, въ великое пришелъ удивленіе, тѣмъ больше, что ключъ всегда у него былъ. Онъ жестоко разсердился

Часть I. В

и клялся безъ пощады наказать всѣхъ, кто окажется подозрительнъ въ способствованіи *Цели* къ побѣгу. Любимцы его слыша шакія слова спарались воспользоваться его гнѣвомъ и погубить одного придворнаго, которой былъ прежде у *Любима* дядькою. Сей честной человекъ, любя Короля какъ сына своего, часто напоминалъ ему о его погрѣшностяхъ. Сначала *Любимъ* благодарилъ его за то; послѣ того сердился; а наконецъ началъ думать, что дядька его находилъ въ немъ пороки по одному только любочестию. Когда всѣ его хвалили, онъ приказывалъ ему удалиться отъ двора; однакожъ не смотря на то, всегда говорилъ о немъ, что онъ честной человекъ; хотя онъ его и не любилъ, однакожъ, почитаетъ противъ воли своей. Любимцы всегда боялись, чтобъ Королю не вздумалось призвать опять ко двору своего дядьку. Этомъ случай почли самымъ способнымъ къ удаленію его навсегда. Они внушили Королю, что *Сулиманъ*, (такъ назывался сей достойный человекъ) освободилъ *Целию*; при человекѣ, подкупленные подарками, утверждали, что они были свидѣтелями сего *Сулиманова* поступка. Король приведенъ будучи въ бѣшенствѣ

во, приказалъ любимцу своему послать за дядькою своимъ солдатъ, и вести его къ нему въ оковахъ, какъ преступника. *Любимъ* давши такое повелѣнiе, пошелъ въ свою комнату; но лишь только вошелъ въ нее, земля подъ нимъ задрожала, ударилъ громъ и *Кандида* явилась предъ нимъ. „Я общала отцу своему, говорила она ему свирѣпымъ голосомъ, давать тебѣ мои совѣты, а ежели опречешься, сѣдовашь имъ, по наказывашь тебя. Ты презрѣлъ мои совѣты, оставилъ только на себѣ образъ человеческой, а злодѣянiями своими походишь на чудовище и сдѣлался для неба и земли ужасомъ. Время уже исполниться моему общанiю. Осуждаю тебя уподобиться тѣмъ животнымъ, которыхъ ты склонности въ себѣ имѣешь. Гнѣвомъ своимъ похожъ ты на льва; прожорствомъ на волка; поступкомъ, оказаннымъ надъ дядькою, на змѣя; яростию на вола. Прими въ новомъ своемъ видѣ свойства всѣхъ сихъ животныхъ.“

Лишь только волшебница выговорила слова сии, *Любимъ* увидѣлъ себя съ ужасомъ въ такомъ образѣ, какой она ему общала. Онъ имѣлъ голову льви-

ную, рога воловьи, ноги волчьи и змѣнный хвостъ. Въ то же самое время очутился онъ въ дремучемъ лѣсу, на берегу источника, въ которомъ увидѣлъ страшный свой образъ, и слышалъ говорящій къ нему голосъ: „Смотри внимательнѣе на состояніе, въ которое ты приведенъ злодѣйствами твоими. Душа твоя сдѣлалась въ тысячу разъ ужаснѣе твоего тѣла. „*Любимъ* узналъ, что это былъ голосъ *Кандиды* и въ бѣшенствѣ хотѣлъ на нее броситься и сожрать, ежели можно, но онъ никого не видѣлъ, и потѣ же голосъ говорилъ ему: „Я смѣюся слабости твоей и жестокости. Я хочу исполнить свое обѣщаніе и смиришь гордость твою, предавши тебя во власть твоихъ подданныхъ. „

Любимъ думалъ, что удалясь отъ источника, найдетъ въ бѣдствіи своемъ хотя то утѣшеніе, что не будетъ болѣе видѣть своего безобразія. Въ семъ намѣреніи хотѣлъ скрыться въ лѣсѣ, но всупивъ въ него нѣсколько шаговъ, попалъ въ приготовленную для медвѣдей яму. Въ то самое время охотники, которые сидѣли на деревьяхъ, сошли и сковавъ его повели въ столицу его королевства. Во время пуши, вмѣсто того,

чтобъ такое несчастіе почитать слабд-
ствіемъ вины своея, проклиналъ онъ
волшебницу, старался разорвать цѣпи
и предался величайшему бѣшенству.
При входѣ въ городъ, увидѣлъ онъ ве-
ликія увеселенія, и когда охотники
спросили; какая тому была причина,
отвѣтствовали имъ; что Король *Лю-
бимъ*, которой забавлялся мученіемъ
своихъ подданныхъ, убилъ громомъ въ
своей спальнѣ; ибо такъ всѣ о томъ
думали. Боги, прибавили они, не хотѣ-
ли болѣе сносить его злодѣйства, о-
свободили отъ него землю. Четверо
вельможъ, которые были учасниками
въ его преступленіяхъ, вздумали
симъ случаемъ воспользоваться и раздѣ-
лить межъ собою королевство; но на-
родъ зная, что ихъ-то дурные совѣ-
ты довели Короля до злонавія, рас-
терзалъ ихъ на части и отдалъ коро-
ну *Сулиману*, котораго *Любимъ* умер-
твить хотѣлъ. *Сулиманъ* теперь толь-
ко коронованъ и мы празднуемъ этотъ
день, какъ день избавленія королевст-
ва, потому что *Сулиманъ* добродѣте-
ленъ и конечно возвратитъ намъ по-
кой и изобиліе. *Любимъ* услыша такія
слова, стоналъ отъ ярости; но еще
въ большее пришелъ ожесточеніе, ко-
гда его привели на обширную площадь

передъ дворецъ, онъ увидѣлъ Сулиманна на великолѣпномъ престолѣ сѣдящаго, и народъ, который желалъ ему многолѣтствія для поправленія всѣхъ золъ его предшественника. Сулиманъ давъ рукою знакъ, чтобъ всѣ замолчали, говорилъ къ народу: „Я принимаю поднесенную мнѣ вами корону, „для того только, чтобъ сохранить „ее для Короля *Любима*. Онъ не умеръ, „какъ вы думаете, одна волшебница „меня въ помѣ увѣрила, и можетъ ко- „гда нибудь вы его увидите какъ до- „бродѣтельнаго, какъ онъ былъ въ „первыхъ своихъ лѣтахъ. Ахъ! про- „должалъ онъ, проливая слезы, льсте- „цы его развратили. Я зналъ его сер- „дце, оно склонно было къ добродѣ- „тели, и ежелибъ не вредные совѣты „приближенныхъ его, то онъ бы былъ „опцемъ для всѣхъ васъ. Гнушайтесь „его пороками, но жалѣйте о немъ; „станемъ вмѣстѣ просить боговъ, чтобъ „они его намъ возвратили. Что до ме- „ня принадлежитъ, я бы за щастіе „почелъ пролить кровь свою на семъ „престолѣ, ежелибъ могъ увидѣть на „немъ *Любима* съ достойными распо- „ложеніями. „

*Любимо*во сердце чувствительно было тронуто *Сулимановыми* словами.

Тутъ-то узналъ онъ, сколько усердіе и вѣрность къ нему сего человека, некрены были, и въ первый разъ укорялъ себя въ преступленіяхъ своихъ. Лишь только внялъ онъ сему доброму намѣренію, потчасъ почувствовалъ, что ярость его утишилась. Онъ разсуждалъ о всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, и нацель, что наказаніе его не столь жестоко было, какъ онъ заслуживалъ. И такъ пересталъ онъ рваться изъ цѣпей, которыми былъ спутанъ, и сдѣлался такъ тихъ, какъ агнецъ. Его отвели въ звѣринецъ, въ которомъ были всякія чудовища и дикіе звѣри, и приковали тамъ съ прочими.

Любимъ рѣшился съ сего времени исправляться отъ своихъ пороковъ, оказывая покорность приславленному къ нему человеку. Этотъ человекъ былъ самаго звѣрскаго нрава, и сколько чудовище ни смиро было, но онъ когда самъ былъ не веселъ, билъ его безъ всякой причины. Какъ въ одинъ день сей присланикъ уснулъ, тигръ сорвавшись съ цѣпи бросился на него и хотѣлъ сожрать: *Любимъ* обрадовался тому, что избавится отъ своего мучителя, но потчасъ раскаялся въ своемъ чувствованіи и захотѣлъ полу-

чить свободу; спасши жизнь сего нещаснаго, говорилъ онъ, я заплачу ему за зло добромъ. Лишь только пожелалъ онъ сего, цѣпь его перервалась сама собою. Онъ бросился на помощь къ приставнику, который уже проснулся и защищался противу пигра. Увидя бѣгущее къ нему чудовище, онъ уже считалъ себя погибшимъ; но страхъ его въ величайшую радость обратился, когда увидѣлъ, что благодѣтельное чудовище бросилось на пигра и задавя его упало тотчасъ къ ногамъ того самаго, которому спасло жизнь. Сей человекъ тронувъ будучи благодарностію, хотѣлъ поклониться, чтобъ погладить чудовище, которое ему сдѣлало столь великую услугу; но вдругъ услышалъ голосъ, говорящій сіи слова: *Доброе дѣло никогда не остается безъ награжденія.* И въ то же время вмѣсто чудовища увидѣлъ у ногъ своихъ прекрасную собачку.

Любимъ обрадовавшись своему превращенію, чрезвычайно ласкался къ приставнику, которой взявъ его на руки отнесъ къ Королю, и рассказалъ ему о семъ чудномъ происшествіи. Королева оставила собачку у себя, и *Любимъ* въ новомъ своемъ состояніи

былъ бы очень щастливъ , ежелибъ могъ забыть , что онъ былъ человѣкомъ и Королемъ. Королева весьма ее любила ; но боясь , чтобъ она не выросла больше , совѣтовалась о томъ съ лѣкарями , которые говорили ей , что собачку надобно кормить однимъ только хлѣбомъ , и то давать ей извѣстное количество. Бѣдный *Любимъ* по половинѣ дня умиралъ съ голода ; но долженъ былъ терпѣть.

Въ одинъ день получа опредѣленный ему кусочикъ хлѣба , захотѣлъ онъ пойти сбѣсть его въ саду. Онъ взялъ его и пошелъ по рву , который ему былъ извѣстенъ и находился въ нѣкоторомъ отдаленіи ; но онъ уже не нашелъ того рва , а увидѣлъ на томъ мѣстѣ огромный домъ , который снаружи украшенъ былъ золотомъ и дорогими камнями. Онъ увидѣлъ идущихъ въ него множество мужчинъ и женщинъ въ великолѣпномъ одѣяніи , которые вошедши шуда пбли , плясали и за изобильнѣйшимъ столомъ веселились ; но всѣ тѣ , которые выходили отшуда , были блѣдны , тощи , покрыты ранами , и совсѣмъ почти наги , потому что одежда ихъ вся была изодрана. Нѣкоторые изъ нихъ вышедши и не въ силахъ бу-

дучи пащиться далѣе, падали мертвы; другіе съ великимъ прудомъ отходили; а нные лежали на землѣ умирая съ голода, они просили у входящихъ въ домъ куска хлѣба, но тѣ на нихъ и смотрѣть не хотѣли. *Любимъ* подошедши къ одной молодой дѣвицѣ, которая старалась нарвать для пищи себѣ травы, и сжался надъ нею, говорилъ самъ въ себѣ: „Мнѣ очень ѣсть, хочется, однакожъ я до своего обѣда не умру съ голоду, а опдамъ свой кусочикъ этой бѣдной пшари, можеть быть избавлю ее отъ смерти.“ Онъ рѣшился сіе исполнить доброе намереніе; и хлѣбъ свой положилъ въ руку дѣвицѣ, которая съѣла его съ жадностію. Вскорѣ послѣ того *Любимъ* увидѣлъ, что она совершенно оправилась и въ чрезвычайной радости, что помогъ ей шакъ къ спаши, хотѣлъ бѣжать ко дворцу; но между тѣмъ слышалъ вопль и увидѣлъ *Целию* въ рукахъ четырехъ человекъ, которые пащили ее насильно въ сей великолѣпный домъ. *Любимъ* жалѣлъ чрезвычайно, что онъ уже не въ видѣ чудовища, и что не въ силахъ пособить *Целии*: но будучи слабою только собачкою не можеть, и слѣдовать за ними. Они ошпалкивали его ногами, но онъ желая

знать, что послѣдуетъ съ *Целію*, рѣшился не отставать отъ нихъ. Укоряя себя въ несчастіи сей прекрасной дѣвицы: „увы! говорилъ онъ самъ въ „себѣ, я досажую на сихъ похищителей; но не шаковоель же и я пресшупленіе сдѣлалъ? И естли бы справедливостъ Божія не отвратила злого моего намѣренія, не такъ ли бы я злодѣйски поступилъ съ нею? „

Размышленія *Любимовы* прерваны были произшедшимъ надъ его головою шумомъ. Онъ взглянулъ вверхъ, и въ открытое окно увидѣлъ *Целію*, которая бросила изъ окна блюдо полное кушанья, которое такъ хорошо было изготовлено, что по одному виду ѣсть его хотѣлось. Вскорѣ потомъ окно было затворено, и *Любимъ* не бѣвши почти цѣлый день такимъ случаемъ хотѣлъ воспользоваться и побѣждалъ къ блюду; но молодая дѣвица, которой онъ отдалъ свой хлѣбъ, подняла крикъ, и схватя его на руки, говорила ему: „Бѣдное животное, не касайся этого кушанья; домъ этотъ, естъ домъ сластолюбія, и все, что изъ него исходитъ, ядоносно. „

Въ то самое время *Любимъ* услышалъ говорящій ему голосъ: „Ты ви-

„дишь, что ни одно доброе дѣло не остается безъ награжденія. „И тотчасъ обращенъ былъ въ прекраснаго благаго голубя. Вспомнивъ, что сей цвѣтъ былъ *Кандидинъ*, началъ онъ надѣяться, что она наконецъ удостоитъ его своихъ милостей.

Желая приблизиться къ *Целии*, поднялся онъ на воздухъ, леталъ около дома, и весьма обрадовался увидя, что окно опворено; влетѣлъ туда, но сколько ни леталъ по покоямъ, *Целии* не нашелъ, однакожъ въ отчаяніи рѣшился летать вездѣ до тѣхъ поръ, пока ее сыщеть. Много дней леталъ онъ, и залетѣвши въ одну пустыню приблизился къ пещерѣ. Какая была его радость! когда увидѣлъ онъ тамъ *Целию*, которая сидя съ почтеннымъ пустынникомъ вкушала простую пищу. *Любилъ* въ восхищеніи влетѣлъ на плечо прекрасной пастушки и лобызаніемъ извяснилъ ей удовольствіе, которое онъ чувствовалъ отъ свиданія съ нею. *Целия* любясь ласкою пшички, также ее ласкала, и хотя думала, что голубокъ словъ ея не понимаетъ, говорила ему, что она подарокъ, который ей собою дѣлаетъ, принимаетъ съ удовольствіемъ.

и всегда его любить будетъ. Что ты сдѣлала *Целія*, говорилъ ей пустынный, ты дала ему слово? Такъ, любезная пастушка, сказалъ ей *Любимъ*, которой въ шужь минушу получилъ прежній свой образъ, копецъ превращеній моихъ зависѣлъ отъ согласія твоего на соединеніе наше. Ты обещалась всегда любить меня; утверди мое благосполучіе, или я стану просить волшебницу *Кандиду*, покровительницу свою, чтобы она возвратила мнѣ тотъ видъ, въ которомъ я имѣлъ счастье тебѣ понравиться. Ты не долженъ опасаться непостоянства ея, говорила ему *Кандида*, которая оставя образъ пустытника, подъ коимъ она скрывалась, явилась предъ ними въ собственномъ своемъ видѣ. „*Целія* полюбила тебя съ того самаго времени, какъ тебя увидѣла, но пороки твои заставили ее скрывать склонность свою. Перемена сердца твоего дастъ ей свободу предаться совершенно любви своей. Вы будете жить благополучно, потому что соединеніе ваше основано будетъ на добродѣтели. „

Любимъ и *Целія* упали предъ *Кандидою* на колѣни. *Любимъ* благодарилъ ей, сколько можно было, за ея

милости; а *Целия* будучи весьма довольна, что онъ раскаявался въ своихъ заблужденіяхъ, увѣряла его въ любви своей. „Вспаньте, дѣши мои, сказала „имъ волшебница, я перенесу васъ въ „вашъ дворецъ и возвращу *Любиму* „корону, которой онъ прежде за по- „роки свои сдѣлался не достойнымъ. „Лишь только выговорила она сіи слова, они уже очутились въ комнату у *Сулимана*, который чрезвычайно обрадовавшись, что увидѣлъ Государя своего добродѣтельнымъ, отдалъ ему престолъ и оспался вѣрнѣйшимъ его подданнымъ. *Любимъ* царствовалъ съ *Целиею* долгое время, и сказывающъ, такъ исполнялъ должности свои, что кольцо, которое онъ опять носилъ на рукъ своей, никогда уже до крови его не колело.

Г. М. . . .

Ахъ, сударыня! какъ прекрасна эта сказочка; ежелибъ я была на мѣстѣ *Г. Благоразумовой*, я бы васъ всякой день просила рассказывать еще такія. Ежели я урокъ свой хорошо выучу, скажете ли вы мнѣ еще какуюнибудь сказочку?

Г. Добронравова.

Изволь, моя душа; скажижъ мнѣ,

«Что тебѣ въ этой сказочкѣ больше всего понравилось?»

Г. М. . . .

Все хорошо; а больше полюбилось мнѣ это прекрасное кольцо, которое мѣшало *Любиму* дѣлать глупость.

Г. Остроумова.

Мнѣ бы очень надобно такое кольцо; оно бы у меня часто руку кололо.

Г. Доброирасова.

Мнѣ очень, моя душа, пріятно швое признаніе; однакожъ я тебѣ хочу сказать, что мы всѣ такое кольцо имѣемъ.

Г. Благоразумова.

Я, сударыня, обѣ закладъ ударюсь, что угадала: не колесѣ ли насъ совѣсть, когда мы что нибудь дурное дѣлаемъ.

Г. Доброирасова.

Точно такъ, моя душа.

Г. Ш. . . .

Видно и мнѣ это же кольцо часто напоминаетъ, чтобъ я не топала ногами. Я поступаю во всемъ какъ *Любимъ*, когда онъ малъ былъ, и моя няня пѣчно та-

кая же дура, какъ его, потому что она часто говоритъ: начто вы даете робенку плакать? Давайте ему все, что ни попроситъ: я надѣюсь на это, разв по тридцати въ день плачу; однакожъ право я хочу исправиться, чпобъ и мнѣ не здѣлались такимъ гадкимъ звѣремъ, какъ случилось быть *Любиму*.

Г. М. . . .

Развѣ и въ самомъ дѣлѣ отъ злонравія можно превратиться въ чудовище и имѣть рога?

Г. Доброуравова.

Нѣтъ, моя душа, тѣло останеся такъ, какъ оно есть; а душа сдѣлаешся еще гнуснѣе и отвратительнѣе чудовища, ежели не будетъ добродѣельною дѣвицею.

Г. Ш. . . .

Мнѣ очень хочется быть доброю; да я часто зла бываю противъ воли своей, и скорѣе сдѣлаю глупость, нежели о томъ подумаю. Не люблю, чпобъ со мною въ чемъ спорили, и какъ скоро не сдѣлаютъ того, что я хочу, то я и разсержуся, бью свою служанку, ругаю сестеръ, насмѣхаюсь

надѣ учителами; скажите пожалуйста, какъ бы мнѣ отъ этого отспать ?

Г. Доброуравова.

Это не правда, моя душа, чтобъ ты сердита была противъ воли своей; потому что мы можемъ всегда быть добры, ежели употребимъ къ тому добрыя средства. Я тебѣ скажу объ нихъ : первое надобно молиться Богу по утру и въ вечеру, и просить его, чтобъ онъ являлъ тебѣ милость свою и тебя исправлялъ; потому что мы безъ его помощи не можемъ ничего сдѣлать; однакожъ просить такой милости должна ты отъ всего своего сердца, и какъ ты просишь у матушки что нибудь такое, чего тебѣ больше всего хочется. Второе, надобно погрѣшность свою поправлять, прося прощенія и у служанки, когда ты ее обидишь, а особливо у сестръ, которыхъ ты должна просить и о томъ, чтобъ онѣ предостерегали. Когда же ты точно хочешь исправиться, то надобно тебѣ всякой вечеръ записать всѣ дурныя слова, которыя въ день выговоришь, и увѣряю тебя, что ты будешь ихъ стыдиться. Ты должна подумать, что Богъ видитъ всѣ твои дѣянія, что онъ ими укоряетъ тебя будешь; и ежели не исправишься, что

самъ тебя накажешь или въ сей жизни или въ будущей : ты знаешь ли это моя душа ?

Г. Ш. . . .

Мнѣ объ этомъ говорили ; да я никогда о томъ не думала.

Г. *Добронравова.*

Это вѣроятно , что томъ не можешь быть злонаравенъ , кто объ этомъ разсуждаетъ ; а чтобъ вы о томъ помнили , мои дѣти , надобно вамъ разсказать , что такое есть Священное Писаніе. Оно есть Божественная книга , по внушенію Духа Святаго написанная ; и потому надобно ее читать , поучаться и повпорять съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. Читая эту прекрасную исторію , узнаете вы , какъ Богъ благъ и всемогущъ ; узнаете также , какъ вы его любите обязаны и бояться его прогнѣвлять , потому что онъ злонаравныхъ наказываетъ. Помните , мои дѣти , что это одна только такая исторія , о справедливости которой сомнѣваться не можно : гораздо вѣрнѣе то , что она справедлива , нежели то , что теперь день. Прощайте , мои любезныя , я надѣюсь , что и впредь буду столько же довольна вашимъ прилѣжаніемъ.

РАЗГОВОРЪ IV.

ДЕНЬ. II.

Госпожа Доброурадова.

Здравствуйте, мои любзныя дѣти; а для чего вы не привели съ собою *Госпожи Вертопраховой*?

Г. Остроумова.

Она сказала, что ужь больше ходишь не хочеть, для того, что ей исторіи и сказки наскучили.

Г. Доброурадова.

Вотъ видите, любезныя дѣти, что дѣлаеть дурная привычка. *Госпожа Вертопрахова* привыкла цѣлые дни проводить въ игрушкахъ: и все то, что не игра, для нее скучно и не нравится ей. Она будетъ во всю жизнь невѣжею, дурою; и хотя она расположена къ добру, однакожь въ обхожденіи всегда глупа будетъ. Вы не слѣдуйте ея дурному примѣру; я увѣрена, что *Г. М.*... гораздо ее разумнѣе и урокъ свой вѣрно выучила.

Г. М....

Я, сударыня, раза съ четыре прочла его и пересказала батюшкѣ и мапушкѣ; хопите ли я и вамъ его повторю?

Г. Доброуравова.

Хорошо, моя душа.

Г. М. . . .

Давно уже, очень давно, какъ не было ни неба, ни земли, ни людей, ни животныхъ; а одинъ только Богъ былъ, потому что Онъ всегда былъ. Онъ все дѣлать можетъ, что хочетъ, и ежелибъ повелѣлъ, чтобъ въ эту минуту шутъ садъ былъ; то и былъ бы садъ. Онъ вдругъ сказалъ, что ему угодно, чтобъ было небо, земля, и деревья, птицы, рыбы, цвѣты и проч. И лишъ только сказалъ, я хочу: все это исполнилось, и что мы видимъ здѣлалось, сотворилъ Онъ въ пять дней: въ шестой перстъ взялъ отъ земли и создалъ человека; однакожъ этотъ не говорилъ, не ходилъ и подобенъ былъ статуи; для сего Богъ вдунулъ въ него душу по своему подобію и назвалъ его *Адамомъ*; а чтобъ ему одному не было скучно, Богъ насладъ на него сонъ: во время сна вынулъ изъ него одно ребро, и сотворилъ изъ ребра большую женщину, такую какъ матушка. Эта женщина, которая сотворена изъ ребра *Адамова*, названа *Евою* и введена съ *Адамомъ* въ пре-

красный садъ , въ которомъ множество было всякихъ плодовъ : фиговъ , сливъ , грушъ , персиковъ и прочихъ . Было также въ саду одно дерево , на которомъ росли прекрасныя яблоки . Богъ сказалъ *Адаму* и *Еввѣ* : Вы можете вкушать всѣ плоды , какіе есть въ семъ саду , это я вамъ позволяю ; но запрещаю прикасаться къ тѣмъ яблокамъ ; ежели вы вкусите ихъ , то умрете . Діаволь , злой духъ , которой милосердаго Бога ослушался , позавидовавши *Адаму* и *Еввѣ* , захотѣлъ ихъ здѣлать такими же злыми и несчастными , какъ и самъ , для того принялъ на себя видъ змѣя , и говорилъ *Еввѣ* , которая одна прогуливалась : Для чего вы не ядите сихъ прекрасныхъ яблоковъ ? они очень вкусны . *Евва* , вмѣсто того , чтобъ не слушать или бѣжать отъ него , стала съ нимъ разговаривать , и сказала ему : Богъ запретилъ намъ вкушать эти плоды , и сказалъ намъ , что мы умремъ , ежели къ нимъ и прикоснемся . Сему не должно вѣрять , что говоритъ Богъ , отвѣчалъ діаволь : онъ запретилъ намъ вкушать ихъ для того , что ежели вкусите , также велики , мудры и сильны будете какъ онъ . *Евва* желая быть столько же премудра , какъ Богъ ,

по легковѣрїю своему, діаволу повѣри-
ла. Она сорвала одно яблоко для себя,
а другое дала *Адаму*. Когда они вку-
сили запрещенной плодѣ; узнали, что
преступили заповѣдь, со стыдомъ
скрылись подѣ деревья, какъ будто бы
можно было отъ Бога скрыться. Чрезъ
нѣсколько времени Богъ призвалъ *Ада-
ма* и вопрошалъ его: для чего ты
преступилъ мою заповѣдь? *Адамъ* вмѣ-
сто того, чѣмъ признался въ своемъ
преступленїи и просить у Бога про-
щенїя, началъ оправдываться: Господи!
жена, которую ты мнѣ далъ, ве-
лѣла мнѣ вкусить плодѣ сей. Господи!
говорила *Ева*, меня змѣй прельстилъ.
Когда вы всѣ трое виновны, сказалъ
имъ Богъ, по всѣ трое и наказаны бу-
дете. Змѣй да будетъ проклятъ и же-
на сотретъ ему главу. *Ева* да пови-
нуется своему мужу. *Адамъ* да у-
мретъ, какъ и жена его, и съ сего вре-
мени да трудится о хлѣбѣ въ потѣ
лица своего. Послѣ сего Богъ выгналъ
Адама и *Еву* изъ прекраснаго сада,
который назывался *земнымъ раемъ*, и
чѣмъ они туда не входили, приста-
вилъ ко вратамъ Ангела съ пламеннымъ
мечемъ.

Г. Добронравова.

Поди сюда, моя душа, я тебя поцѣлю. Ты такъ хорошо пересказала свою исторію, хоть бы такъ пересказашь и болшей дѣвицѣ. Однакожѣ скажи мнѣ пожалуй, для того ли мы только учимся исторіи, чтобѣ бытъ учеными?

Г. М.

Я не знаю, сударыня.

Г. Добронравова.

Ну, Госпожа Благоразумова, скажи мнѣ, что надобно дѣлать, выучили ли услыша исторію?

Г. Благоразумова.

Вы мнѣ сказывали, что надобно разсматривать пороки и добродѣтели тѣхъ людей, о которыхъ говоритъ исторія, и осерегаться отъ пороковъ, а слѣдовать добродѣтелямъ.

Г. Добронравова.

Ты очень хорошо отвѣчала, моя душа. А ты Госпожа Н. . . . что лучшаго въ этой исторіи находишь?

Г. Н.

Когда я въ чемънибудь провинюсь, сударыня, не стану оправдываться, а буду просить прощенія.

Г. Добронравова.

Это очень хорошо, а ты *Госпожа Ш.* . . .

Г. Ш. . . .

Ежели я захочу много ъсть, или не захочу слушаться, то стану думать, что подлѣ меня змѣй, и что это онѣ меня прельщаетъ, и скажу ему: поди отъ меня прочь, злодѣй; я хочу лучше повиноваться Богу, нежели тебѣ.

Г. Добронравова.

Ты умная дѣвица, что такъ думаешь; какъ то ты объ этомъ думаешь, *Госпожа Остроумова*?

Г. Остроумова.

Я думаю, сударыня, что *Ева* очень горда была, когда ей захотѣлось быть также премудрой, какъ Богъ. Думаю также, что она была прожорлива: когда бы ей нечего было ъсть, такъ я бы ей проспила; но она имѣла множество другихъ плодовъ, и мнѣ кажется, ежелибъ я была на ея мѣстѣ, то объ этихъ вредныхъ яблокахъ и не подумала бы.

Г. Добронравова.

Ежелибъ нашъ разговоръ не былъ продолженъ, я бы вамъ расска-

зала прекрасную исторію, о которой по словамъ своимъ вспомнила; вы ее скоро услышите.

Г. Остроумова.

Ахъ! сударыня, я увѣрена, что всѣ мы охотно васъ слушаемъ: прошу васъ, расскажите намъ теперь эту исторію.

Г. Добропрасова.

Что вы скажете, любезные дѣти? *Всѣ вмѣстѣ.* Намъ очень хочется слушать.

Г. Добропрасова.

Нѣкоторый Король, будучи на охотѣ, заблудился. Между тѣмъ, какъ онъ искалъ дороги, услышалъ говорящихъ людей, и подвѣзая къ тому мѣсту, откуда слышанъ былъ голосъ, увидѣлъ мужчину и женщину, которые рубили дрова. Это были мужъ съ женою. Жена говорила, такъ какъ сказала *Госпожа Остроумова*: „Прав-
„ду сказать, мать наша *Ева* очень
„была прожорлива, что свѣла запре-
„ценное яблоко! Ежели бы она была
„послушна Богу, такъ мы бы не прудились
„всякой день. Это правда, что
„*Ева* была прожорлива, отвѣчалъ
„мужъ, да и *Адамъ* не менѣе былъ,

„ что ее послушался. Ежелибъ я былъ
„ на его мѣстѣ, и когдабъ ты стала
„ меня уговаривать свѣсть это яблоко,
„ ябъ тебѣ добрую далъ пощочину, и не
„ захотѣлъ бы тебя слушать.,, Король
подѣбхавши къ нимъ поближе, гово-
рилъ имъ : „ Вамъ ; я чаю, много тру-
„ да, бѣдные люди? Очень много, Су-
„ дарь, опивѣчали они, (они не знали,
„ что это былъ Король,) мы работа-
„ емъ, какъ лошади съ ушра до самаго
„ вечера, а все живемъ не безъ нужды.
„ Спупайте со мною, сказалъ имъ Ко-
„ роль, я васъ буду кормить, не заста-
„ вляя работашь.,, Вдругъ прѣхали шу-
да придворные, которые Короля иска-
ли ; и бѣдные люди въ великомъ были
удивленіи и радости. Когда они при-
ведены во дворець, Король приказалъ
одѣшь ихъ въ богатое платьѣ, дать
имъ карешу, лакѣевъ, и всякой день
подавали имъ на столъ не менѣе две-
надцати блюдъ разнаго кушанья. По
прошествіи мѣсяца стали уже пода-
вать по двадцати по четыре блюда;
а посреди стола ставили одно боль-
шее, которое закрыто было. Жена,
по любопытству своему, захотѣла
открыть это блюдо, но одинъ изъ Ко-
ролевскихъ служителей сказалъ ей,
что Король имъ запретилъ откры-

вать это блюдо , и что ему угодно , чтобъ они не видали , что есть на блю-дѣ. Когда лакѣи вышли , мужъ примѣ-тя , что жена его ничего не бѣств и пе-чалится , спрашивалъ у нее , какая по-му причина ; она отвѣчала , что ей ни-какого кушанья не хочется , кромѣ шо-го , которое на закрытомъ блюдѣ.

Ты очень глупа , сказалъ ей мужъ ; вѣсть ты слышала , что отъ Короля запрещено прогать это блюдо ? Король несправедливо это дѣлаетъ , говорила жена ; ежели онъ не хочетъ , чтобъ видѣли , что на блюдѣ , такъ на что его и на столѣ ставить. Въ то самое вре-мя начала она плакать , и сказала му-жу , что ежели онъ не хочетъ от-крыть блюда , такъ она убьетъ себя. Мужу то чрезвычайно было досадно ; но какъ онъ ее очень любилъ , то го-ворилъ ей , что онъ все сдѣлаетъ , что ей угодно , лишь бы только она не пе-чалилась. Онъ тотчасъ открылъ блю-до , съ котораго , соскочила мышь , и ушла , хотя они и бросились ловить ее. Въ то самое время входилъ Король и спрашиваетъ , гдѣ дѣвалась мышь. Го-сударь , говорилъ ему мужъ , жена моя захотѣла видѣть , что такое было на блюдѣ , и покоя мнѣ не давала , чтобъ

я открылъ его; я ее послушался, открылъ и мышь убѣжала. А! а! сказалъ Король, не ты ли говорилъ, что ежелибъ ты былъ на *Адамовомъ* мѣстѣ, то далъ бы *Евѣ* пощочину, чтобъ она не была любопытна и прожорлива: Тебѣ надобно было при этомъ случаѣ вспомнить свое обѣщаніе. А ты, негодная жена, ты имѣла, такъ какъ и *Ева*, всего много для своего насыщенія; но для тебя этого было не довольно, а захотѣлось того, что запрещено было. Подижежь, несчастные, подиже опять въ лѣсѣ работай и не жалуйтесь больше на *Адама* и жену его въ дурномъ своемъ состояніи, потому что вы и сами сдѣлали такое же преступленіе, въ какомъ ихъ обвиняете.

Г. Остроумова.

Вы, сударыня, вѣрно для меня выдумали эту исторію!

Г. Добронравова.

Нѣтъ, моя душа, я ее гдѣ-то читала; а это правда, что она очень сходна съ своими мыслями. Теперь пойдемъ пить чай, любезные дѣти, а послѣ того, *Госпожа Н.* . . . перескажетъ намъ свою исторію.

Г. Н. . . .

Послѣ того какъ *Адамъ* и *Ева*, выгнаны были изъ земнаго рая, родилось у нихъ два сына. Старшій назывался *Кайномъ*, а младшій *Авелемъ*. *Кайнъ* былъ земледѣльцемъ, а *Авель* пастухомъ. *Адамъ* обыкновенно приносилъ въ жертву Богу нѣкоторую часть отъ всего, что онъ имѣлъ, какъ то первые плоды, первые цѣлныи и первыхъ скотовъ. Сіе дѣлалъ онъ не для того, что бы Богъ имѣлъ въ томъ нужду, а для воспоминанія, что все то, что у него ни было, было отъ Бога. *Кайнъ* и *Авель* слѣдовали въ томъ примѣру отца своего; однакожъ *Кайнъ* не отъ чистаго сердца приносилъ Богу жертву. Ежели у него въ саду родится хорошая груша, то онъ беретъ ее для себя, а Богу приносилъ такую, которая для него не годилась. *Авель* же напротивъ того, для принесенія въ жертву, выбиралъ самыхъ лучшихъ пучныхъ ягнятковъ, за то его Богъ и любилъ больше, нежели его брата *Кайна*. *Кайнъ* спалъ этому завидовашь и печалишья. Богъ спросилъ у него нѣкогда: для чего ты *Кайнъ* печалишья? Или ты не знаешъ, что когда ты сдѣлаешъ добро, то получишъ за то

награжденіе, а ежели сдѣлаешь зло, то будешь наказанъ, кабы сказалъ ему Богъ, что печалишься должно злому только человѣку; и такъ вмѣстѣ того, что ты печалишься, здѣлайся добрымъ, и будешь совершенно доволеешь. *Кайнъ* не воспользовался наставленіемъ, которое ему Богъ по милосердію своему далъ; спрашивалъ нѣкогда брата своего *Авеля*: не хочешь ли ты вмѣстѣ со мною прогуляться? *Авель* считая брата своего такимъ же добросердечнымъ, каковъ самъ былъ, отвѣщивалъ, что идетъ съ нимъ. И такъ пошли они вмѣстѣ, и когда отошли далеко, тогда *Кайнъ* убилъ бѣднаго брата своего *Авеля*. Онъ сдѣлалъ это въ отдаленномъ мѣстѣ для того, чтобъ *Адамъ* и *Ева* не узнали о его злодѣйствѣ; но Богъ, который вездѣ присутствуетъ, видѣлъ преступленіе его. Онъ Хошѣлъ испытать *Кайна* и спросилъ его: *Кайнъ*, гдѣ *Авель* братъ твой? Я не вижу его, развѣ я долженъ сперечь моего брата, отвѣчалъ ему *Кайнъ*? Проклятый ты человѣкъ, сказалъ ему Богъ, ты убилъ брата своего *Авеля*, поди и скитайся по всему свѣту, ты ни на одну минуту не будешь имѣть покоя. Злодѣйство твое и день и ночь мучить тебя будетъ, а

чтобъ больше умножитьъ свое муче-
 ніе, я запрещу другимъ *Адамовымъ*
 дѣшамъ убивать себя. Вскорѣ послѣ
 того *Кайнъ* удалился и съ женою отъ
 своего жилища и имѣлъ множество
 дѣшей.

Г. Доброуравова.

Лучше эпюва не лъзя пересказать
 исторію; однакожъ, скажи мнѣ, *Гос-
 пожа Ш. . . .* Не думала ты чего,
 слушаая исторію о *Кайнѣ*?

Г. Ш. . . .

Да, сударыня, я думала нѣчто; но
 не смѣю сказать вамъ; это очень дур-
 но.

Г. Доброуравова.

Полно, моя душа; когда молодая
 дѣвица чистосердечно признается въ
 своихъ погрѣшностяхъ; то это зна-
 чить, что она хочетъ исправиться.

Г. Ш. . . .

Ежели такъ, Сударыня, то я вамъ
 признаюсь, что я прошивъ старшей
 моей сестрицы такъ завистлива, какъ
Кайнъ; бабушка и мапушка любятъ
 ее больше, нежели меня, и я на нее
 такъ за сіе сержусь, что я бы ее у-
 била, ежелибъ было можно.

Г. Доброправова.

Да не сама ли ты, моя душа, виновата, что сестру твою больше любяшь, нежели тебя? Скажи мнѣ, ежелибъ ты была матерью и у тебя бы было двѣ дочери, одна тиха, добропровна, послушна и прилѣжна къ ученію; а другая своенравна, злонравна, груба и не послушлива къ своимъ родителямъ; которуюбъ ты больше любила?

Г. Ш. . . .

Я бы первую любила больше.

Г. Доброправова.

Такъ не надобно сердиться на бабюшку и мамушку, что они сестру твою любяшь больше, нежели тебя: будь также добропровна, какъ она, то конечно и тебя столько же любишь будешь.

Г. Ш. . . .

Я бы очень этого хотѣла, сударыня, и обѣщаюсь впредь записывать всѣ глупости, которыя или говоришь, или дѣлаешь буду.

Г. Доброправова.

А я тебя увѣряю, что ты конечно исправишься; это справедливо, и лю-

бима также будешь и щасплива, какъ старшая швоя сестра; а потъ, кто злоправенъ, не можетъ быть щаспливъ.

Г. Ш.

Это подлинно правда. Я недавно осердившись сказала моей учительницѣ, что я бы хотѣла умереть.

Г. Доброирасова.

Ты меня въ ужасъ приводишь, моя душа; какъ ты озлилась! Ну, ежелибъ ты и въ самомъ дѣлѣ умерла не испрося у Бога прощенія, чпобъ съ тобою было? Онъ столько милосердъ, что дастъ тебѣ время на поправление; ты должна сего же вечера благодарить его за эту милость и обѣцаться чистосердечно, что будешь его любить всѣмъ сердцемъ. Прощайте, любезные дѣти, я очень довольна вашимъ вниманіемъ, и за то какъ вы впередъ ко мнѣ придете, скажу вамъ хорошую исторію и прекрасную сказочку.

РАЗГОВОРЪ V.

ДЕНЬ III.

Г. Добронравова.

Вы сего дня очень рано пришли, любезные дѣти: мы теперь лишь изъ за стола встали.

Г. Остроумова.

Мы, сударыня, обѣдали всѣ вмѣстѣ, и намъ такъ хотѣлось скоро васъ видѣшь, что мы за столomb больше чемъ верши часа не сидѣли.

Г. Добронравова.

За то васъ надобно побранить; любезные дѣти: ничто такъ не вредно для здоровья, какъ бѣсть скоро. Въ наказаніе за то я вамъ ничего не скажу, пока не напьемся чаю, а теперь пойдѣмъ въ садъ прогуляться.

Г. М. . . .

Я люблю прогуливаться, а слушать исторіи и того больше. Простите намъ, сударыня, первую вину; я вамъ клянусь совѣстію, что совсѣмъ не знала, что скоро бѣсть дурно.

Г. Добронравова.

И это также дурно, что ты клянешься совѣстію, впередъ эшова не дѣ-

лай. Я теперь не стану прослушивать ваши уроки, любезные дѣти; боюсь, чтобъ вамъ не было вредно, ежели скоро послѣ обѣда станете учиться.

Г. Ш. . . .

Очень хорошо, Сударыня, и мы ничего говорить не станемъ, а станемъ слушать прекрасную сказочку, которую вы намъ сказать обѣщали: кажешся, отъ этова мы не устанемъ.

Г. Доброуравова.

Видно, что желаніе ваше надобно исполнить, мои дѣти. Когда вы порядочно поступаете, я ни въ чемъ не могу отказать вамъ: пойдемъ же въ садъ, я вамъ расскажу сказочку, которую въ послѣдній разъ обѣщала.

С К А З К А

О Красавицѣ и Звѣрѣ.

Нѣкоторой очень богатой купецъ имѣлъ шестерыхъ дѣтей, трехъ сыновей и трехъ дочерей, онъ былъ человѣкъ умный, и потому для воспитанія дѣтей своихъ не жалѣлъ ничего, и содержалъ для нихъ разныхъ учителей. Дочери его лицомъ были очень хороши,

особливо меньшая, которую въ малолѣтствѣ еще называли *Красавицею*. Она и по возрастѣ называлась тѣмъ же именемъ; чѣмъ въ сестрахъ своихъ произвела великую зависть. При красотѣ своей была она и благонаравие, нежели сестры ея, которыя очень гордились, что были дочери богатого отца, и почитали себя знаными господами, презирали другихъ купеческихъ дочерей, имѣли знакомство съ знаными людьми. Всякой день разбѣзжали по баламъ, комедіямъ и прогулкамъ, и смѣялись надъ меншею сестрою, что она большую часть времени проводила въ чтеніи книгъ. Многіе богатые купцы, зная, что этѣ дѣвицы довольно достаточны, за нихъ сватались; но обѣ большія сестры отвѣтствовали, что онѣ намѣрены выйти не меньше, какъ за Герцоговъ, или по крайней мѣрѣ за Графовъ. *Красавица* напротивъ того очень вѣжливо благодарила тѣхъ, которые сватались за нее, отговаривалась только тѣмъ, что она очень молода и что нѣсколько лѣтъ хочетъ еще побыть при отцѣ своемъ. Вдругъ купецъ лишился всего своего имѣнія, и только осмался у него не большой въ деревнѣ домикъ въ отдаленности отъ города. Пролывая слезы, говорилъ онъ

дѣтямъ своимъ , что имъ надобно перейши въ эпошъ домикъ , и кормиться шрудами , пакъ какъ и другіе поселяне . Старшія дочери отвѣчали ему , что онѣ не пойдуть изъ города , что онѣ имѣють множество обожашелей , которые не смотря на ихъ бѣдность , очень охотно возмуть ихъ за себя ; однакожъ онѣ въ томъ обманулись : Любовники узнавъ , что онѣ пришли въ бѣдность , и смотрѣшь на нихъ не хотѣли . Какъ никто ихъ не любилъ , по причинѣ гордости ихъ , то говорили , онѣ не заслуживаютъ сожалѣнія ; мы очень рады , что спѣсь ихъ поубавится ; пусть теперь почитаютъ себя знашными госпожами , пася овецъ своихъ . *О Красавицѣжѣ* напрошивъ того жалѣли всѣ и говорили : какъ жалко , что эта прекрасная дѣвица въ несчастіи ! Она всегда къ бѣднымъ была милоспива , кротка , добродѣшельна . Многіе изъ дворянъ хотѣли ее взять за себя , хопя у нее приданаго ни на полушку не было ; но она отзывалась , что ни какъ не можетъ рѣшипись оставить бѣднаго своего опца въ несчастіи , что намѣрена непременно ѣхать съ нимъ въ деревню , для ушѣшенія его и подмоги въ работѣ . Бѣдная красавица о потерѣ достатка своего опца очень гру-

спила , но послѣ разсуждала сама съ собою : сколько бы я ни плакала , слезами своими не ворочу богатства , и надобно спараться быль щастливою и въ бѣдности ; по прїѣздѣ ихъ въ деревню купецъ съ сыновьями своими началъ пахать землю. *Красавица* вставала всегда въ четыре часа утра , убирала въ домъ и поспѣвала готовить обѣдъ для всего сѣмейства. Съ начала ей то очень трудно было , потому что она работать не привыкла. По прошествїи двухъ мѣсяцовъ работа никакого для нее труда не составляла , а больше служила къ совершенному ея здоровью. Окончавши домашнюю работу , занималась она чтенїемъ , играла на клавишинѣ , а иногда прядла и плѣла какуюнибудь пѣсенку. Сестры напрошивъ шого въ смершельной были скукѣ , онѣ всшавали въ десять часовъ утра , вовесь день прогуливались и все печалились о прежнихъ своихъ нарядахъ и забавахъ. Меньшая наша сестра , говорили онѣ межъ собою , такъ подла и глупа , что довольна и пеперешнимъ своимъ состоянїемъ. Добрый отецъ друтихъ былъ мыслей , нежелал его дочери. Онъ зналъ , что *Красавица* доспоннствами своими могла бы больше ошличиться въ бесѣдахъ. Онъ у-

дивлялся добродѣтели меньшей своей дочери, особливо ея терпѣнію, потому что старшія сестры, не довольствуясь тѣмъ, что она исправляла всю домашнюю работу, ругали ее поминутно.

Цѣлый годъ прожили онѣ въ такомъ уединеніи, какъ купецъ получилъ извѣстіе, что корабль, на которомъ были его товары, приплылъ благополучно. Двѣ старшія его дочери услыша о томъ, отъ радости чуть не сошли съ ума, думая, что скоро могутъ оставить эту скучную деревню, и видя, что отецъ ихъ готовится въ дорогу, просили привести имъ модное платье, на голову цвѣшковъ, блондовъ и другихъ уборовъ. *Красавица* же ни о чемъ его не просила, думая, что и всѣхъ денегъ, вырученныхъ за товары, не достанетъ на покупку того, что ей сестрамъ надобно было. А ты ничего не просишь меня купить себѣ, говорилъ ей отецъ? Ежели вы ко мнѣ сколько милосивы бабюшка, отвѣчала она, то пожалуйте привезите мнѣ розу, потому что здѣсь нѣтъ ихъ. *Красавица* и объ этомъ просила ни чуть не для того, что была нужда въ розѣ, а только для того, чтобы не озлобить сестеръ своихъ, кото-

рыя конечно сказали бы, что она ни прося ничего, хочеть отличить себя. Доброй опець побхаль въ городъ: но по приѣздѣ шуда, завели съ нимъ о поварахъ споръ, по которому сколько онъ ни хлопоталъ, побхаль обратно въ домъ также бѣденъ, какъ былъ и прежде. Онъ уже былъ въ тридцати верстахъ отъ дома, и радовался, что скоро увидитъ своихъ дѣшей; но проѣзжая дремучимъ лѣсомъ заблудился. Поднялась метель, и вѣтръ такъ сильно дулъ, что онъ раза два падалъ съ лошади. Между тѣмъ настала ночь, шарикъ думалъ, что непременно или умретъ съ голода и спужи, или събѣденъ будетъ волками, которые во кругъ его выли. Но вдругъ примѣтилъ онъ въ длинномъ пролѣскѣ великой свѣтъ, который однакожъ очень вдалекѣ казался; побхаль прямо въ ту сторону, и увидѣлъ, что свѣтъ происходилъ изъ обширнаго зданія, которое все освѣщено было. Купецъ благодарилъ Бога, что посылаетъ свою помощь, и сѣвши къ замку; но весьма удивился, что на дворѣ не видно было ни одного человѣка. Лошадь его видя отворенную конюшню, вошла шуда, и нашедши шамъ сѣно и овесъ, проголодавшись, начала ѣсть съ жадностію.

Купецъ вошедъ въ копошню, привязавъ свою лошадь пошелъ въ домъ, въ которомъ такъ же не нашелъ никого. Но вошедши въ большую пеплаую залу, увидѣлъ уставленный разными кушаньями столъ съ однимъ приборомъ; будучи весь намоченъ дождемъ и снѣгомъ, подошелъ къ камину осушившись, и разсуждалъ самъ въ себѣ: хозяинъ или служители его конечно проспять мою дерзость, и безъ сомнѣнiя скоро придутъ сюда. Онъ подождалъ довольно времени, но какъ уже ударило одиннадцать часовъ и никто не приходилъ къ нему; не могши больше пропитьсья голоду, взялъ цыпленка и сѣлъ его съ великимъ страхомъ; выпилъ также нѣсколько рюмокъ вина, и спавши посмѣлае вышелъ изъ залы и ходилъ по другимъ покоямъ, которые великолѣпно были убраны. Наконецъ вошелъ въ спальню, въ которой спояла мягкая постеля; а какъ уже была полночь; а онъ отъ дороги чрезвычайно усталъ, то рѣшился запереть двери и лечь отдохнуть.

Онъ проснулся по утру въ десять часовъ, и весьма удивился, увидѣвъ пребогатое платье на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ положилъ свое. Конечно, раз-

суждалъ онъ , сей домъ принадлежить какой благодѣтельной волшебницѣ , которая имѣеть сожалѣніе о моемъ сословіи . Онъ посмотрѣлъ въ окно , и вмѣсто снѣга увидѣлъ кусты цвѣтущіе , которые взоръ его плѣняли ; пошелъ опять въ большую залу , въ которой наканунѣ ужиналъ , и увидѣлъ на маленькомъ столикѣ приготоженный шоколадъ ; благодарствую , госпожа Волшебница , что ты по милости своей и завтракъ мнѣ пожаловала , говорилъ онъ въ слухъ . Напившись шоколаду , пошелъ посмотрѣть своей лошади , идучи мимо розовыхъ кустовъ , вспомнилъ , что *Красавица* просила привести ей розу , опломилъ сучокъ , на которомъ цвѣтущіе было больше . Въ то самое время услышалъ онъ великой ревъ , и увидѣлъ идущаго къ нему *Звѣря* , которой такъ былъ спрашенъ , что онъ отъ одного вида пришелъ въ безпамятство . „ Ты очень не благодаренъ , говорилъ ему *Звѣрь* ужаснымъ голосомъ ; я давши тебѣ убѣжище въ своемъ замкѣ , избавилъ тебя отъ смерти , а ты забывши все мое о тебѣ попеченіе похищаешь мои розы , которыя я люблю больше всего на свѣтѣ . Ты долженъ умереть за свое преступленіе , я тебѣ даю только не

„ больше четверти часа для испроше-
„ ния у Бога прощенья. „ Купецъ бро-
„ сился на колѣни, и сжавъ руки говорилъ:
„ Простите меня, милосливый госу-
„ дарь, я не думалъ прогнѣвншь васъ,
„ сорвавши розу для одной моей доче-
„ ри, которая меня о томъ просила.
„ Меня зовутъ не милосливнымъ госу-
„ даремъ опивѣствовало чудовище, а
„ *Звѣрь*. Я не люблю учинивоспей,
„ а хочу, чтобъ говорили такъ, какъ
„ думаютъ: и такъ пронуть меня сво-
„ имъ ласкательствомъ. Однакожь ты
„ мнѣ сказалъ, что имѣешь дочерей,
„ такъ ежели хочешь, то я тебя про-
„ щу на такомъ условіи, чпобъ одна
„ изъ нихъ пришла сюда по доброй во-
„ лѣ умереть вмѣсто тебя. Больше не
„ говори ни слова, побзжай; а еже-
„ ли дочери твоя отрекутся вмѣсто
„ тебя умереть, то поклянись мнѣ,
„ что ты самъ чрезъ три мѣсяца опять
„ сюда возвратишься. „ Добрый ста-
„ рикъ не хотѣлъ пожертвовать сему
„ гнусному чудовищу ни одною своею
„ дочерью, и разсуждалъ, что такая
„ отсрочка доставивъ ему по крайней
„ мѣрѣ удовольствіе въ послѣдній разъ
„ съ ними проститься. Онъ обѣщался
„ возвратиться въ назначенное время, и
„ *Звѣрь* говорилъ ему, что онъ можешь

Ѣхать такъ скоро, какъ захочетъ, но я не хочу, примолвилъ онъ, чтобъ ты отъ меня выѣхалъ съ пустыми руками. Поди въ ту комнату, въ которой ты спалъ; тамъ найдешь пустой сундукъ, наклади въ него всего, что тебѣ нужно, а я велю его отнести къ тебѣ. Въ то самое время *Звѣрь* пошелъ отъ него, а онъ разсуждалъ самъ въ себѣ: ежели уже смерть моя не избѣжна, такъ по крайней мѣрѣ буду имѣть по утѣшенію, что оставляю хлѣбъ любезнымъ моимъ дѣтямъ.

Онъ пошелъ въ спальню, и найдши тамъ великое множество золота, наполнилъ большой сундукъ, о которомъ ему говорилъ *Звѣрь*, и заперъ. Послѣ того взявъ лошадь свою, выѣхалъ изъ замка съ печалію, равною той радости, съ какою въ него въѣхалъ. Лошадь его сама сыскала дорогу, и спарикъ въ нѣсколько часовъ доѣхалъ до своего дома. Дѣти потчасъ окружили его; но онъ не отвѣчая на ласки ихъ, смотря на нихъ заливался слезами. Онъ держалъ въ рукѣ розовый сучокъ, привезенный *Красавицѣ*, который отдавая ей, говорилъ: „Возми *Красавица*, эти розы, онъ дорого будущъ стоить, иль несчастному своему отцу.“ И

въ поужь время разсказалъ сѣмьѣ своей случившееся съ нимъ приключеніе. При сей повѣсти, двѣ старшія дочери подняли вопль, и проклинали свою сестру, которая не плакала. „Вопль что вы- „шло отъ гордости этой скаредной „швари, говорили онѣ: она не требо- „вала того, чего мы требовали; иѣтъ, „ей опланичиться захотѣлось. Она до- „вела къ смерти нашего родителея, да „она же и не плачетъ. Это бы без- „полезно было, ошвѣчала красавица; „на что мнѣ плакать о смерти моего „башюшки? Онѣ не погибнетъ. Вишь „это чудовище хочетъ получить одну „изъ насъ, я охотно опдамся его лю- „бости, и очень щаслива буду, еже- „ли смертію своею спасу родителея „своего и докажу ему любовь свою. „Иѣтъ, сестрица, подхващали шрое „братъевъ, ты не умрешь; мы пой- „демъ, сыщемъ это чудовище и по- „гибнемъ сами, ежели не убьемъ его. „Объ этомъ нечего и думать, дѣши „мои, говорилъ имъ отецъ, сила это- „го *Звѣря* такъ велика, что я въ у- „мерщвленіи его не имѣю ни малѣйшей „надежды. Я очень доволенъ добро- „душїемъ меньшей дочери, однакожъ „не соглашусь, чтобъ она умерла вмѣ- „сто меня, я ужь старъ, мнѣ не долго

„ жить остается; и я потеряю поль-
„ ко нѣсколько лѣтъ, о которыхъ еже-
„ ли и жалѣю, для васъ же, любезные
„ мои дѣти. Я тебя увѣряю, бабочка,
„ говорила *Красавица*, что когда ты
„ пойдешь въ этотъ замокъ, я отъ
„ тебя не отстану, ты не можешь за-
„ прешить мнѣ за собою слѣдовать.
„ Пусть и молода, однакожь о жиз-
„ ни своей не жалѣю, и хочу луч-
„ ше быть пожрана эшимъ чудовищемъ,
„ нежели умереть съ печали о твоей
„ смерти. „ Сколько ее отецъ ни уго-
„ варивалъ, она рѣшилась совершенно
„ идти въ замокъ, и сестры ея очень
„ этому радовались по тому что *Кра-*
„ *савицыны* добродѣтели всегда произво-
„ дили въ нихъ великую зависть. Купецъ
„ такъ печалился о своей дочери, что
„ забылъ и о сундукѣ, который онъ на-
„ полнилъ золотомъ; но вошедши въ
„ спальню, удивился, увидя томъ сун-
„ дукъ подъ своею кроватью. Онъ рѣ-
„ шился не сказывать дѣтямъ своимъ, что
„ такъ разбогатѣлъ, зная, что онъ по-
„ часъ захотѣли бы жить въ городѣ, а ему
„ хотѣлось окончить дни въ этой дере-
„ внѣ; но вѣрилъ тайну сію *Красавицѣ*,
„ которая ему при томъ сказала, что
„ безъ него прѣзжали къ нимъ какіе-то
„ дворяне, изъ которыхъ двое любящъ

сестеръ. Она просила отца, чтобъ выдалъ ихъ замужъ, ибо она такъ была добра, что любила ихъ чистосердечно, прощала имъ все, какъ онъ съ нею дурно ни поступалъ. Когда *Красавица* отбѣзжала съ отцемъ своимъ, сн злыя дѣвки напирали лукомъ глаза свои, чтобъ плакать; но братья отъ искренности плакали, такъ какъ и отецъ ихъ: одна только *Красавица* не плакала, не хотя умножать ихъ печали. Лошадь повезла ихъ прямо въ замокъ, и къ вечеру увидѣли они его въ такомъ же сяннн, въ какомъ онъ былъ прежде. Старикъ поставя лошадь въ конюшн, пошелъ съ дочерью въ большую залу, въ которой нашли они великолѣпно приготовленный столъ съ двумя приборами. Купецъ не могъ ничего бсть, но *Красавица*, стараясь показываться спокойною, сѣла за столъ и спала подавать ему кушанье, рассуждая сама въ себѣ: видно, что *Звѣрь* прежде нежели сожретъ меня, хочетъ порядочно накормить, что велѣлъ приготовить такой ужинъ. Послѣ ужина услышали великой шумъ, и купецъ зная, что это идетъ *Звѣрь*, въ слезахъ простился съ своею бѣдною дочерью. *Красавица* увидя чудовище сіе затрепешала, однакожъ укрѣпилась

сколько можно было, тогда *Зевръ*
 спросилъ у нее, изъ доброй ли воли
 она пришла сюда? Отвѣчала ему съ
 пренебреженіемъ: да: „Ты очень чувстви-
 „ тельна, сказалъ *Зевръ*, и я за то те-
 „ бя благодарю, а ты доброй человекъ
 „ побѣзжай отсюда завтра же по утру
 „ и никогда сюда не возвращайся. Про-
 „ щай *Красавица*. Прощай *Зевръ*, от-
 „ вѣчала она, и поспѣшнѣе вышло чудо-
 „ вище. Ахъ! любезная моя дочь, го-
 „ ворилъ купецъ обнимая *Красавицу*, я
 „ чуть живъ отъ страха. Прошу тебя
 „ оставь меня здѣсь. Нѣтъ баюшка,
 „ говорила *Красавица* съ твердостію,
 „ побѣзжай завтра отсюда, оставь ме-
 „ ня на произволъ небесъ; можетъ
 „ быть они надо мною сжалятся. „
 Послѣ сего пошли они спать, и думали,
 что не уснутъ во всю ночь; но лишь
 только легли, глаза ихъ закрылись.
Красавица видитъ во снѣ женщину,
 которая говоритъ ей: „ Я очень до-
 „ вольна, что ты имѣешь такое доб-
 „ рое сердце; похвальный твой посту-
 „ покъ, что ты для спасенія отца от-
 „ даешь жизнь свою, не останется безъ
 „ награжденія. „ *Красавица* проснув-
 шись рассказывала сонъ свой отцу, и
 хотя нѣсколько его смѣла утѣшила, но
 когда пришло время разстаться, онъ
 неутѣшно плакалъ.

По отбвздѣ его, *Красавица* сѣла въ большой залъ и начала плакать: но собравши всю свою бодрость, поручила себя Богу и рѣшилась не печалиться о томъ маломъ времени, которое ей прожить оспалось, ибо она совершенно была увѣрена, что въ вечеру *Звѣрь* сожретъ ее. Послѣ того пошла она прогуляться и посмотрѣть замка. Красоша его привела ее въ удивленіе, но еще больше удивилась она, увидя на одной двери надпись: *Покой для Красавицы*. Она отворила дверь и ослѣплена была великолѣпиемъ, а всего больше пораженъ былъ взоръ ея огромною библіотечкою, клависинномъ и множественномъ музыкальныхъ книгъ. Видно, не хощащъ, чтобъ я проводила здѣсь время въ скуку, размышляла она, и есть либъ мнѣ жить только день, тобы нужды не было сдѣлать такія приготовленія. Сія мысль ободрила ее. Она открыла библіотеку и увидѣла книгу, въ которой написано было золотыми словами: *пожелай и повели, ты здѣсь владычица и повелительница*. Ахъ! говорила она воздохнувши, я ничего не желаю, какъ только видѣть бѣднаго моего родителя, и знать, что онъ теперѣ дѣлаешъ. Лишь только помыслила она сіе и оборотилась къ большому зерка-

ду, увидѣла въ немъ, къ величайшему своему удивленію, домъ свой, прѣбывающаго своего отца туда въ чрезвычайной печали. Увидѣла также сестеръ своихъ, которыя при всѣхъ ихъ принужденіяхъ, дѣлаемыхъ для извѣщенія вѣдали, не могли однакожъ играть на лицахъ своихъ великой о потерѣ сестры радости. Черезъ минуту все видѣнное исчезло и *Красавица* не могла иначе думать, какъ то, что *Звѣрь* очень благосклоненъ, и что ей нечего его опасаться, въ полдень нашла она приготовленный столъ и во время обѣда слышала прекрасный концертъ, хотя и никого не видно было. Въ вечеру, когда она садилась за столъ, услышала шумъ и догадываясь, что конечно идетъ *Звѣрь*, не могла не ужаснуться. „*Красавица*, сказала ей чудовище, „позволишь ли ты мнѣ съ собою ужинать? Это въ твоей власи, отвѣчала *Красавица* съ пренебреженіемъ. Нѣтъ, „говорилъ *Звѣрь*, ты одна только здѣсь „власишительница. Ежели я тебя безпокою, то тебѣ стоить только сказать, чтобъ я вышелъ, и въ пужь минушу выду. Скажи мнѣ: не гнусенъ ли я тебѣ кажуся? Это правда, говорила *Красавица*, я не умѣю лгать; „однакожъ ты мнѣ кажешься очень

„добръ. Ты не обманываешься, говорило
 „чудовище, но кромѣ гнусности моей,
 „я еще не имѣю и разума, и знаю толь-
 „ко то, что я *Звѣрь*. Подхватила *Кра-*
 „*савица*, кто думаешь, что не имѣешь
 „разума, безъ разума, не лзя знать
 „этова. Кушай *Красавица*, сказала чу-
 „довище, и веселись въ своемъ домѣ,
 „все, что ты ни видишь, принадлежитъ
 „тебѣ, и мнѣ очень бы прискорбно бы-
 „ло, ежелибъ ты не была довольна.
 „Милость твоя очень велика, сказала
 „*Красавица*. Признаюсь тебѣ, что я о-
 „чень довольна добрымъ твоимъ сер-
 „дцемъ, и когда о томъ вспомню, то
 „ты мнѣ не такъ гнусенъ кажешься. О!
 „сударыня, конечно такъ, отвѣчала ей
 „*Звѣрь*, я имѣю доброе сердце, но я чу-
 „довище. Много есть такихъ людей,
 „говорила *Красавица*, которые больше
 „чудовищи, нежели ты, и я при всей
 „твоей гнусности больше тебя люблю,
 „нежели тѣхъ, которые подъ чело-
 „вѣскимъ видомъ скрываютъ коварное,
 „испорченное и неблагодарное сердце.
 „Ежелибъ я имѣлъ разумъ, говорилъ
 „*Звѣрь*, я бы поблагодарилъ тебѣ очень
 „учтиво, но я глупъ и могу тебѣ толь-
 „ко то сказать, что я очень тебѣ бла-
 „годаренъ. „

Красавица ужинала охотно и чудовища почти уже совсѣмъ переснала бояться; но едва не умерла отъ ужаса, когда онъ ей сказалъ: *Красавица*, хочешь ли ты быть моею женою? Она нѣсколько времени была безопытна, бояся, чтобы отказомъ не раздражишь чудовища: но на послѣдокъ сказала ему дрожащимъ голосомъ: нѣтъ *Звѣрь*. Въ ту самую минуту бѣдное чудовище хотѣло вздохнуть, но шакъ ужасно застонало, что весь домъ потрясся: но *Красавица* вскорѣ была успокоена, потому что *Звѣрь* сказалъ ей печальнымъ голосомъ: просни же *Красавица*, пошелъ изъ комнаты, оборачиваясь нѣсколько разъ, чтобы еще посмотрѣть на нее. *Красавица* оставшись одна, почувствовала къ сему бѣдному *Звѣрю* великое сожалѣніе; „Ахъ! говорила „она, какъ это жалко, что онъ при „такомъ добродушии столько безобразенъ!“

Она въ семь домъ провела три мѣсяца очень спокойно. *Звѣрь* посѣщалъ ее всякій вечеръ, и во время ужина разговаривалъ съ нею съ довольнымъ разсужденіемъ; но никогда непримѣнно было въ рѣчахъ его того, что называется свѣтскимъ разумомъ. *Красавица* каждой день находила въ семь чудо-

вицѣ новыя досипониства. Отѣ частаго съ нимѣ свиданія привыкла она къ его безобразію, и вмѣсто того, чтобѣ спрашиваться шой минутой, когда ему надлежало прийти къ ней, она часто смотрѣла на часы, не девять ли уже часовѣ, потому что *Звѣрь* приходилѣ къ ней только въ это время. *Красавицу* одно только то беспокоило, что *Звѣрь* передѣ выходомѣ своимѣ у нее спрашивалѣ, не хочеть ли она его быть женою. Когда она ему въ томѣ отказывала, то онѣ казался въ великой печали. Она ему сказала нѣкогда: „Ты мнѣ этимѣ наскучилѣ *Звѣрь*, мнѣ бы и самой хотѣлось, чтобы я могла выйши за тебя за мужѣ; но я такѣ чистосердечна, что не могу тебя нѣмѣ обнадѣжить. Я рада всегда быть тебѣ другомѣ, старайся быть этимѣ доволенѣ. Ты справедливо говоришь, отвѣчалѣ *Звѣрь*. Я и самѣ знаю, какѣ я ужасенѣ; но я тебя очень люблю, и почитаю за щастіе и то, что ты здѣсь живешь; по крайней мѣрѣ отъщай мнѣ, что ты никогда меня не оставишь..“ *Красавица* отѣ словѣ сихѣ покраснѣла; она увидѣла въ зеркалѣ своемѣ, что отецѣ ея печалась отѣ ней, занемогѣ, и желала съ нимѣ видѣться.. „Я бы тебѣ теперь же дала такое

„обѣщаніе, говорила она *Звѣрю*, что
„никогда тебя не оставлю; но мнѣ
„не терпѣливо хочется видѣть моего
„родителя, и умру отъ печали, ежели
„ты мнѣ въ томъ откажешь. Я лучше
„самъ умру, сказала чудовище, нежели
„причину тебѣ огорченіе; я тебя оп-
„ущу ко отцу, но ежели ты тамъ о-
„станешься, то бѣдный твой *Звѣрь* у-
„мретъ съ печали. Итъ, говорила *Кра-*
„*савица* въ слезахъ, я тебя такъ люб-
„лю, что не доущу тебя до этого, и
„обѣщаюсь возвратиться чрезъ восемь
„дней непременно: Ты мнѣ показалъ,
„что сестры мои вышли замужъ, а
„братья пошли въ службу, отецъ мой
„одинъ остался; позволь мнѣ побыть
„у него въ домѣ одну недѣлю. Ты зав-
„тра же по утра у него будешь, ска-
„заль *Звѣрь*; только не забудь своего
„обѣщанія. А когда захочешь возвра-
„титься, то ложася спать, положи
„только кольцо свое на столикъ. Про-
„щай *Красавица*. „ При сихъ словахъ
Звѣрь вздохнулъ, а *Красавица* легла
спать съ сожалѣніемъ, что онъ огор-
чился. Поутру проснувшись увидѣ-
ла она себя въ отцовскомъ домѣ; по-
звонила въ колокольчикъ, которой былъ
у ея постели, послѣ чего вошла къ ней
служанка, которая увидя ее, подняла

великой крикъ. Спарикъ на крикъ пришель, и увидя любезную свою дочь; ошъ радости чуть не умеръ; они обняли другъ друга, и въ шакомъ положеніи болѣе четверти часа были. *Красавица* послѣ шакова восхищенія спала заботишься, что не имѣя платья, не можешь востать съ постели, но служанка говоришь ей, что передъ спальнею стоить большой сундукъ, въ которомъ множество всякаго платья и шипаго золотомъ и украшеннаго драгоценными камнями. *Красавица* благодарила мысленно *Звѣря* за его попеченіе; по томъ выбрала себѣ платье, которое не такъ было богато, а прочее велѣла запереть, въ томъ намѣреніи, чтобъ подарить его сестрамъ своимъ: но лишь только слова сінъ выговорила, сундукъ исчезъ. Отець сказалъ ей, что видно *Звѣрь* хочетъ, чтобъ она эшо берегла для себя, и топчасъ сундукъ съ платьемъ явился на томъ же мѣстѣ. *Красавица* одѣлась, а между тѣмъ сестры ея прискакали съ своими мужьями: онѣ обѣ были очень несчастливы, старшая вышла за дворянина, который собою чрезвычайно былъ хорошъ, но и влюбленъ былъ въ красоту свою столько, что занимаясь собою, еѣ утра до вечера, презиралъ красоту

женнину. Другая вышла за человека разумнова, но онъ разумъ свой упопрелялъ на то шолько, чтобъ весь свѣтъ дурачить, а прежде всего жену свою. *Красавицыны* сестры, увидя ее въ богатомъ платьѣ при великой красотѣ, съ досады чуть не умерли. Она чрезвычайно обласкала ихъ, но ничто не могло испребить ихъ зависти, которая еще больше умножилась, когда она рассказала о благополучной своей жизни. Онъ ушли въ садъ, чтобъ памъ въ волю поплакать и говорили межъ собою: „За что эта тварь щасливѣе насъ? Не лучше ли мы ее? Послушай сестрица, сказала старшая, что мнѣ вздумалось здѣлать; постараемся мы продержатъ ее здѣсь болѣе осьми дней; глупый ея *Звѣрь* конечно осердился, что она не сдержитъ своего обѣщанія, и можетъ быть за это съѣсть ее. Ты очень хорошо вздумала, сестрица, отвѣчала другая. Для этого надобно какъ можно ласкать ее. Послѣ того онѣ пошли къ ней и такъ ласкали ей, что она отъ радости плакала; по прошествіи же осьми дней обѣ сестры начали рвать на себѣ волосы и столько о разлукѣ съ *Красавицею* показали горести, что она обѣщала остаться съ ними еще на столько же времени.

Между тѣмъ *Красавица* укоряла себя въ огорченіи, нанесенномъ чрезъ то бѣдному *Звѣрю*, котораго она любила сердечно, и скучала, что не видяше его. Въ десятую ночь бышноси своей опца, увидѣла она во снѣ, будто вошла въ садъ, и что *Звѣрь* ея лежитъ распянувшись на правѣ при послѣднемъ издыханіи, и укоряетъ ее въ неблагодарности. *Красавица* попчасъ проснулась и начала плакать. „Не же-
„стокосерда ли я, говорила она, что
„огорчаю *Звѣря*, который дѣлаетъ мнѣ
„сполько угожденій? Ево ли эшо вина,
„ежели онъ безобразенъ и мало имѣетъ
„разума? Онъ очень добръ: а эшо ужъ
„всего стоить. Для чего я не захотѣ-
„ла выйши за него за мужъ? Я бы съ-
„имъ гораздо была щаспливѣе, неже-
„ли сесипры мои съ своими мужьями.
„Вѣтъ не красота и не разумъ мужа дѣ-
„лаютъ жену довольною, а доброду-
„шіе, добродѣтели и угодливость; а въ
„*Звѣрь* моемъ есть всѣ эши добрыя
„свойства. Я не имѣю къ нему любви;
„но имѣю почтеніе, дружбу и благодар-
„носць. „ Полно, не должно дѣлать
его несчастнымъ, а въ противномъ слу-
чаѣ я буду себя упрекать въ небла-
годарности. Выговоря сіе *Красавица*
встала, положила кольцо на столкѣ

и легла опять спать. Только она легла и уснула; проснувшись по утру увидѣла, что она уже въ замкѣ. Желая поправиться *Звѣрю*, одѣлась въ пребогатое платье, и въ ожиданіи девяти часовъ вечера во весь день въ смертельной быда скукѣ; наконецъ ударило и девять часовъ, но *Звѣрь* не пришелъ. *Красавица* уже начала беспокоиться, не умеръ ли онъ, бѣгала по всѣмъ покоямъ, и пришла во отчаяніе не нашедши его нигдѣ. Вдругъ вспомнила она и побѣжала въ садъ къ тому мѣсту, на которомъ онъ ей привидѣлся. Она нашла бѣднаго *Звѣря* лежащаго безъ чувствъ, и подумала; что онъ уже умеръ; бросилась на ево пѣло, не ужасаясь его страшнаго вида; но почувствовавъ, что у него еще сердце бьется, почерпнула воды и спала лишь ему на голову. *Звѣрь* открылъ глаза и говорилъ. „*Красавицѣ*: ты забыла свое обѣщаніе; „я отъ горести, что ты меня оставила, рѣшился умереть съ голода: но „теперь умираю съ удовольствіемъ, „что тебя увидѣлъ. Нѣтъ, любезный „мой *Звѣрь*, не умирай, говорила ему „*Красавица*, живи хотя для того, чтобъ „быть моимъ супругомъ: съ этой мн- „путь даю тебѣ руку и клянусь, что „я уже никому не принадлежу, кромѣ

„тебя. Ахъ! я думала, что имѣю одну
„къ тебѣ только дружбу, но печаль,
„которую теперь чувствую, показы-
„ваетъ мнѣ, что я не видя тебя, не мо-
„гу жить на свѣтѣ. „ Лишь только
Красавица выговорила сии слова, увидѣ-
ла, что весь замокъ освѣщенъ спаль:
искусственные огни и огромная музыка
предвѣщали ей торжество; но всѣ
такія пріятности не прельщали глазъ
ея: она оборотилась къ любезному
своему *Звѣрю*, и препетала отъ стра-
ха, чтобъ его не лишишься. Но какъ она
удалилась, *Звѣрь* исчезъ, и она увидѣла
лежащаго у ногъ своихъ Принца, кото-
рый благодарилъ ей, что она избавила
его отъ мученія, причиненнаго ему вол-
шебствомъ. Хотя Принцъ сей и заслу-
живалъ все ея вниманіе, однакожъ она
не могла удержаться, чтобъ не спро-
сить у него, гдѣ дѣвался *Звѣрь*. „ Ты
„видишь его у ногъ своихъ, отвѣчалъ
„Принцъ. Злая волшебница осудила
„меня быть въ образѣ *Звѣря*, пока пре-
„красная дѣвица не согласится за ме-
„ня выйти, и запретила мнѣ даже по-
„казывать свой разумъ. Въ одной поль-
„ко тебѣ нашлось столько чувстви-
„тельности, чтобъ пронуть я моимъ
„добродушіемъ, и за то, поднося тебѣ
„и корону мою, я все еще не могу воз-

„благодарить тебѣ довольно. „ *Красавица* въ припномѣ смященіи подала Принцу руку, чтобѣ его поднять. Они пошла: вмѣстѣ въ замокъ и *Красавица* не сказано была обрадована, найдя въ большой залѣ отца своего и все сѣмейство, которое прекрасная женщина, явившаяся ей прежде во снѣ, перенесла въ замокъ. „ *Красавица*, сказала ей сія „женщина, которая была великая волшебница, воспользуйся награжденіемъ „за добрый твой выборъ: ты предпо- „чла добродѣтель красотѣ и разуму, „и потому найдешь теперь всѣ эти „достоинства въ одной особѣ. Ты будешь великою Королевою: но я надѣ- „юсь, что пресполъ не потребитъ въ „тебѣ твоихъ добродѣтелей. Что при- „надлежитъ до васъ, госпожи, сказала „волшебница *Красавицынымъ* сестрамъ, „я знаю ваше сердце и всю злость его; „будьте спатуями и соблюдайте ваше „свойство подѣ видомъ камня. Стойте „у воротъ дворца сестры вашей, и я „не налагаю на васъ другою труда, „кромя того, чтобъ вы были свидѣ- „тельницами ея благополучія. Возвра- „тите въ прежнее свое состояніе вы „иначе не можете, какъ развѣ призна- „ніемъ въ своихъ проступкахъ, но я о- „чень боюсь, чтобъ вы не остались на

„всегда сшапуюми. Можно исправиться
 „отъ гордости, отъ гнѣва, отъ про-
 „жорства и отъ лѣности; но чтобъ
 „злое и завистливое сердце исправи-
 „лось, это бы было чудо. „ Въ ту са-
 мую минушу волшебница ударила пру-
 тикомъ, и всё тѣ, которые были въ за-
 лѣ, перенеслись въ Приицово Королев-
 ство. Подданные увидя его, обрадова-
 лись. Онъ женился на *Красавицѣ*, кото-
 рая жила съ нимъ очень долго и въ со-
 вершенномъ благополучіи, пошому что
 оно основано было на добродѣтели.

Г. Ш. . . .

А сестры ея, сударыня, не ушли
 навсегда остались сшапуюми?

Г. Добронравова.

Точно такъ, моя душа, пошому что
 онъ всегда имѣлъ злыя сердца.

Г. Остроумова.

Я бы цѣлую недѣлю слушала васъ
 безъ скуки. Миѣ эта *Красавица* очень
 понравилась; но миѣ кажется, ежелибъ
 я была на ея мѣстѣ, я бы никакъ не
 захопѣла выйти за мужъ за *Звѣря*;
 онъ очень былъ страшенъ.

Г. Благоразумова.

Да онъ былъ такъ добрѣ, что ты
 бы не захопѣла, чтобъ онъ съ печали

умеръ , особливо ежелибъ онъ тебѣ столько добра сдѣлалъ.

Г. Остроумова.

Я бы ему поже сказала, что прежде *Красавица*: я хочу быть твоимъ другомъ, а женою твоею быть не хочу.

Г. М. . . .

А я бы его боялась и думала бы всегда, что онъ меня сѣдѣлѣ.

Г. Н.

А мнѣ кажется, что я бы привыкла къ нему точно такъ, какъ *Красавица*. Нѣкогда бабюшка приняла въ лакеи Арапа; я его сперва боялась, и когда войдетъ въ горницу , то пряталась отъ него. Онъ мнѣ казался спрашивѣе *Звѣря*. Однакожъ мало по малу я къ нему привыкла; теперь уже онъ сажаетъ въ карету, и я объ его лицѣ совсѣмъ не думаю.

Г. Добропрасова.

Г. Н. . разсуждаетъ справедливо; къ безобразію привыкнуть можно, а къ злости никогда. И потому о дурномъ лицѣ не надобно беспокоиться, а надобно стараться дойти до того , чтобъ за доброту нашего сердца забывали о дурномъ нашего лица. Примѣньте такъ

же, любезные дѣти, что пошь, кто исполняешь свою должность, всегда награжденъ бываетъ. Ежелибъ *Красавица* опрелась умереть вмѣсто своего отца, и ежелибъ она неблагодарна была къ бѣдному *Звѣрю*, то не была бы Королевою. Замѣшайте и то, какая отъ зависти злость рождается. Это порокъ самый подлѣйшій. Теперь еще три часа; мои любезныя дѣти, погуляйте до четырехъ часовъ. Веселились по своей волѣ и бѣгайте, только не на солнцѣ; я уже по старости не могу бѣгать за вами и останусь здѣсь съ госпожею *Благоразумовою*, которая не очень здорова.

Г. М. . . .

(*Скоро возвратясь назадъ*). Посмотрите, сударыня, какихъ мы поймали бабочекъ; я свою посажу въ коробочку и буду ее кормить цвѣтками. Можетъ быть она родитъ мнѣ маленькихъ бабочекъ, и у меня будетъ прекрасная бабочекъ фамилія.

Г. *Добронрасова*.

Однакожь ты очень удивилась, моя душа, когда вмѣсто бабочекъ найдешь фамилію червячковъ.

Г. М. . . .

Нѣтъ, сударыня, я пуда не посажу никакого червячка, а бабочку; такъ откуда же очутился тамъ что нибудь другое, кромѣ бабочки?

Г. Доброуравова.

Казалось бы такъ, что въ коробочкѣ или въ другомъ чѣмъ не лѣзя инова пайши, какъ-ню, что тамъ есть, однакожь знай, моя душа, что эта прекрасная бабочка родилась въ видѣ маленькаго червячка, потомъ сдѣлалась гнуснымъ червякомъ, а наконецъ перемѣнилась такъ, какъ ты шеперь ее видишь.

Г. Остроулова.

Это точно такъ, какъ въ *Превращеніяхъ*. Пожалуйше скажите намъ, сударыня, какъ это дѣлается? Я превращенія всегда почитала сказками, которыя написаны только для забавы дѣтямъ.

Г. Доброуравова.

Ты ошибаешься, моя душа, превращенія содержатъ въ себѣ Греческую исторію сокрытую въ басняхъ, и когда ты выростешь побольше, я тебѣ покажу, какое они имѣютъ сходство съ исторією.

Г. Остроумова.

Вы всегда говорили, что когда я вырасту побольше, тогда вы мнѣ скажете, о чѣмъ я у васъ спрашиваю, да есть мнѣ ужь, сударыня, шринадцать лѣтъ, такъ кажется я не дитя, для чего же не сказашь теперь, что хотите сказать въ другое время?

Г. Добронрасова.

Для того, моя душа, что тебѣ еще надобно знать о многомъ прежде того. Чтobъ знать, какое имѣютъ сходство превращенія съ исторіею, не обходимо надобно знать исторію; и для того постарайся научись скорѣе исторіи, а потомъ я тебѣ расскажу все, что ни хочешь.

Г. М. . . .

А мнѣ, сударыня, надобно ли дожидаться, когда буду побольше, чтobъ знать, какъ бабочка можетъ быть червячкомъ?

Г. Добронрасова.

Нѣтъ, моя душа, я для вашей забавы разведу бабочекъ дома; онѣ осенью положатъ пауки въ листочки, которые я имъ дамъ; потомъ бабочки умрутъ, а я листочки положу противъ

солнца: когда они согрѣются, то рождаются изъ яичекъ маленькіе червячки, которые тотчасъ спанушь выпускають паушину, такъ какъ то дѣлають пауки; изъ этой паушины сдѣлають себѣ домъ, чтобъ въ зимнее время укрышься отъ холода.

Г. Н. . . .

Да кто же имѣ, сударыня, дастъ то, изъ чего надобно сдѣлать паушину?

Г. Добрая права.

Богъ, который ихъ сотворилъ, дастъ имъ все нужное для жизни и для сохраненія ихъ. Они имѣють всегда внутри себя столько паушины, сколько надобно для построенія дома.

Г. М. . . .

Вы, сударыня, энихъ маленькихъ червяковъ будете кормить; да шѣхъ, которые оспаются въ полѣ, кто кормитъ ихъ въ маленькихъ ихъ домикахъ.

Г. Добрая права.

Никто, моя душа, да они и не имѣють въ томъ нужды, потому что не бдять до шѣхъ поръ, пока не вырастутъ велики, какъ спанеть тепло, они выдутъ изъ своего домика, и повв-

ши нѣсколько времени, сдѣлаютъ себѣ гробъ и лягутъ въ немъ какъ мертвые. Потомъ сдѣлаются они похожи на бобышку и чрезъ нѣсколько времени спавши приходятъ въ движеніе. Вдругъ покажется голова, ноги, крылья и наконецъ выйдетъ такая, какъ эта, прекрасная бабочка, которая будетъ питаться цвѣтками до тѣхъ поръ, пока положитъ яйца и не умретъ.

Г. М. . . .

И мы, сударыня, всё это видимъ?

Г. Доброурадова.

Все, моя душа, и еще много хорошаго увидите, когда мы побѣдемъ въ деревню, какъ я надѣюсь. Между тѣмъ я велю наловить бабочекъ и буду ихъ держать въ своемъ кабинетѣ; спавши всякой день носить новыхъ цвѣтшвъ, и будемъ посѣщать ихъ чаще. Теперь пойдѣмъ пить чаю; а потомъ повторимъ нашу исторію: теперь твоя очередь, *Госпожа Н. . .*

Г. Н. . . .

Спустя долгое время по смерти *Адама* и *Евы* люди такъ сдѣлались злонаравны, что Богъ уже не могъ болѣе шептѣть ихъ беззаконія. Они спали глаза, прожорствовали, другъ на

друга злишься и немолчался, короче ска-
зашь: одно только зло дѣлали. Богъ
опредѣлилъ наказашь ихъ; но какъ ме-
жду сими беззаконными людьми былъ
человѣкъ праведный, Богъ повелѣлъ
ему сдѣлать большой деревянный домъ
и посадить въ него животныхъ всяка-
го рода. Сей праведный человѣкъ на-
зывался *Ноемъ*; и когда домъ былъ со-
строенъ, онъ вошелъ въ него съ женою
своею и тремя сыновьями *Симомъ*,
Хамомъ и *Афетомъ*, которые также
у себя женъ имѣли. Лишь только они
вошли въ этотъ большой домъ, кото-
рый назывался ковчегомъ, Богъ ниспу-
стилъ на землю такой дождь, кото-
рый попошилъ всѣ дома, деревья и горы
и онъ котораго попонули всѣ люди и
всѣ звѣри. Одинъ только *Ной* съ сѣмей-
ствомъ своимъ оспался, потому что
былъ въ *Ковчегѣ*, который по верхъ во-
ды плавалъ. Когда уже всѣ люди по-
гибли, дождь пересталъ ити, а вмѣ-
сто того дулъ сильный вѣтръ; тогда
Ной отворилъ въ *Ковчегѣ* окно и вы-
пустилъ ворона. Воронъ такая гну-
сная птица, которая ѣсть человѣ-
ческія шѣла: и какъ онъ нашелъ ихъ
множество на земли, то въ *Ковчегѣ*
уже и не возвратился. Спустя нѣсколь-
ко времени, *Ной* отворилъ опять окно

и выпустилъ бѣленькаго голубка, который опломивъ отъ древа сучекъ, принесъ его въ своемъ носикѣ къ *Нойю*. Потомъ Богъ повелѣлъ *Нойю* изъ ковчега выйти. *Ной* спавши со всѣмъ своимъ семействомъ на колѣни, приносилъ Богу благодареніе, и въ позже время увидѣлъ на небѣ великую дугу, или какъ называютъ, раду, изъ разныхъ цвѣтовъ сослѣдственную, снѣгаго, краснаго, зеленаго и фіолетоваго; и сказалъ Богъ *Нойю*: дуга сія есть знакъ въ воспоминаеніе тебѣ, что другаго пошопы, то есть, такихъ большихъ дождей, никогда уже не будетъ.

Г. М. . . .

Чѣмъ же, сударыня, питался *Ной*, дѣти его, и звѣри, когда они были въ *Ковчегѣ*?

Г. Добро и право.

Они прежде запаслись пищею. Ты, моя душа, была въ Ирландіи, и когда ты ѣхала на корабль, который почти похожъ на *Ковчегъ*, я чаю, у васъ было что ѣсть, потому что въ корабляхъ обыкновенно бываетъ запасная пища.

Г. М. . . .

Это правда, сударыня, тамъ есть также и окны; я всякую минушу боя-

лась, чтобъ корабль нашъ не утонулъ; ня эпова не понимаю, отъ чего корабль по водѣ плаваетъ, а пожичикъ мой, который я не нарочно обронила, пошчасъ потонулъ на дно моря?

Г. Доброуравова.

Отъ того, что вода, которая была подъ кораблемъ, будучи тяжелѣе корабля, поддерживала его; а пожичикъ швой тяжелѣе воды, и потому она не могла его поддерживать.

Г. Остроумова.

Да вѣтъ корабль, сударыня, тяжелѣе пожика?

Г. Доброуравова.

Это правда, моя душа; да за то подъ кораблемъ и воды бываетъ больше, нежели подъ пожикомъ, а ежелибъ сдѣлать корабль изъ желѣза, онъ бы потчасъ потонулъ. Мы это испытаемъ въ прудѣ, который у насъ въ саду: я возму кусокъ дерева и кусокъ свинцу, и оба опущу въ воду. Вы увидите, что дерево будетъ плавать поверху, а свинецъ потонетъ, потому что онъ тяжелѣе воды. Эпотъ сучокъ, на которомъ вы видите пшичку, вѣтъ не гнется отъ нее; потому что ея тяжелѣе, а ежелибъ я на него сѣла, онъ бы переломился, потому что я его шяжелѣе.

Г. М. . . .

Теперь я это понимаю, сударыня, и когда опять побду моремъ, то уже не стану бояться, а буду думать, что корабль пошешъ не можешъ, потому что вода тяжель его.

Г. Доброуравова.

Ну, Госпожа Н. . . . пересказанная тобою исторія, какія въ тебѣ произвела мысли?

Г. Н. . . .

Я, сударыня, поняла изъ ней, что какъ Ной вышедши изъ ковчега тотже часъ началъ благодарить Бога, такъ и миѣ должно благодарить его всякой день за все, что я отъ него получаю.

Г. М. . . .

Развѣ тебѣ Богъ дастъ что нибудь? Миѣ онъ никогда ничего не далъ.

Г. Доброуравова.

Что ты это говоришь, мой свѣтъ! Да вотъ онъ далъ тебѣ уши, ноги, руки. Онъ тебѣ даетъ пищу, одежду, и все, что ты ни имѣешъ, имѣешъ отъ него.

Г. М. . . .

Нѣтъ, сударыня, это миѣ матушка сдѣлала платье, да и ѣсть даетъ миѣ онажъ.

Г. Доброуравова.

Ты вспомни, моя душа, что все сотворилъ Богъ, и что все принадлежитъ ему. Ежелибъ онъ не далъ денегъ маиушкѣ твоей на покупку тебѣ платья, хлѣба и всего, что тебѣ надобно, ты бы совсѣмъ ничего не имѣла.

Г. М. . . .

О! какъ я стану любить эшаго милостиваго Бога, который мнѣ даетъ все.

Г. Доброуравова.

Такъ и должно, душа моя; а для оказанія ему любви, старайся быть всегда добруавна; это для Бога всего пріятнѣе.

Г. М. . . .

Да не Богъ ли создалъ и бабушку мою?

Г. Доброуравова.

Все онъ создалъ, что ни есть на земли и на небѣ. Однакожь, любезныя дѣти, мнѣ кажется, что начинается дождь ипти, пойдѣм-те въ мою торницу.

Г. Ш. . . .

Ахъ! посмотрите-ка, сударыня; это вѣрно та дуга, о которой вы говорили какіе прекрасныя цвѣты!

Г. Добронравова.

Точно она, моя душа; и такъ когда ее увидишь, надобно припомнить, что Богъ пославилъ ее въ знакъ мира, кошорой онъ здѣлалъ съ людьми; а потомъ и должно смотря на радугу благодарить его въ сердцѣ своемъ за милосливое къ намъ прощеніе. Пойдемъ поскорѣе, дождь каплетъ, да ужъ шесть часовъ било; вамъ, мои любезныя, пора домой ъхать.

Г. Благоразумова.

Пораѣе спать ляжемъ, Я васъ ожидашь буду къ себѣ послѣ завтра; шолько пожалуйте не кушайте такъ скоро.

Г. Остроумова.

Мы, Сударыня, будемъ ъхать по-тихоньку; а вы намъ за то передъ чаемъ сказочку скажете.

Г. Добронравова.

Изволь, моя радость, въ эшомъ я вамъ даю слово.

РАЗГОВОРЪ VI.

ДЕНЬ IV.

Г. Ш

Сего дня мы, сударыня, съ полчаса за столombъ были, и вы намъ за то конечно скажете сказочку.

Г. *Добронравова.*

Очень охотно; однакожь ты, видно ничего не привезла съ собою?

Г. Ш.

Вотъ, сударыня, бумажка, на копорой много дурнова написано; шолько пожалуйте пихонько читайте.

Г. *Добронравова.*

Хорошо, моя душа, я ее прочту, какъ мы будемъ чай пить; теперь я хочу исполнить свое обѣщаніе, сказать вамъ сказочку; слыше, я вамъ заплачу долгъ мой.

СКАЗКА

О Прицахъ, злощастномъ и щастливомъ.

Нѣкоторая Королева родила двухъ прекрасныхъ сыновей, и просила одну

волшебницу, которая была ей пріятельница, бытъ имъ крестною матерію и чѣмъ нибудь подарить ихъ: я надѣляю старшаго Принца, говорила она, всѣми нещастіями даже до двадцати пяти лѣтъ его возраста, и даю ему имя *Злощастный*. При ихъ словахъ Королева закричала страшнымъ голосомъ, и заклинала волшебницу сей подарокъ переимѣнить. Вы не знаете сами, чего пребуете, сказала она Королевѣ; ежели онъ не будетъ нещастенъ, то будетъ злонаренъ. Королева не смѣла ей противорѣчить; а просила по крайней мѣрѣ дозволить ей самой для другаго сына выбрать подарокъ. Можетъ быть избереете вы совсѣмъ не то, что надобно, отвѣтствовала ей волшебница; но что мнѣ до того; я по вашей волѣ надѣлю его всѣмъ шѣмъ, что вы ни избереете. Я желаю, говорила Королева, чтобъ онъ успѣлъ всегда во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ; во всемъ состояннѣ средннво сдѣлать его совершеннымъ человекомъ. Вы бы въ этомъ обманулись, сказала волшебница; и пошому я надѣляю его симъ только до двадцати пяти лѣтъ.

Къ обоимъ Принцамъ приставили кормилицъ; но на претій день кормилица старшаго Принца занемогла горяч-

кою; опредѣлили другую, та упала и переломила ногу; приспавили претью, у той пропало молоко, лишъ только онъ сосать началъ. Разнесся слухъ, что Принцъ *Злощастный* наноситъ всѣмъ своимъ кормилицамъ несчастіе, и ни одна не только кормитъ, но и подходитъ къ нему не хотѣла. Сей бѣдный младенецъ кричалъ онъ голода, и никто о немъ не имѣлъ сожалѣнія. Одна крестьянка, у которой множесиво было дѣтей, а прокормить ихъ было нечѣмъ, взялась вскормить его, ежели ей дадутъ много денегъ; и поелку Король и Королева Принца *Злощастнаго* не любили, дали кормилицѣ то, чего она требовала, и велѣли ей взять его въ деревню. Другой Принцъ, котораго называли *Щастливый*, совсѣмъ въ противномъ былъ положеніи. Отецъ и мать любили его до чрезвычайности, а о старшемъ сынѣ вовсе позабыли. Злая женщина, которой онъ порученъ былъ, лишъ только приняла его въ свой домъ, тотчасъ сняла съ него всѣ хорошія пеленки и спеленала въ нихъ своего сына, которой былъ Принцу ровесникъ; а его бѣднаго опушала гнусными лоскушками, отнесла въ лѣсъ, гдѣ было множесиво дикихъ звѣрей, и бросила въ берлогу, въ которой

находилось трое львенковъ, съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ сѣденъ. Однакожь львица, пришедши туда послѣ, не только не сдѣлала ему никакова вреда; но стала кормить его вмѣстѣ съ своими дѣтьми, онъ чего онъ получилъ такую крѣпость, что по прошествии шести мѣсяцовъ началъ бѣгать. Между тѣмъ кормилицынъ сынъ, который задушилъ мѣсяцо Принца, умеръ, чему Король и Королева очень радовались. *Злощастный* прожилъ въ лѣсу до двухъ лѣтъ. Одинъ придворный господинъ будучи на охотѣ и увидя его съ звѣрями чрезмѣрно удивился, сжалился надъ нимъ, взявъ его въ свой домъ; услыша, что для товарищества Принцу *Щастливому* ищутъ мальчика, представилъ Королевѣ *Злощастнаго* къ *Щастливому*: приставили учителя для наученія его читать; но дали ему такое приказаніе, чѣмъ онъ его до слезъ никогда не доводилъ. Молодой Принцъ узнавши сіе приказаніе, всякой разъ, какъ только примется за книгу, плакалъ и въ пять лѣтъ не выучилъ еще и складовъ, какъ между тѣмъ *Злощастный* читать и писать научился совершенно. Чѣмъ его приспрашивать, велѣли всякой разъ, когда *Щастливый* не выучитъ своего урока,

Злощастнаго съчь; и такъ *Злощастный* какъ хорошо ни учился и сколько ни былъ уменъ, всегда однакожь былъ, сверхъ того *Щастливый* былъ такъ своенравенъ и золъ, что всегда съ своимъ братомъ очень дурно поступалъ. Когда *Злощастному* дадутъ яблоко или грушу, *Щастливый* изъ рукъ у него вырветъ: заставляетъ его молчать, когда тотъ станетъ говорить; а когда тотъ замолчитъ, то говорить принуждаетъ: короче сказать, это былъ маленькой мученикъ, о которомъ никто не имѣлъ сожалѣнiя. Они прожили такъ до десяти лѣтъ, и Королева чрезвычайно удивлялась неразумiю своего сына. Волшебница меня обманула, говорила она: я думала, что сынъ мой умнѣе будетъ всѣхъ Принцовъ, потому что желала, чтобы онъ успѣвалъ во всѣхъ своихъ предпрiятiяхъ. Она волшебницѣ за то стала выговаривать; но та сказала ей: вамъ, сударыня, для сына своего надобно желать доброй воли, а не талантовъ; онъ хочетъ быть злонравенъ, и успѣваетъ въ томъ, какъ вы видите. Выговоря сiе, ушла: а бѣдная Королева возвращаясь въ чертоги свои стала выговаривать *Щастливому* и спрашивать его, чтобы онъ впередъ поступалъ

лучше; но вмѣсто того, чтобъ общалъ и страшиться, сказалъ онъ ей, что ежели стануть ему досаждать, то онъ уморитъ себя голодомъ. Королева испугавшись схватила его на руки, посадила на колѣни, стала цѣловать, надавала ему всякихъ сластей, чтобъ онъ хоть цѣлую недѣлю не учился, а кушалъ бы по прежнему. Между тѣмъ Принцъ *Злощастный* былъ примѣромъ знаиія и кротости; онъ шакъ ко всему былъ холоденъ, что дѣлали противу его хопѣнiя, что не имѣлъ уже никакого и желанiя, а думалъ отомъ только, чтобъ предупреждать всѣ прихоти *Щастливаго*. Но сей злонаправный мальчишка бѣсился, видя въ немъ больше своего доспоннствъ, и не могъ терпѣть его. Училиши въ угодность его били *Злощастнаго* поминутно. Наконецъ онъ по злости своей сказалъ матери, что онъ не можетъ смотрѣть на *Злощастнаго*, и что ежели его не выгонятъ, то онъ неспанетъ ъспь: *Злощастнаго* выгнали на улицу, и бояся Принцева гнѣва, никто не хотѣлъ взять его. Онъ просидѣлъ цѣлую ночь подъ деревомъ, умирая отъ стужи, потому что случилось зимою, а ужинъ его состоялъ въ одномъ только кусочкѣ хлѣба, кото-

рый ему из милости дали. На другой день разсуждалъ онъ самъ въ себѣ: мнѣ нельзя оставаться здѣсь и быть безъ дѣла; стану искать себѣ какойнибудь работы, чтобъ прокормить себя до того времени, пока вырасту и годенъ буду въ службу. Помнился мнѣ, я читалъ въ исторіяхъ, что многіе изъ рядовыхъ солдатъ дѣлались великими полководцами; можетъ быть и я столько счастливъ буду ежели буду честнымъ человѣкомъ. Я не имѣю ни отца, ни матери; но Богъ есть отецъ сиротамъ; когда онъ заставилъ львицу кормить меня, то конечно и во всемъ меня не оставитъ. *Злощастный* выговоря сіе, всталъ и началъ молиться Богу, что онъ исполнялъ всегда поутру и въ вечеру: и когда молился, всегда въ такомъ былъ благоговѣніи, что ни о чемъ уже не помышлялъ кромѣ молитвы, и ни въ одну сторону не оборачивался. Прохожій крестьянинъ, увидя *Злощастнаго*, который молился отъ всего сердца, говорилъ самъ въ себѣ: я увѣренъ, что эшотъ мальчикъ будетъ честной человѣкъ; хотѣлось бы мнѣ взять его для смотренія за овцами. Богъ меня за него помилуетъ. Онъ дожидался, пока *Злощастный* не окончилъ своей молитвы, и попомъ ска-

залъ ему: послушай дружокъ, не хочешь ли ты у меня жить и пасти моихъ овецъ? я тебя буду кормить и всегда о тебѣ спараться. Со всею охотою, отвѣчалъ *Злощастный*; а я всеми силами спараться буду хорошенько служить тебѣ. Крестьянинъ сей былъ богатый откупщикъ и имѣлъ множество работниковъ, которые его очень часто окрадывали; да и жена его и дѣши также добру его не спускали. Они увидя *Злощастнаго* очень были довольны; это такой мальчикъ, говорили они, который будетъ дѣлать все, что намъ надобно. Хозяйка въ одинъ день сказала ему: мужъ мой очень скупъ и никогда мнѣ денегъ не даетъ; отдай мнѣ, дружокъ, одну овцу, а ему скажи, что ее волки съѣли. Я, сударыня, отвѣчалъ *Злощастный*, охотно бы желалъ услужить вамъ этимъ; но соглашусь лучше умереть, нежели солгать и быть воромъ. Глупенькой ты, говорила хозяйка, въшь этого никто не узнаешь. Да Богъ узнаешь, отвѣчалъ *Злощастный*; онъ видя все, что мы ни дѣлаемъ, и наказываетъ дураковъ и шѣхъ, которые крадутъ. Хозяйка услышавъ такія слова, бросилась къ нему, била его по щекамъ и драла его за воло-

сы. *Злощастный* плакалъ, а хозяйинъ услыша, спрашивалъ у жены: за что она мальчика била? за то, отвѣчала она, что очень прожорливъ; онъ по утрам сего дня сбѣлъ цѣлую крынку смешаны, которую я хотѣла продать. О! какъ это дурно бытъ такъ прожорливу, сказалъ ему крестьянинъ, и потѣ же часъ призвавъ другога рабочника, велѣлъ его высѣчь; хотя бѣдный *Злощастный* и увѣрялъ, что онъ смешаны не ѣлъ, но хозяйкѣ больше вѣрили, нежели ему. Послѣ того погналъ опять въ поле стадо, и хозяйка сказала ему: ну теперь отдашь ли ты мнѣ овцу? мнѣ очень жаль, что я не могу эпова здѣлать, говорилъ *Злощастный*: дѣлайте со мною, что хотите, а я лгать не стану. Сія злая шварь, чтобъ ему опмститъ за то, научила всѣхъ своихъ домашнихъ, *Злощастному* зло дѣлать. Онъ оставался въ полѣ день и ночь; и вмѣсто того, чтобъ накормить его такъ какъ другихъ, она послала ему только хлѣба, да воды, а по возвращеніи его бранила за все то, что въ домѣ дурнова ни дѣлалось. Онъ прожилъ у опкупщика цѣлый годъ, и хотя сыпалъ всегда на голомъ полу и такъ худо былъ кормленъ, однакожъ былъ здо-

ровъ и дороденъ, какъ въ пятнадцать лѣтъ, когда еще ему только принадлецать было; при томъ же такъ здѣлался терпѣливъ, что никогда не досадовалъ, ежели его и понапрасну бранили, Будучи нѣкогда въ другой деревнѣ услышалъ онъ, что соседственный Король воюетъ, просилъ хозяина отпустить его, и полетѣлъ въ то королевство, чинобъ записаться въ солдаты; явился у одного Капитана, которой былъ знатней породы, но весьма плохо поступалъ. Онъ бранилъ и билъ своихъ солдатъ безъ милосердія и удержалъ половину денегъ, которыя Король давалъ на ихъ содержаніе. *Злощастный* у сего Капитана еще несчастнѣе былъ, нежели у откупщика. Онъ далъ обязательство на десять лѣтъ служить, и хотя видѣлъ, что многіе его товарищи бѣжали, но никогда не хотѣлъ слѣдовать ихъ примѣру. Я получилъ деньги за десять лѣтъ, говорилъ онъ, и потому, ежелибъ не сдержалъ слова, то здѣлался бы обманщикомъ. Хотя Капитанъ его былъ человекъ злой, и поступалъ съ злощастнымъ такъ же дурно, какъ и съ другими его товарищами, однакожъ видя особливую его исправность въ должности, нѣ-

сколько уважалъ его. Онъ держалъ его при себѣ, употребляя его въ покушкахъ, и когда ошибался въ деревню или обѣдывалъ у своихъ друзей, отдавалъ *Злощастному* ключъ отъ спальни. Сей Капитанъ книгъ читать не любилъ, но имѣлъ великую библиотеку, чиня показанья шѣмъ, которые къ нему ходили, что онъ человекъ разумной; ибо въ той землѣ всякаго Офицера, который не читалъ исторій, считавшъ совершеннымъ невѣжествомъ. *Злощастный* исправя свою должность, вмѣсто того чиня пить и играть въ карты, съ своими товарищами, въ небытность Капитана заперался въ его спальню, безпрестанно читалъ книги, содержащія жизнь великихъ людей, и наконецъ шакъ здѣлался искусенъ въ военной наукѣ, что могъ самъ предводительствовать войскомъ. Онъ уже семь лѣтъ былъ солдатомъ, какъ послали его походъ. Въ одно время Капитанъ взявъ съ собою шесть человекъ, въ томъ числѣ и его, пошелъ въ лѣсъ для осмотра мѣста; и какъ они вошли туда, солдаты говорили межъ собою шихонько: намъ надобно убить этова злова Капитана за то, что онъ всегда насъ будитъ палками, да и хлѣбъ нашъ удерживаетъ. *Злощаст-*

ный отговаривалъ имъ не дѣлать тако-
го злодѣянiя; но они его не слушали, а
говорили, что и его убьютъ вмѣстѣ съ
Капитаномъ; онъ тотчасъ началъ за-
щищать Капитана и бился съ такимъ
искусствомъ, что одиъ четырехъ изъ
сихъ солдатъ положилъ на мѣстѣ.
Капитанъ видя, что онъ спасъ его
жизнь, просилъ у него во всѣхъ здѣ-
ланныхъ ему обидахъ прощениа, и ко-
гда донесъ Королю о семъ приключенiи,
Злощастный пожалованъ Капитаномъ,
и получилъ отъ Короля великую пен-
сiю. Я думаю, что солдаты не хотѣли
убить *Злощастнаго*; по тому что
онъ любилъ ихъ, какъ дѣтей своихъ, и
не только не присвоивалъ себѣ принадле-
жащаго имъ, но часто давалъ имъ
свои собственныя деньги, когда они
хорошо исполняли свою должность.
Когда они были ранены, онъ имѣлъ
о нихъ величайшее попеченiе и понапра-
сиу никогда не бранилъ ихъ. Между
тѣмъ дана непрiятелямъ спрашная
башалия, и когда предводитель убить
былъ, всѣ Офицеры и солдаты побѣ-
жали назадъ. Но *Злощастный* закри-
чалъ, что онъ лучше умереть со шпа-
гою въ рукахъ, нежели согласится бѣ-
жать, какъ малодушный: солдаты его
закричали, что они ради умереть съ

нимъ; примѣръ сей заставилъ другихъ стыдиться; они всѣ окружили *Злощастнаго* и такъ храбро сражались, что непріятель побѣжденъ, и сынъ непріятельскаго Короля взятъ въ плѣнъ. Король услыша о выигранныхъ сраженіяхъ, чрезвычайно былъ доволенъ, и объявилъ *Злощастному*, что онъ жалуетъ его Генераломъ и Предводителемъ всего своего войска, онъ представилъ Королевѣ и Принцессѣ дочери своей, которая допустила его къ рукѣ. *Злощастный* увидя Принцессу, здѣлался не подвиженъ; она такъ была прекрасна, что онъ влюбился въ нее до безумія, и шунъ - то уже онъ спалъ совершенно несчастливъ, занимаясь мучительными мыслями, что такому человѣку, какъ онъ, нельзя жениться на Принцессѣ. Онъ рѣшился всячески скрывать любовь свою и непрестанно мучился; но спраданіе его еще больше умножалось, когда онъ услышалъ, что Принцъ *Щастливый* увидя портретъ *Щедролюбы*, (такъ называлась Принцесса,) такъ же въ нее влюбился, и что присланъ Посолъ просить ее за него въ замужство. *Злощастный* думалъ умереть отъ горести; но Принцесса *Щедролюбва* наслышась, что *Щастливый* былъ злонаравенъ, усиленно просила Ко-

роля отца своего не выдавать ее за него, и тому сказано, что Принцесса замужъ выходить еще не расположена. *Щастливый*, привыкши видѣть отъ всѣхъ и во всемъ угожденія, услыша Принцессинѣ отвѣтъ взбѣсился; а отецъ его не хотѣвши ни въ чемъ ему опказывать, *Щедролюбину* отцу объявилъ войну; но онъ мало о семъ безпокоился и говорилъ всегда: доколѣ будетъ *Злощастный* предводителемъ сивовать мои войсками, я не думаю, что онъ кпо нибудь меня побѣдитъ. Онъ послалъ искашь своего Генерала и далъ повѣлѣніе итти въ походъ; но *Злощастный*, повергшись къ ногамъ его говорилъ ему, что онъ родился въ Корольствѣ отца *Щастливого*, и что не можетъ воевать противъ своего Государя. Отецъ *Щедролюбинъ* прогнѣвался и сказалъ *Злощастному*, что ежели онъ не будетъ ему повиноваться, то велитъ уморить его; а въ прошивномъ случаѣ, ежели онъ надъ *Щастливымъ* выиграетъ побѣду, отдастъ за него дочь свою. *Злощастный* по чрезмѣрной любви своей къ *Щедролюбъ*, сперва было покусился согласиться, но наконецъ рѣшась исполнить долгъ свой, не сказавъ ничего Королю, оставилъ дворъ и все свое имѣніе. Между тѣмъ

Щастливый началъ самъ предводительствовать арміею и выступилъ въ походъ; и по прошествіи четырехъ дней занемогъ; попому что не имѣлъ никогда тѣлесныхъ упражненій, чрезвычайно себя избѣжилъ: теплота и стужа равномерно въ болѣзнь его ввергали. Между тѣмъ посолъ, который въ походъ съ нимъ отправился, говорилъ ему, что онъ при дворѣ отца *Щедролюбина* видѣлъ того самаго мальчика, котораго *Щастливый* отъ себя выгналъ, и что онъ слышалъ, будто отецъ *Щедролюбинъ* общалъ ее за него выдать. *Щастливый* услыша о томъ пришелъ въ бѣшенство, и лишь только получилъ отъ болѣзни облегченіе, выступилъ потчасъ въ походъ съ тѣмъ, чтобъ отца *Щедролюбина* свергнуть съ престола, а пому, кто захватитъ и приведетъ къ нему *Злощастнаго*, общалъ великое награжденіе. Онъ одержалъ многія побѣды, хотя самъ при сраженіи и не былъ, опасаясь, чтобъ его не убили. Наконецъ онъ осадилъ непріятельскую Столицу и рѣшился взять ее приступомъ. Наканунъ того дня привели къ нему *Злощастнаго* тяжкими оковами обремененнаго, ибо онъ опіи множеству разосланныхъ не могъ укрыться. *Щастливый* радуясь,

что получилъ случай мстить, возна-
мѣрился прежде прислупа къ городу
приказашь въ виду непріятеля отру-
бить *Злощастному* голову. Въ то самое
время давалъ онъ празднество Офице-
рамъ своимъ, торжествуя день своего
рожденія, въ кошорый ему и двадцать
пять лѣтъ исполнилось. Солдаты
бывшіе услышавъ, что *Злощастный*
захваченъ и что положено отрубить
ему голову, помня какъ онъ милосливо
поступалъ съ ними, будучи ихъ Гене-
раломъ, рѣшились или погибнуть или
спасти его. Они выпросили у Короля
позволеніе здѣлать выласку и одер-
жали надъ непріятелемъ побѣду. Даръ,
кошорымъ *Щастливый* надѣленъ отъ
волшебницы, въ сей день уже мино-
вался, и какъ онъ хотѣлъ отъ непріа-
теля убѣжать, его убили. Солдаты
спѣшили спяшь съ *Злощастнаго* оковы,
и въ ту самую минушу явились на
воздухѣ двѣ колесницы, окруженныя
сіяніемъ, изъ коихъ на одной сидѣла
волшебница, а на другой спящіе отецъ
и мать *Злощастнаго*. Лишь только
колесница ихъ коснулась земли, они
пробудились, и увидя себя среди много-
численной арміи очень удивились. Вол-
шебница обращая къ Королевѣ и пред-
сшавя ей *Злощастнаго* сказала: познай-

те, государыня, въ семь геробъ старшаго вашего сына. Преперѣбныя имъ нещастія исправили недостатки его, свойства, и истребили вспыльчивость его и свирѣпость. *Щастливый* напрошивъ того хотя и съ добрыми родилсѣя склонностями, потачкою совершенно былъ испорченъ и Богу негодно было, чпобъ онъ долѣе прожилъ, потому что ежедневно становился бы злоуравнѣе. Онъ теперь только убитъ; но въ утѣшеніе ваше скажу, что онъ скоро бы свергнулъ съ престола отца своего, ибо онъ досадовалъ уже, что не Королемъ. Король и Королева въ изумленіи были, и слыша о *Злощастномъ* споль много похваля, съ восхищеніемъ бросились обнимать его. Принцесса *Щедролюба* и отецъ свѣдавъ приключеніи *Злощастнаго* такъ же радовались. Онъ женился на *Щедролюбѣ*, съ которою прожилъ очень долго въ совершенномъ согласіи, потому что союзъ ихъ основанъ былъ на добродѣтели.

Г. Ш. . . .

(Вздохнувши.) Ахъ! какъ я довольна, что бѣдный *злощастный* спалъ спокоенъ: я все боялась, что ему по приказанію злова *Щастливаго* головы не опрубили.

Г. Доброуравова.

Я увѣрена, что нѣтъ ни одной изъ васъ, которая бы не радовалась, что *Щастливаго* убили.

Г. М. . . .

Что до меня касается, я эшимъ очень довольна; потому что ежелибъ его не убили, онъ бы всегда спарался дѣлать зло своему брату.

Г. Н. . . .

Мнѣ кажется, *Щастливый* не виноватъ въ томъ, что былъ такъ злонаравенъ; а виноваты отецъ и мать, что такъ худо его воспитывали.

Г. Доброуравова.

Ты правду говоришь, моя душа. Я думаю, что ежелибъ я была на мѣстѣ волшебницы, то наказала бы эту глупую мать, что она сына своего для утѣшенія его, какъ онъ бѣсился, кормила сластями. Но я вамъ, мои любезныя дѣти скажу нѣчто, что вы должны замѣнить. Вы все *Злощастнаго* любите, а *Щастливаго* не ненавидите; знайте же, что въ этомъ всѣ люди одного съ вами мнѣнія: добрыхъ всѣ любятъ, когда имъ что нибудь худое приключится. Ежели

честной человекѣ попадетъ въ нещасіе, то о немъ всѣ соболѣзнуютъ, даже и тѣ самые, которые его не коротко знаютъ. Не забывайте никогда, мои дѣти, что хопя вы и знатнаго рода и очень достаточны, однакожъ эшимъ не заслужите ни любви, ни почтенія, а развѣ добродѣтелью. Къ чему вамъ послужитъ богатство, ежели вы деньги для себя только беречь будете; ежели не заплашите шѣмъ, которые для васъ прудятся, и допустите бѣдныхъ умирать съ голода?---- Вы видите, что богатство не сдѣлаетъ васъ любви достойными; а напрошивъ того всякой развѣ, какъ вы откажете бѣдному въ помощи, тѣ, которые это знаютъ, скажутъ: о! какая это негодная женщина; какъ досадно, что она богата, лучше бы ея достаткомъ владѣть шакой-то, по тому что ша очень милостива. Помни это Г, Ш. . . . Ежели ты и впередъ зла будешь, то тебя презирають и ненавидѣють будешь, хопя ты и знатнаго рода.

. Ш. . . .

Ахъ! Сударыня, это точно правда. Меня и теперь ни мамка, ни слу-

жанка, ни бабушка, ни мапушка, ни сестры, ни дѣвки, которыя на кухнѣ, никто шерпѣть не можеть; однакожь вы знаете, что я хочу исправиться.

Г. Доброуравова.

Я надѣюсь, моя душа, что ты исправиться; а ежели будешь слѣдовать моимъ совѣтамъ, то конечно успѣешь въ своемъ желаніи.

Г. Ш. . . .

Я ихъ со благодарностію принимаю, сударыня, и буду все исполнять, что вы миѣ ни скажете.

Г. Доброуравова.

На примѣръ, моя душа, я записку, которую ты миѣ ошдала сего дня, прочитала тихонько: а ежелибъ ты точно хопѣла исправиться, то позволила бы миѣ прочитатъ ее въ слухъ. Я знаю, что тебѣ это досадно и стыдно будетъ; однакожь послужитъ къ своему исправленію.

Г. Ш. . . .

Ежели вы думаете, сударыня, что это можеть служить къ моему исправленію, такъ я на это очень согласна.

Г. Доброуравова.

Конечно такъ, это я тебѣ обѣщаю! Когда ты захочешь сказать, или здѣлать что нибудь дурное, то вспомни, что ты обѣщала это записать и что оно прочтено будетъ передъ этими дѣвицами, и вѣрно отъ того удержишься. Посмотримъ же, что тутъ написано; подойди ко мнѣ, моя душа, я тебя за твое послушаніе поцѣлую: не хочешьли ты сама это прочесть?

Г. Ш. . . .

Нѣтъ, сударыня, мнѣ стыдно.

Г. Доброуравова.

Это добрый знакъ, что ты стыдишься. Ну такъ я прочту.

„Я не послушалась мамки и назвала ее дерзкою, что она будучи моею рабою, хочетъ мною повелѣвать. Сказали ей также, что мнѣ бы хотѣлось ее такъ взбѣсить, чтобъ она меня ударила и переломила мнѣ руку или ногу, лишь бы только выгнали ее изъ дома.“

Г. Ш. . . .

(Заплакавъ.) Ахъ! сударыня, подружки мои узнавши, что я такъ зла, не захотятъ быть со мною вмѣстѣ.

Г. Добронравова.

Да онѣ, моя душа, видяшъ также и то, что ты хочешь исправиться. Послушай мое дитя, мы всѣ родимся съ недоспашками; честные люди въ молодости своей имѣли ихъ столькоже, сколько и злоправные, но они исправлялись; вотъ вся разность. Я хочу тебѣ, моя душа, признаться, что когда я была еще мала, то и во мнѣ столькоже было злости, какъ въ тебѣ теперь; но по счастью попалась я къ хорошей учительницѣ, которая меня очень любила. Я слушалась во все мѣсяца совѣтовъ и въ два мѣсяца такъ исправилась, что меня бить не можно. Я тебѣ не стану теперь говорить, какъ это ужасно, что ты сказала своей мамкѣ, потому что ты признаешься въ своей погрѣшности.

Г. Благоразумова.

(Обнявши Г. Ш. . . .) не плачь, моя голубушка; мы тебя сердечно любимъ, и я съ своей стороны увѣрена, что ты уже никогда такихъ погрѣшностей дѣлать не будешь.

Г. Остроумова.

Я, сударыня, не давно читала, что былъ одинъ великой Философъ,

котораго добродушію весь свѣтъ удивлялся. Онъ нѣкогда сказалъ про себя, что онъ родился прожорою, глупымъ, пьяницею и воромъ; но ему никакъ не хотѣлъ вѣришь, потому что онъ совершенно исправился. Когда и Госпожа Ш . . . выросла, то конечно не захотѣла вѣришь, что она была зла. Она такъ будетъ добродушна, что ее всѣ любятъ будутъ.

Г. Доброузова.

И о тебѣ, моя душа, теперь трудно вѣришь, что ты за мѣсяць предъ этимъ была свѣсива и за удовольствіе почитала говоришь про пороки другихъ, желая ихъ тѣмъ оскорбишь: ты теперь исправляешься, и ежели это всегда будешь дѣлать, я тебя чрезвычайно любить буду. Однакожь скажи пожалуй, какъ назывался этотъ Философъ?

Г. Остроумова.

Онъ назывался Сократъ.

Г. М. . . .

Ахъ! Я его знаю, сударыня; мы вчѣра рассказывали ево исторію.

Г. Доброуравова.

Разскажи же ее, моя душа, своимъ подругамъ.

Г. М. . . .

Сократъ имѣлъ такую злую жену, что она безпрестанно его ругала. Въ одинъ день, какъ она спала его бранила, онъ вышелъ за ворота, чтобъ не слышать ея брани; эта злая женщина, видя, что ей бранить нѣкого, такъ разсердилась, что схватила съ помоями горшекъ и вылила мужу на голову. Можешь быть вы думаете, что Сократъ на жену свою разсердился; совсѣмъ нѣтъ; а началъ смѣяться и сказалъ одному своему другу, который на то время подошелъ къ нему: *послѣ грома обыкновенно дождь бываетъ*. Женино ругательство назвалъ онъ громомъ, а помои, оныя которыхъ платье его совсѣмъ не годилось, дождемъ.

Г. Благоуравова.

Я думаю, что для жены его лучше бы было, ежелибъ онъ ее побилъ, нежели какъ смѣялся надъ нею.

Г. Доброуравова.

Это правда, моя душа. Не надобно однакожъ стараться объ опмщени

эшо очень подло; но и тѣ правда, что можно опимешить людямъ, кошо-рые намъ зло дѣлають, смѣясь надъ ними. Ежели бы кто захотѣлъ тебя разсердити, но ты бы не разсердилась; эшимъ бы больше ему досадила; но не надобно и смѣяться, какъ я сказала, чтобъ тѣмъ больше не озлобись. А напротивъ, когда кто нибудь захочетъ тебя обидѣть, или досадить, то размысли сама въ себѣ: эштобъ бѣдный человекъ не можеть мнѣ зла сдѣлать, ежели я не разсержуся; а больше сдѣлаеть зла самому себѣ, стараяся досадить мнѣ; онъ сожалѣнія достоинъ. Боже! пошли ему свою милостивую помощь, что онъ исправился; я ему онъ всего сердца прощаю, что онъ хотѣлъ меня обидѣть. Ибо вы знаете мои дѣла, что мы должны любить враговъ своихъ и прощать имъ, ежели хотимъ, что бы Богъ прощадъ вамъ. Теперь Г. Н. . . . и Г. М. . . . перескажутъ намъ испорію.

Г. Н. . . .

Ной вышедши изъ ковчега, насадилъ виноградъ, на которомъ выросло множество ягодъ. Онъ изъ нихъ сдѣлалъ вино и захотѣлъ опивдаты, каково оно было; ибо надобно думать, что до

того времени вина не бывало. Но онъ такъ много его выпилъ, что потерялъ разумъ и началъ дѣлать дурачества. Сынъ его *Хамъ* видя его въ такомъ положеніи, вмѣсто того, чтобы сожалѣть объ немъ, сталъ смѣяться и призвалъ братьевъ своихъ *Сима* и *Лафета*, чтобы и они также надъ нимъ смѣялись; но братья сказали ему: о! какъ это не хорошо, смѣяться надъ отцомъ своимъ. Когда отецъ или мать дѣлаютъ чтонибудь дурное, никогда не надобно сказывать о томъ людямъ. *Ной* прославшись и пришедши опять въ память, узналъ о поступкѣ дѣтей своихъ и сказалъ *Хаму*: ты сынъ негодный, по тому что не соблюдаешь должное къ отцу почтение, и за то я тебя проклинаяю, а братьямъ твоимъ даю отеческое мое благословеніе.

Г. М. . . .

Что это значитъ, я тебя проклинаяю?

Г. Доброирасова.

Это значитъ: я тебя желаю всякаго несчастія, и прошу Бога, чтобы онъ его послалъ на тебя.

Г. Ш. . . .

Развѣ Богъ посылаетъ на проклятыхъ людей несчастіе?

Г. Добронравова.

Почти всегда, моя душа. Это самое великое несчастіе для дщяти, когда его отецъ или мать проклинаетъ; а подвергающія дщяти сему несчастію тогда, когда родителѣмъ досадятъ, не слушаясь ихъ, говоря съ ними безъ почтенія, или выходя замужъ безъ позволенія ихъ.

Г. Остроумова.

О! это подлинно правда. Я знаю многихъ женщинъ, которыя вышли замужъ противъ воли родителей своихъ; онѣ, какъ я слышала, самыя несчастныя въ свѣтѣ.

Г. Добронравова.

Это конечно такъ. Берегитесь же, мои любезныя дщяти, протѣвлять своихъ родителей. Ежели по несчастію они васъ проклянутъ, то вы очень жалки будете. Примѣчайте также, какъ опасно пить вино и другіе крепкіе напитки; они лишаютъ разума и доводятъ до дурачества.

Г. Остроумова.

Развѣ, сударыня, грѣхъ пить вино? Я никогда не теряла разума, когда пила его; и признаюсь предъ вами, что я люблю бѣлое вино, особливо сладкое.

Г. *Добронравова.*

Я вамъ расскажу, мои любезныя дѣти, исторію, которую я недавно читала. Святой *Августинъ* самъ объ ней упоминаешь, и она случилась съ его машерью *Моникою*. Когда она еще была молода, мамка ея, которая была женщина умная, не позволяла ей пить вина, развѣ только за обѣдомъ и уженомъ. Она ей говорила: пока ты молода, пей одну только воду и по умбрению, потому что ежели привыкнешь пить всякую минушу, не имѣя жажды, то, когда выйдешь замужъ и будешь сама госпожею, станешь пить вино и потеряешь разумъ. *Моника* никогда и не пила вина; но какъ уже она была четырнадцати лѣтъ и отецъ послалъ ее нѣкогда съ служанкою въ погребъ за виномъ, вздумалось ей отвѣдать, какой вкусъ имѣетъ вино. Въ первый разъ она выпила нѣсколько капель и не нашла въ немъ большей пріятности. На другой день захотѣла выпить побольше; выпила нѣсколько глотковъ и оно ей показалось лучше; а на конецъ такъ впила, что стала пить по большой рюмкѣ. По щастію побранилась она съ своею служанкою, которая назвала ее пьяницею. Ей такъ было зно стыдно, что она

отстала; и въ самомъ дѣлѣ для женщины нѣтъ ничего стыднѣе, какъ ежели упрекнуть ее, что пьетъ много вина, пуишу или другихъ крѣпкихъ напитковъ.

Изъ этого вы видите, любезныя мои дѣти, что отъ худыхъ привычекъ, особливо отъ этой, сколько можно убѣгать надобно. Вы можете пить вино тогда только, когда вамъ дадутъ, ибо я не думаю, чтобъ вамъ спали давать его; а чтобъ самимъ просить вина, или пить безъ позволенія, это всего хуже. Ну Г. М. . . . расскажи-ка намъ теперь свою исторію,

Г. М. . . .

Ной и свое сыновей его, сколько размножили свое племя, что мѣсто, гдѣ они поселились, для нихъ было тѣсно, согласились раздѣлиться; но прежде хотѣли они выстроить башню, которая бы была выше Ивана Великова; они предприняли это въ такомъ намѣреніи, чтобъ люди, которые будутъ послѣ нихъ, называли ихъ за то умными; а при томъ думали, что ежели Богъ захочетъ въ другой разъ пощипать ихъ, взойти на эту башню и отъ воды избавиться. И такъ они начали башню строить; но Богъ по-

смѣваясь щеславію ихъ и безумію, сдѣлавъ то, что они вдругъ забыли языкъ свой и начали говорить шакъ, что другъ друга не разумѣли. Ежелибъ мы свой языкъ забыли теперь, которыми говоримъ, и я бы стала говорить по Лашински, *Г. Доброуравова* по Нѣмецки, а *Г. Благоумова* по Италіански; мы бы конечно принуждены были разойтись, по тому что мы бы другъ друга понимать не могли. Эти люди пришли тогда въ великое изумленіе; ибо когда одинъ говорилъ, подай мнѣ камень, другой не разумѣя его, подавалъ воду или дерево. По сему самому спроеіе башни, которой уже много сдѣлано было, принуждены они были оставить. Она называлась *Вавилономъ*, что значитъ смѣшеніе. Потомъ каждый помышлялъ итати въ другое мѣсто. Дѣти *Хамовы* и *Ханаана* сына его пошли къ Востоку, *Иафетовы* къ Западу, а *Симовы* въ землю *Ассуръ*.

Г. Н. . . .

Я сударыня, этихъ странъ не знаю.

Г. Доброуравова.

Я, тебѣ, душа моя, покажу ихъ на Географической картѣ, вотъ смотри

сюда: верхняя сторона этой карты называется *Сѣверомъ* или *Полуночью*; нижняя *Югомъ* или *Полуднемъ*; та, которая у себя на правой рукѣ, *Востокомъ*, которая на лѣвой *Западомъ*.

Г. М. . . .

Для чего же, сударыня, эта карта разными красками написана?

Г. Доброуравова.

Для различія земли отъ воды и четырехъ главныхъ частей свѣта, которые называются: *Европа*, *Азія*, *Африка*, и *Америка* и изъ коихъ первая лежитъ къ *Сѣверу*, другая къ *Востоку*, третья къ *Югу*, а четвертая къ *Западу*. Адамъ сотворенъ въ *Азін*, а мы живемъ въ *Европѣ*.

Г. Остроумова.

Скажите мнѣ пожалуйста, отъ котораго мы *Ноева* сына происходимъ!

Г. Доброуравова.

Скажи ей, госпожа *Благоразумова*.

Г. Благоразумова.

Отъ *Иафета*.

Г. М. . . .

Я думаю, сударыня, это очень хорошо знать карты; позвольте мнѣ

еще посмотрѣть, да скажите пожалуйста, что это за линейки такія, которыя шутъ проведены?

Г. Доброуравова.

Очень охотно, моя душа. Наука объ этихъ картахъ называется *Географія* и мы всякой день по нѣскольку изъ нее проходимъ будемъ; сего дня мы прошли довольно; не забудьте о четырехъ странахъ свѣта и о четырехъ частяхъ его; объ этомъ при первомъ нашемъ свиданіи я у васъ спрошу.

Г. Остроумова.

Я теперь вздумала, сударыня; какъ мнѣ кажется, что въ басняхъ есть много похожаго на Священную Исторію, на примѣръ, *Златой вѣкъ*, *потопъ*, *предпріятіе Гигантовъ* и проч.

Г. М. . . .

Что это, сударыня, Гиганты?

Г. Доброуравова.

Ты еще такъ мала, моя душа, что этого понимать не можешь.

Г. Н. . . .

Ахъ! сударыня, я буду это понимать; пожалуйста только скажите.

Г. *Добронравова.*

Боюсь я, любезныя дѣти, чтобъ мнѣ васъ этимъ не избаловать, что я всѣ ваши прозьбы исполняю. Однакожъ, видно ошговорилъся не лъзя; слушайте.

Послѣ попопа люди писать еще не умѣли и книгъ тогда не было.

Г. Ш. . . .

Какъ же мы, сударыня, узнали *Адамову* исторію, ежели она не была написана?

Г. *Добронравова.*

Адамъ рассказывалъ эту исторію своимъ дѣтямъ, а они *Ной*. *Ной* вышедши изъ *Ковчега* пересказалъ ее своимъ дѣтямъ, и поручилъ имъ, чтобы они своимъ дѣтямъ также оную передали. *Симъ*, который ошцу своему всегда былъ послушенъ, завѣщаніе сіе исполнилъ, и его дѣти исторіи, до нихъ дошедшей, никогда не забывали; но *Хамъ* и *Лафетъ* мало о томъ думали, а ежели когда и рассказывали своимъ дѣтямъ, то кое-какъ. Четыре сына *Лафетовы* поселились въ землѣ, кошорая названа *Грецією* и они назывались *Греками*. *Греки* чрезвычайно любили сказки и басни, и выдумывали ихъ по

своимъ мыслямъ изъ всѣхъ произшедшій. вмѣсто того, чинобъ разсказывать исторіи, такъ какъ они отъ предковъ своихъ слышали, они повѣствовали басни, каковую составили и на случай спроеія башни *Вавилона*. Однакожъ, прежде нежели вы ее услышите; надобно вамъ знать, что *Греки* были зловранные люди, которые вмѣсто Бога поклонялись людямъ и составили религію наполненную заблужденій. Изъ множества Царей, называвшихся *Юпитерали*. одного сдѣлали они Богомъ и всѣ добрыя и злыя дѣла снхъ Царей приписывали они одному *Юпитеру*, Царю Небесному.

Они говорили, что *Титанты* или *Великаны* были превеликіе люди, какъ эпонъ домъ; что они захопѣли *Юпитера* свергнуть съ неба, но не имѣя такой большой лѣсницы, по которой бы можно было шуда взойти, они взяли самыя величайшія горы и наваля одну на другую поднялись очень высоко; но *Юпитеръ* поразилъ ихъ громомъ, а на шхъ, которые остались живы, опрокинулъ спощенныя ими горы и подавилъ ихъ. Не правда ли, мои любезныя дѣшн, что это сосвѣмъ басня?

Г. М. . . .

Однакожь, сударыня, я нахожу въ ней нѣсколько похожаго на дѣло. Миѣ кажется, что эти горы значашь тѣ камни, изъ которыхъ *Ноевы* дѣлали башню; наказаніе, которое имъ Богъ сдѣлалъ смѣшеніемъ языковъ.

Г. *Добронравова*.

Ты очень хорошо рассуждаешь, моя душа; и за то я тебѣ скажу еще нѣчто. ---- Знаете ли вы, что такое землетрясеніе?

Г. Н. . . .

Я не знаю, сударыня.

Г. М. . . .

и Г. Ш. . . . И мы не знаемъ.

Г. *Добронравова*.

Г. *Благоразумова* и Г. *Остроумова* вѣрно это знаютъ, но я это расскажу для васъ мои любезныя. ---- Случается иногда, что земля вдругъ подъ ногами затрясется и всѣ дома въ трясеніе приводятъ. *Греки* говорили, будто это случалось всегда, когда великаны покрывые горами, шевелились и силались изъ подъ горъ вылезть.

Г. *Остроумова.*

О! сударыня, мнѣ кажется, они очень глупо думали. ---- Пожалуйте же скажите намъ, отъ чего въ самомъ дѣлѣ земля трясется?

Г. *Добронравова.*

Я слышала, что это происходитъ отъ подземнаго огня, или отъ сгорающихъ въ землѣ въспровъ, которые силаются отпуда вышши, и не находя опверспія, движеніемъ своимъ попрясаютъ землю, чрезъ то находятъ себѣ проходъ и отпуда вырываются.

Г. *М.*

Ахъ! Боже мой; я думаю, сударыня, это очень спрашно, какъ огонь изъ земли выходитъ! я бы умерла отъ спраха, ежелибъ здѣсь земля запряслась; да мы бы и сгорѣли всѣ.

Г. *Добронрасова.*

Не бойся, моя душа, можетъ быть здѣсь никогда это не случится. Въ Европѣ, какъ извѣстно, въ прехъ только мѣсшахъ есть великія горы, которыя извергаютъ пламень. Онѣ называются *огнедышущими* горами; вамъ это надобно помнить. Однакожъ многіе, не смотря на шо, что это *огне-*

дышуція горы извергаютъ пламень, живутъ въ близкомъ отъ нихъ разстояніи.

Г. Ш. . . .

Въ какихъ же, сударыня, мѣстахъ отъ горы?

Г. Доброуравова.

Одна въ *Италіи* близъ города *Неаполя*, и называется *Везувій*. Другая *Этна* на островѣ *Сициліи*; а прешья *Гекла* на островѣ *Исландіи*.

Г. М. . . .

Что это такое, сударыня, островъ?

Г. Доброуравова.

Я бы вамъ сего дня же это разсказала; но уже семь часовъ; пора намъ расстаться: а при первомъ случаѣ я вамъ объ этомъ скажу. Прощайте, мои любезныя дѣшн; ведите себя хорошенько; особливо прошу я о томъ Г. Ш. . . . Ежели я примѣту, что она до перваго нашего свиданія сколько нибудь исправится, то скажу ей самую лучшую сказочку.

РАЗГОВОРЪ VII.

ДЕНЬ V.

Г. Доброуравова.

Здравствуйте мои любезныя дѣти. А! постойте-ка, дайте мнѣ напередъ посмотришь въ глаза Госпожи Ш. . . . Я обѣ закладъ бьюсь, что она мало шалила; я это знаю по ея веселому виду,

Г. Ш. . . .

Правду сказать, сударыня: я много начинала шалостей, однакожъ ни одной не сдѣлала. Вчера хотѣла я сказать служанкѣ: ты безсмыд. . . . но вдругъ удержалась, въ другой разъ замахнулась рукою, чтобъ ее ударить, но и того не сдѣлала.

Г. Доброуравова.

Вѣшь я тебѣ сказывала, моя душа, что ты исправишься, и увидаю тебя, что будешь часъ ошъ часу лучше. Когда ты сдержала свое слово, то надобно и мнѣ свое исполнишь. Пойдемте, сядемъ съ саду подъ деревьями, и пока придетъ время пить чай, я вамъ скажу сказочку, которую обѣщала.

С К А З К А

О Принцѣ Милобразѣ.

Нѣкоторый Принцъ, будучи шестнадцати лѣтъ, лишился своего отца. Съ начала онъ нѣсколько о томъ печалился; но случай быть Королемъ вскорѣ его утѣшилъ. Сей Принцъ, который назывался *Милобразомъ*, имѣлъ доброе сердце, но воспитанъ былъ какъ надобно Принцу, то есть, пріученъ дѣлать все по своей волѣ, и сія дурная привычка сдѣлала бы его наконецъ самымъ злонаправнымъ человекомъ. Онъ уже начиналъ гнѣваться и за то, когда ему напоминали о его погрѣшностяхъ; пренебрегая должность свою, проводилъ время въ забавахъ, особливо же любилъ онъ псовую охоту, которою цѣлые дни занимался. Онъ воспитанъ былъ дурно; однакожъ былъ при немъ хорошей надзиратель, котораго онъ въ молодости своей очень любилъ; но сдѣлавшись Королемъ, вздумалъ, что надзиратель сей былъ болѣе добродѣшелемъ, нежели надобно. Принемъ, разсуждалъ онъ самъ въ себѣ, я почти связанъ: онъ всегда твердилъ, что Принцъ долженъ употреблять все время только на государственныя дѣла, а я люблю повеселиться. Ежели

онъ иногда и ничего не говоришь мнѣ, но печальнымъ своимъ лицомъ показываешь, что онъ много не доволенъ; чтобъ онъ такого принужденія избавишься, надобно сто удались. На другой день собравъ онъ совѣшъ, и приписавъ надзирателю своему великія похвалы, говорилъ министрамъ: что онъ въ награду за его попеченіе о немъ и пруды, даешь ему во управленіе одну провинцію, весьма отдаленную отъ столицы. Надзиратель его отправился пруда, а Принцъ пустился во всѣ забавы, особливо въ псовую охоту. Ибогда захавъ въ гуешой лѣсѣ, увидѣлъ онъ бѣгущаго мимо его блага какъ сибѣ оленя съ золотымъ ошейникомъ. Онъ подбѣжавши ближе къ Принцу, пристально смотрѣлъ на него, и потомъ началъ удаляться. Не убейте его: закричалъ Принцъ, потомъ велѣлъ охотникамъ держась ссбакъ, а самъ пустился за оленемъ. Олень, какъ казалось съ, нарочно нажидалъ его, но когда Принцъ подбѣжалъ къ нему близко, онъ опять онъ него удалялся нѣгая и прыгая. Ему такъ хотѣлось поймать его, что онъ сабдуя за нимъ, неуспѣшнѣею очень далеко отбѣжалъ онъ охотниковъ. Настала ночь и онъ уже посперялъ изъ вида оленя. Не зная куда

забхаль, пришель онъ въ великое смущеніе. Вдругъ услышаль онъ вдали музыку, побхаль въ ту сторону, откуда доходилъ до него звукъ, и прибыль наконецъ къ огромному замку, въ которомъ играла ша музыка. Привратникъ спросилъ у него, за чемъ онъ туда прибхаль? и когда Принцъ разсказаль ему свое приключеніе, сей человекъ сказаль ему: милости прошу, сударь; тебя здѣсь ожидають ужинашь. Бѣлый олень принадлежитъ госпожѣ моей, которая выпускаетъ его всякой разъ для приглашенія гостей. Въ то самое время привратникъ подалъ голосъ, на который прибѣжало множество служителей со свѣщильниками, и проводили Принца въ освѣщенные покои. Украшенія сего дома хотя и не великолѣпны были, но все въ такомъ было порядкѣ, что не лзя было довольно наглядѣться. Тотчасъ вошла туда и госпожа дома. *Милобразъ* ослѣпленъ былъ ея красою и въ такое пришель изумленіе, что бросилъ къ ея ногамъ и не могъ выговорить ни слова. Встанъ, Принцъ: говорила она подавъ ему руку. Я очень довольна своимъ комиъ расположеніемъ; имъ маѣ весьма любезно, и я бы желала оубъ всего сердца, чтобы ты

былъ пощѣ, который долженъ вывести
 меня изъ сего уединенія. Я называюсь
Истинная Слава и я бессмертна. Я
 живу въ семь замкѣ отъ начала міра и
 все ожидаю себѣ супруга. Многіе Ко-
 роли прѣзжали ко мнѣ, и хотя кляли-
 ся мнѣ въ вѣчной вѣрности, однакожъ
 не сдержали своего слова и предпочли
 мнѣ самую любѣйшую мою непріятель-
 ницу. Ахъ! прекрасная Принцесса, ска-
 залъ *Милобразъ*, можно ли тому за-
 бытъ, кшо тебя хотя одинъ разъ видѣлъ?
 Клянусь вѣчно любить одну тебя и съ
 сей самой минуты избираю тебя моею
 Королевою. А я приѣмлю тебя супру-
 гомъ своимъ, сказала *Истинная Сла-
 ва*; но мнѣ не позволено вступитъ те-
 перь въ супружество. Я тебѣ покажу
 друга Принца, который находится
 въ моемъ замкѣ, и проситъ, чтобъ я
 за него вышла. Ежелибъ я властвовала
 надъ собою, то предпочла бы те-
 бя ему; но это не ошъ меня зависитъ,
 Вамъ надобно оставить меня на три
 года и кто въ теченіи сего времени по-
 кажетъ мнѣ болѣе вѣрности, тотъ
 будетъ имѣть преимущество. *Мило-
 образъ* услыша, сіе чрезмѣрно печалился,
 а еще въ большее пришелъ удивленіе у-
 видя Принца, о которомъ ему *Истин-
 ная Слава* говорила. Онъ сколько

хорошъ былъ и уменъ, что *Милобразъ* очень боялся, чтобъ *Истинная Слава* не полюбила его больше. Онъ назывался *Самовластъ* и владѣлъ обширнымъ Государствомъ. Оба они ужинали съ *Истинною Славою* и въ великомъ были прискорбїи, что по упрямству должны были ее оставить. Она сказала имъ, что будешь ждать ихъ чрезъ три года и потомъ вышли они вмѣстѣ изъ замка. Прошедши лѣсомъ около двухъ сотъ шаговъ увидѣли они домъ несравненно великолѣпнѣе замка *Истинной Славы*: золото, серебро, мраморъ и драгоценныя камни глаза ихъ поражали, сады шумъ были драгоценныя, и любопытство принудило ихъ туда войти. Они удивились, найдши тамъ свою Принцессу, но она была уже въ другомъ платьѣ, которое украшено было драгоценными камнями, шакъ какъ и волосы ея, вмѣстѣ того, что наканунѣ видѣли они ее въ простой бѣлой одеждѣ, украшенной однимъ только цвѣткомъ. Вчера показала я вамъ, говорила она имъ, увеселительный свой домъ, который мнѣ прежде нравился; но съ того времени, какъ я стала имѣть двухъ Принцовъ любовниками, я уже не нахожу его достойнымъ моего пребыванія. Я его навсегда оставила и въ

семь домъ буду ожидать васъ; ибо Принцы обыкновенно любятъ великолѣшнѣе. Золото и драгоценные камни сотворены для нихъ только, и когда подданные видятъ ихъ въ великолѣпнѣи, то больше уважаютъ ихъ. Въ то самое время повела она любовниковъ своихъ въ огромную залу. Я вамъ покажу, сказала она портреты многихъ Государей, которые были моими любовниками. Сей назывался *Александромъ*, который бы конечно былъ моимъ супругомъ, ежелибъ въ молодости не умеръ. Онъ съ малымъ войскомъ разорилъ всю *Азію* и овладѣлъ ею. Онъ любилъ меня до чрезвычайности, и чтобы мнѣ понравиться, многократно жизнь свою опваживалъ. Вотъ другой, который назывался *Пирромъ*. Онъ желая быть супругомъ моимъ, оставилъ свое Государство для овладѣнія другими; онъ посвящалъ на то всю жизнь свою и по несчастію убитъ кирпичемъ, которымъ женщина ударила его въ голову. Этотъ назывался *Юліемъ Цесаремъ*: чтобы удостоиться моего сердца, велъ онъ десять лѣтъ войну съ *Галлами*, побѣдилъ *Помпея* и покорилъ *Римлянъ*. Онъ былъ бы моимъ супругомъ, но не послушавъ моего совѣща, и простя врагамъ своимъ, не-

колошъ былъ мѣспяхъ въ двадцати книжаломъ. Принцесса показывала имъ и еще множесшво другихъ порпирешовъ, и давъ имъ великолѣпный завтракъ на золотомъ сервизѣ, отпустила ихъ. По выходѣ изъ дома *Самовласть* спрашивалъ у *Милобраза*: не правда ли, что сегодня Принцесса въ богатомъ своемъ парядѣ любезнѣе была, нежели вчера, и припомъ больше ума показала? Я не знаю, отвѣчалъ *Милобразъ*: это правда, что она по причинѣ прикрасѣ и пышнаго убора не шакова мнѣ показалась какъ вчера, но признаюсь, что она въ просномъ пастушескомъ платьѣ больше мнѣ правилась. Послѣ сего они разстались и возвратились въ Государства свои съ твердою рѣшимостію дѣлать все возможное для угожденія своей любовницѣ. *Милобразъ* вошедши въ свои чершюги, вспомнилъ, что когда онъ еще малъ былъ, надзирашель его часно говаривалъ ему о *Истинной Слави*, и разсуждалъ самъ въ себѣ: когда онъ знаетъ мою Принцессу, то возвращу его опять ко двору; онъ насшавитъ меня, какимъ образомъ можно заслужить любовь ея. Онъ потчасѣ отправилъ къ нему курьера, и когда надзирашель, который назывался *Добродомъ* прибылъ, и велъ онъ его въ

кабинетъ свой и рассказалъ ему о
 всемъ происшествіи. *Добросердѣ* пла-
 ча отъ радости, говорилъ Королю:
 ахъ! Государь, сколько я доволенъ мо-
 имъ сюда возвращеніемъ; безъ меня вы
 бы конечно лишились своей Принцес-
 сы. Надобно вѣсь предувѣдомить, что
 она имѣетъ сестру, которая называет-
 ся *Ложною Славой*. Сія слава гораздо
 хуже *Истинной Славы*, но она спа-
 рается прикрасами скрыть свои недо-
 статки. Она примаживаетъ къ себѣ
 всѣхъ Принцовъ, выходящихъ отъ *И-*
стинной Славы, а въ самомъ дѣлѣ ше-
 ряютъ ее, сдѣлая совѣтамъ сестры ея.
 Вы видите, что всѣ любовники *Ложной*
Славы погибли несчастнымъ образомъ.
 Принцъ *Самозластѣ* сдѣлая ихъ привѣ-
 ру, проживетъ только до тридцати
 лѣтъ; а вы, ежели будете моимъ со-
 вѣтамъ сдѣловать, увѣряю васъ, бу-
 дете супругомъ любимой вами Прин-
 цессы. Ей предназначено вступить въ
 супружество съ величайшимъ въ свѣ-
 тѣ Государемъ: постарайтесь та-
 кимъ сдѣлаться. Любезный мой *До-*
бросердѣ, ошвѣчалъ *Милобразѣ*: ты
 знаешь, что это дѣло невозможное.
 Какъ ни велико мое Государство, но
 подданные такъ закоснѣли въ грубости
 и неувѣренности, что я никакъ не въ

силахъ буду принудить ихъ вести войну; а чтобъ сдѣлаться величайшимъ въ свѣшъ Государемъ, сколько надобно выиграть сражений, взять городовъ! ---- Ахъ Государь, прервалъ рѣчь его *Доброесердѣ*, ты уже забылъ все мое наставленіе. Ежелибъ ты имѣлъ одинъ только городъ и двѣсти или триста подданныхъ и никогда не имѣлъ войны, то могъ бы сдѣлаться величайшимъ Государемъ; для сего надобно только быть самымъ справедливымъ и добродѣтельнымъ. Симъ однимъ средствомъ можно пріобрѣсть *Истинную Славу*. Тѣ, которые опинаютъ Государства у сосѣдей своихъ, и на потѣ концы, чтебъ строить себѣ пышные замки, и покупать великолѣпныя одежды и множество камней драгоценныхъ, угвѣщаютъ народы свои, совершенно обманываются и находятъ только *Ложную Славу*, которая пошчасъ оставя въ прикрасы, явится имъ во всемъ своемъ безобразіи. Вы говорите, что поданные ваши въ грубости и невѣжествѣ закоснѣли, надобно научить ихъ. Вооружитесь противъ невѣжества и пороковъ: не дайте воли собственнымъ спраснямъ своимъ и будете величайшій Государь и побѣдитель превыше *Цесаря, Пирра, Але-*

ксандра и всѣхъ героевъ , которыхъ Ложная слава показывала вамъ портретны. Милобразъ рѣшился сѣдовать совѣшамъ своего надзирашеля. Онъ просилъ одного изъ родственниковъ своихъ взять на себя во время отсутствія его правленіе Государствомъ , а самъ съ надзирашелемъ своимъ предпринялъ путешествіе посѣщу сѣпѣмъ , чтобы научиться всему нужному для содѣланія подданныхъ благополучными. Когда онъ находилъ въ какомъ нибудь Государствѣ умныхъ и искусныхъ людей , то приглашалъ ихъ съ собою ѣхать , по бѣщаль великія награжденія. Научась всему довольно , и нашедши множество ученыхъ людей и художниковъ , возвратился онъ въ свое Государство и поручилъ имъ научить своихъ подданныхъ , которые до того и бѣдны и невѣжды были. Онъ началъ строить великіе города и многочисленный флотъ ; велѣлъ приучать молодыхъ людей къ работѣ , доставилъ больнымъ и престарѣлымъ пропитаніе , показывалъ собою народамъ своимъ примѣръ справедливости , и сѣдлалъ ихъ честными и благополучными. Въ таковыхъ трудахъ провелъ онъ цѣлые два года и по прошествіи сего времени спрашивалъ у Добросерда:

Часть I. М

какъ ты думаешь, скороли удостоюсь *Истинной славы*? Вамъ еще остается сдѣлать одно великое дѣло, ошвѣщавалъ надзиратель. Вы побѣдили пороки своихъ подданныхъ; собственную лѣность и склонность къ забавамъ; но вы еще и по сіе время пребываете рабомъ своего гнѣва; онъ послѣдній непріятель, съ которымъ вы должны сразиться. *Милобразъ* не безъ труда могъ избавившись отъ сего порока; но онъ столько любилъ *Истинную славу*, что употребилъ всѣ силы къ содѣланію себя кроткимъ и терпѣливымъ и успѣлъ въ томъ совершенно. По прошествіи трехъ лѣтъ побѣхалъ онъ въ томъ лѣсѣ, гдѣ видѣлъ бѣлаго оленя. Онъ не имѣлъ при себѣ великаго экипажа, и провожаемый былъ однимъ только *Добросердомъ*. Скоро встрѣтились они съ *Самовластомъ*, который ѣхалъ на пышной колесницѣ. На ней изображены были всѣ выигранныя имъ сраженія и взятые города: предъ нимъ шли многіе Принцы, которыхъ онъ полонилъ и всѣ были въ оковахъ какъ невольники. Увидя *Милобраза* смѣялся онъ надъ нимъ. Въ то самое время увидѣли они замки двухъ сестеръ, которые не въ дальнемъ между собою были разстояніи. *Милобразъ* побѣхалъ къ

первому замку, почему *Самовластѣ* очень радовался, помня что Принцесса его обѣщала никогда туда не возвращаться. Но лишь только они распались, *Истинная слава* съ большею красою, но въ такомъ же простомъ одѣвѣнн, какъ была прежде, вспрѣшила *Милобразу*. Поди, мой Князь, сказала она ему, ты достоинъ быть моимъ супругомъ; но знай, что никогда не имѣлъ бы ты сего щастія, ежели бы другъ твой *Добросердѣ* не научилъ тебя распознать меня съ моею сестрою. Въ то самое время *Истинная слава* повелѣла подданнымъ своимъ, добродѣтелямъ приготовить торжество бракосочетанія ея съ *Милобразомъ*, и между тѣмъ, какъ онъ готовился наслаждаться щастіемъ своимъ, прибылъ и *Самовластѣ* къ *Ложной славѣ*, которая приняла его очень благосклонно и предложила ему тотчасъ же ей жениться. Онъ охотно на то согласился; но лишь только сдѣлалась она его женою, усмотрѣвъ онъ, что она была женщина престарѣлая, и лице ея, сколько она ни старалась закрасить его бѣлилами и румянами, было все въ морщинахъ. Сверхъ того, при первомъ ея съ нимъ разговорѣ, золотая проволока, которою привязаны были поддѣланные ея зубы пор-

вадась, и зубы всё вывалились. Принцъ *Самовласть* оиъ обмана сего въ такое пришелъ бѣшенство, чпо бросился на нее и хотѣлъ ее растерзать; но лишь только схватился за долги ея черные волосы, они всё остались у него въ рукахъ, по тому что были накладные, кромѣ самаго малаго числа и по сѣдыхъ волосъ, которые оиъ послѣ на гнѣсной ея головѣ увидѣлъ. *Самовласть* оспавя сію скаредную тварь побѣжалъ въ замокъ *Истинной славы*, копорая уже вступила въ бракъ съ *Милобразомъ*, и столько печалился о пошерѣ сей прелестной Принцессы, что оиъ того и умеръ. *Милобразъ* сожалѣлъ о его несчастіи. Оиъ съ *Истинною славою* жилъ очень долго; имѣлъ много дочерей, изъ копорыхъ одна совершенно похожа была на мать свою. Оспавя ее въ увеселипельномъ замкѣ, что бы Принцы, копорые искашь будупъ съ дочерью его супружества, не могли впастъ въ бѣдственый обманъ ея шетки, написалъ оиъ тамъ все свое приключеніе и наставленіе, чпо средство къ доспиженію *Истинной славы* сосионѣ въ стараніи сдѣлать себя добродѣтельнымъ и полезнымъ для своихъ подданныхъ, и чпо для успѣха въ шакомъ намѣреніи искренный другъ необходимо пуженъ.

Г. М. . . .

Нѣтъ, сударыня, для меня эша сказка не такъ хороша, какъ прежнія: я совсемъ не знаю, что это за люди, о которыхъ *Ложная слава* говорила Принцамъ. Я вижу, что мнѣ еще много знашь надобно. Пожалуйте, сударыня, научите меня. Ведь мнѣ уже шесть лѣтъ; такъ я очень стара.

Г. Доброуравова.

Это правда, моя душа; тогѣ и въ шесть лѣтъ очень старъ, кто ничего не знаетъ; но кто началъ учиться, тогѣ еще молодъ, чтобъ знать много. Теперь поговоримъ объ исторіи; но напередъ скажи мнѣ *Г. Остроумова*, что ты думаешь о сказкѣ, которую теперь слышала?

Г. Остроумова.

Я, сударыня, думаю, что я сдѣлала тоже, что Принцъ *Самовласть* почитая *Ложную славу* за *Истинную*. Мнѣ хотѣлось, чтобъ меня почисляли за мой разумъ и не знала того, что онъ больше можетъ привести въ ненависть, ежели при немъ не имѣшь добраго сердца.

Г. Добронравова.

Ты очень хорошо разсуждаешь. Видите ли, мои любезныя дѣшн, что мы всѣ хотимъ, быть въ почтеніи и чтобъ насъ хвалили; но есть мы любимъ добрую славу, и это похвально; однакожъ не забывайте, что я вамъ нѣсколько разъ говорила и теперь еще повторяю: мы не можемъ заслужить почтенія ни богатствомъ, ни пышною одеждою, ни знатною пороодою, а только одною любовію къ добродѣтели. И такъ постарайтесь, мои любезныя, быть добродѣтельны. Это одно нужно и для нынѣшней жизни и для будущей. Теперь перескажи намъ Г. Н. . . . свою исторію.

Г. Н. . . .

Между Симовыми дѣшми, спустя довольно времени по потоцѣ, былъ человекъ именемъ Авраамъ. Онъ любилъ истинно Бога и Богъ любилъ его. Онъ поселился въ землѣ называемой Ханаанъ съ Саррою женою своею и Лотомъ племянникомъ своимъ. Богъ повелѣлъ придти ему въ эту землю и общалъ сдѣлать его отцемъ великаго народа. Авраамъ уже былъ очень старъ, и дѣшей у него не было; одна-

кожь это не мѣшало ему вѣрить Божескому обѣщанію; онъ зналъ, что Богъ все можетъ сдѣлать. Авраамъ и племянникъ его Лотъ очень были богаты, по тому, что имѣли великое множество воловъ, овецъ и служилыхъ. Въ одинъ день слуги Авраамовы и Лотовы имѣли межъ собою великую ссору. Авраамъ зная, что ссориться грѣшно, сказалъ Лоту: я съ тобою, любезный мой племянникъ, не хочу ссориться; и для того надобно намъ раздѣлиться: вотъ двѣ земли, выбери любую; я буду жить въ той, которая тебѣ не надобна. Лотъ, вмѣсто того что бы сказать Аврааму: я не хочу съ тобою расстаться и слугамъ своимъ ссориться запрещу, выбралъ лучшую землю и поселился въ городъ, который назывался Содомомъ. Всѣ жители этой стороны были люди нечестивые, и съ чужестранцами, которые къ нимъ приходили обходились очень дурно: однакожь они Лоту никакого зла не сдѣлали. Нѣкогда Лотъ стоя у воротъ дома своего, увидѣлъ мимоидущихъ двухъ юношей, и научась у дяди своего Авраама быть гостеприимнымъ, сказалъ имъ: теперь уже почти ночь; пожалуйста, войдите въ домъ мой, отъ ужинайте и успокойтесь.

Юноши вошли къ нему; но жипели это-ва города желая и имъ сдѣлать какую нибудь обиду, шакъ какъ они со всѣми поступали, пришедши къ воротамъ *Лотова* дома грозили убить его, ежели онъ не вышлетъ эшихъ иносранцевъ изъ дому. *Лотъ* убоился словъ ихъ, однакожъ отвѣчалъ имъ: что бы вы сомною ни дѣлали, я эшихъ людей изъ дому своего не вышлю. Въ то самое время гости сказали ему: не бойся ничего, мы Ангелы и присланы отъ Бога сказать тебѣ, что бы ты изъ эсва города вышелъ, по тому что онъ хочетъ эпотъ нечестивый народъ наказать. Выйди съ женою своею и съ дочерми и назадъ не озирайся, а ежели сдѣлаешь это, то Богъ самаго тебя накажетъ. Тотчасъ *Лотъ* и семейство его вышли изъ *Содома* и Ангелы предшествовали имъ. Когда уже они нѣсколько удалились, услышали страшный шумъ. *Лотова* жена изъ любопытства оглянулась назадъ и увидѣла, что на нечестивый народъ нзходилъ огненный дождь; но за ослушаніе свое предъ Богомъ превращена въ соляной столпъ. Мужъ ея и дочери опорожиѣ были. Они назадъ не оглядывались, пока Ангелы привели ихъ на гору, съ кошорой увидѣли они пыла-

ющій *Содомъ* и многіе другіе города, конхъ жишели сполько же нечеспи-вы были.

Г. Ш. . . .

Ахъ! сударыня, какъ это страшно, горѣшь живою.

Г. *Добронравова.*

Это правда, моя душа, и это показывается намъ, что Божіихъ повелѣній послушаться не должно. Въ нынѣшнія времена онъ не пожигаетъ всѣхъ нечеспивыхъ; но ежели кого не наказываетъ въ сей жизни, то въ будущей накажетъ ужаснѣйшимъ образомъ; вы должны это помнить. Богъ неавидитъ злонаправныхъ, которые не хотятъ исправиться; онъ считаетъ всѣ наши злыя дѣла и шѣхъ, которые не просятъ его всею сердцемъ своимъ о прощеніи, сдѣлаетъ онъ несчастными или въ сей или въ другой жизни. Примѣните также, любезныя дѣти, что намъ необходимо надобно стараться жить съ добрыми людьми. Ежелибъ *Лотъ* не распался съ *Авраамомъ*, то не лишился бы жены своей: а и самъ спасся по тому, что живучи съ *Авраамомъ* получилъ добрую привычку быть милосердымъ. И такъ вы должны искать дружбы съ дѣвицами благопра-

вными, гостеприимными и послушными; а ошѣ тѣхъ, которыя служатъ худымъ примѣромъ, убѣгать, какъ ошѣ заразы. Ну, Г. М. . . . перескажи намъ исторію, которую ты выучила.

Г. М. . . .

Нѣкогда *Авраамъ* стоя у своего шалаша увидѣлъ шрехъ мимондущихъ странниковъ и сказалъ имъ: прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе остано- виться здѣсь и у меня откушать. Прохожіе охотно на то согласились и *Авраамъ* сказалъ женѣ своей, чтобъ она приговорила обѣдъ, а слугамъ велѣлъ изготовить воду, чтобъ омыть имъ ноги. Послѣ обѣда спросили они у *Авраама*: гдѣ жена твоя? *Авраамъ* отвѣчалъ имъ, что она въ шалашѣ. Три прохожіе, которые были Ангелы, сказали ему; *Сарра* скоро родитъ сына. *Сарра* услыша то стала смѣяться, по тому что она уже была женщина престарѣлая и дѣтей имѣть не могла. Но Ангелы ей сказали: чему ты смѣешься? развѣ Богъ, которому все возможно, не можетъ тебѣ даровать сына? *Сарра* усмѣдаясь отвѣщивовала, что она не смѣялась, Ахъ! какъ это дурно, говоритъ неправду, сказали Ангелы; проси у Бога прощенія въ семъ поступкѣ. Въ то самое

время Ангелы; пошли въ путь свой, а *Сарра* спуся нѣсколько времени родила сына, который названъ былъ *Исаакомъ*.

Г. Добраярава.

Очень хорошо, моя душа. А ты, *Г. Благоразумова* скажи объ этой исторіи разсуженіе.

Г. Благоразумова.

Я имъ, сударыня, повпорю то, что отъ васъ слышала, когда вы мнѣ разсказывали эту исторію. *Авраамъ* былъ человекъ очень милостивый, по тому что не пропускакъ ни одного прохожаго, котораго бы не просилъ зайти къ нему для отдыха; а *Сарра* была очень скромна, по тому что въ такомъ случаѣ не выходила изъ шалаша своего и любопытствовала ихъ видѣть.

Г. Ш. . . .

Да развѣ, сударыня, у *Авраама* не было дома, что *Сарра* жила въ шалашѣ?

Г. Добраярава.

Нѣтъ, моя душа, дому у него не было, хотя онъ былъ великой господинъ и имѣлъ у себя служителей больше, нежели иной Король имѣлъ. Въ нынѣшнія времена богатые люди имѣютъ обширныя земли, великолѣпныя дома и множество

денегъ; а тогда все богатство состояло во множествѣ скота. Авраамъ имѣлъ стада превеликія и для пасивы ихъ надобно было множество луговъ. И такъ, когда стада его въ одномъ мѣстѣ сбѣдали всю траву, онъ переводилъ ихъ въ другое. Изъ эпоса вы видите, что ему нельзя было имѣть дома, по тому что его переносить съ мѣста на мѣсто не можно бы было; а вмѣсто того имѣлъ онъ шалаши, которые переносилъ съ одного мѣста на другое.

Г. М . . .

Ежели у Сарры много было слугъ, то для чего же мужъ ея велѣлъ ей для прохожихъ готовить обѣды, какъ будто бы она была служанка?

Г. Доброуравова.

Тогда, моя душа, госпожи не были такъ лѣнны, какъ нынѣ. Сарра была госпожа очень великая, однакожъ она не почиала за спыдъ заниматься домашними дѣлами и сама готовила кушанье, а молодыя дѣвицы топяли на водопой стадо и всѣ занимались работою.

Г. М . . .

Однакожъ, сударыня, это бы не очень было хорошо, ежелибъ матушка моя спала сама готовить кушанье.

Г. Доброуравова.

Эпо правда, моя душа; но ежели госпожи не должны готовить кушанье, то должны по крайней мѣрѣ смотрѣть, за домашними дѣлами и за служителями, и надобно помнить, что всякая честная жена должна больше другихъ помогать во всемъ своему мужу.

Г. Остроумова.

Да это невозможное дѣло, сударыня, чтобы госпожѣ всемъ заниматья; ей бы нѣкогда было сбѣздить ни на балъ, ни въ комедію, ни въ оперу.

Г. Доброуравова.

Пожалуй, моя душа, забывай того, что я хочу тебѣ сказать: Богъ не для того произвелъ тебя на свѣтъ, чтобы ты играла, разбѣзжала по баламъ и по театрамъ. Этимъ можно иногда заняться въ праздное время; но кто кромѣ эпова ничего другого не дѣлаешь, тотъ поступаетъ очень дурно и Богъ его накажетъ за то, что онъ не исполняетъ своей должности. Жена должна имѣть сшаравіе о дѣтяхъ и домашнихъ. Всякое другое дѣло, которое они сдѣлають по ея несмотрѣнію, Богъ взыщетъ на ней, и много есть такихъ женъ, которыя

за это нерадѣніе будутъ наказаны. Сверхъ того, это превеликой грѣхъ, душа моя, чѣмъ истрапишь деньги на такія бездѣлицы. Это поже, что красъ у дѣшей своихъ или у бѣдныхъ.

Г. Остроумова.

Развѣ, сударыня, не воленъ чело-вѣкъ истрапишь деньги свои на то, на что захочетъ?

Г. Доброурадова.

Скажи мнѣ, душа моя, когда управители своего батюшки продадутъ его хлѣбъ или плоды, вольныли они полученные за то деньги истрапишь по своей волѣ?

Г. Остроумова.

Нѣтъ, они этого не могутъ сдѣлать, по тому что деньги принадлежатъ батюшкѣ, и они должны ему дать въ нихъ отчетъ.

Г. Доброурадова.

Такъ представь же, моя душа, что и мы управители у Бога. Онъ даетъ намъ деньги на пищу, на одежду, на воспитаніе дѣшей, на заплашу заимодавцамъ и наемникамъ и на то, чѣмъ мы снабжали бѣдныхъ. Такъ какъ управители обязаны давать отчетъ своимъ господамъ, которые бы заса-

дили ихъ въ шюрму, ежелибъ они издержали деньги на свои прихоти, равномерно и Богъ потребуеъ у богатей отчета въ деньгахъ, которыя они отъ него получаютъ, и ежели они безразсудно испраятъ ихъ, то онъ ихъ накажешъ. Да и надобно быть самому злому человѣку, чтобъ издерживать сколько денегъ на игру, на оперу и маскарады, когда великое множество нищихъ нуждающа въ кускѣ хлѣба!

Г. М. . . .

Развѣ есть, сударыня, такіе люди, у которыхъ и хлѣба нѣтъ?

Г. Доброуравова.

Да; моя душа, много есть такихъ. Иные не имѣя поспели, валяюща на голой землѣ; другіе не имѣя зимою дровъ, умирающіе отъ стужи; а иные не имѣютъ ни одежды, ни силъ, чтобъ заработать денегъ и купить нужное.

Г. М. . . .

Ахъ! Боже мой, какъ это жалко! пожалуйста, сударыня, возьмите у меня всѣ деньги и прикажите купить мнѣ хлѣба, постели и дровъ.

Г. Доброураова.

Развѣ у тебя много денегъ, душа моя?

Г. М....

Кажется очень много, сударыня. У меня столько мѣдныхъ и серебряныхъ, что я не могу ихъ захватить обѣими руками. Пожалуйте возмите всѣ; я лучше хочу отдать ихъ бѣднымъ людемъ, нежели испрашить на куклы и на другія игрушки.

Г. Доброураова.

Поцѣлуй меня, моя душа, я тебя люблю сердечно за доброе швое сердце. Ежелибъ я и не знала, что ты благороднаго происхожденія, то угадала бы пошчасъ по одному тому, что ты такъ милостива и великодушна, какъ должно быть знатной особѣ. Въ награду за то поговоримъ теперь о Географіи, которую ты столько любишь. Я уже для этого велѣла принести и блюдо съ водою.

Вы видите это блюдо, мои любезныя; представьте себѣ, что это море, а лоскуточки бумажки, которые я положу на воду, земля. Всѣ эти лоскуточки бумаги, которые со всѣхъ сторонъ окружены водою, назовемъ мы *островами*. Вотъ эша, которая нѣсколько касается къ краю блюда,

есть *полуостровъ*; а другая большая бумажка, которая съ одной только стороны окружена водою, есть *твердая* или *матерая* земля. Эпошь уголъ вдавшійся въ воду мы назовемъ *мысомъ*, а возвышенную землю *горю*: всь ли вы, любезныя дѣти, поняли?

Г. М. . . .

Я, сударыня, все разумѣю. *Островъ* есть земля, окруженная со всѣхъ сторонъ водою; *полуостровъ* такая земля, которая касается нѣкоторою частію твердой земли, а *твердую* или *матерую* землею называется эта большая часть земли, которая съ одной стороны окружена водою.

Г. Доброуравова.

Очень хорошо, моя душа; посмотримъ теперь на *ландкартѣ*, сыщешь ли ты *островъ*, *полуостровъ*, *твердую* землю, *мысъ* и *гору*; вотъ *Генеральная*, или *всеобщая* карта.

Г. М. . . .

Вотъ, сударыня, земли, которыя называются *Великобританія* и *Ирландія*: мнѣ кажется это острова, потому что онѣ со всѣхъ сторонъ окружены моремъ?

Часть I. И

Г. *Добронравова.*

А въ которой сторонѣ лежатъ эти земли?

Г. М. . . .

Въ самомъ верху, сударыня, и къ лѣвой сторонѣ ландкарты.

Г. *Добронравова.*

Да какъ же называются эти стороны верхняя и лѣвая? Ихъ надобно называть такъ, какъ я вамъ сказывала; развѣ ты забыла, моя душа?

Г. М. . . .

Помнишься мнѣ, сударыня, эти острова лежатъ къ *Сѣверу*, такъ же и къ *Западу* въ *Европѣ*.

Г. *Добронравова.*

Очень хорошо, моя душа, ну, Г. Ш. . . сыщи на ландкартѣ *полуостровѣ*.

Г. Ш. . . .

Да вотъ *Африка*, сударыня, я думаю это *полуостровѣ*, по тому что она малою частію соединяется съ *Азією*; а эшотъ уголъ земли чуть ли не *мысѣ*?

Г. *Добронравова.*

Точно такъ, моя душа, это *мысѣ* такъ называемый: *Доброй Надежды*. А ты, Г. Н. . . . сыщи *твердую землю*.

Г. Н. . . .

Я ихъ здѣсь вижу четыре, сударыня, которыя также называются и четырью частями свѣта; то есть *Европа, Азія, Африка и Америка.*

Г. *Добронравова.*

Такъ, моя душа. а Г. *Благоразумова* скажетъ намъ, какъ называются этѣ узкія части земли, которыми *полуострова* соединяются съ *твердою землею.*

Г. *Благоразумова.*

Онѣ называются *Истмами*, и потѣ который соединяетъ *Африку* съ *Азією*, называется *Истмъ Суесской.*

Г. *Добронравова.*

Незабывайтежъ этого, что мы теперь прошли. Впередъ поговоримъ больше; а теперь уже поздно.

РАЗГОВОРЪ VIII.

ДЕНЬ VI.

Г. Ш. . . .

Здравствуйте, сударыня: я во все это время, какъ мы не видались, такъ

хорошо поступала, и всѣ такъ мною довольны были, что я почитаю себя щасливою, какъ Королева: посмотрите, какіе мнѣ бапюшка подарилъ часы въ знакъ того, что онъ мною доволенъ!

Г. Доброуравова.

Они очень хороши; но ты сказала, моя душа, что ты щаслива, какъ Королева: развѣ ты думаешь, что всѣ Королевы щасливы?

Г. Ш. . . .

Я такъ думаю, сударыня; по тому что когда хотятъ сказать про какую нибудь особу, что она очень довольна, то обыкновенно говорятъ, она довольна, какъ Королева.

Г. Доброуравова.

Это говорятъ не кспати, моя душа. Мнѣ вздумалось сказать тебѣ одну сказочку.

С К А З К А

О вдовѣ и двухъ дочеряхъ ея.

Одна добрая вдова имѣла двухъ любви достойныхъ дочерей. Большая называлась *Лилією*, а меньшая *Розою*. Имѣ

такія имяна для того дали, что одна изъ нихъ бѣла была какъ *Лилія*, а у другой щоки и губы были какъ *Розовыя*. Въ одинъ день эта вдова сидя у дверей своихъ пряла, и увидѣла старушку, которая насилу на клюкахъ тащилась. Ты очень устала, говорила вдова старушкѣ, пожалуй отдохни у меня, и тотчасъ приказала дочерямъ своимъ подать ей стулъ. Онѣ обѣ вскочили и побѣжали за стуломъ; однакожъ *Роза* проворнѣе была сестры своей и скорѣе принесла стулъ. Не хочешь ли ты чево выпить, спросила потомъ вдова у старушки? Очень охотно, отвѣчала она; да я бы и побла чегонибудь, ежелибъ вы по милости своей чтонибудь пожаловали. Я тебя накормлю всею, что у меня есть, сказала ей добрая вдова; но какъ я живу въ бѣдности, то ты не прогнѣвайся, что не могу тебѣ дать многого. Въ то самое время приказала она дочерямъ своимъ посадить ее за столъ и накормить, и сказала старшей дочери, чтобъ она сорвала нѣсколько грушъ съ любимаго своего дерева, которое она сама садила. *Лилія* вмѣсто того, чтобъ материно приказаніе исполнить съ доброю волею, сердилась и сказала сама въ себѣ: я не для этой прожорливой

старухи имѣла такое стараніе о моей грушѣ; однакожъ она не смѣла не исполнить приказанія и хотя проотивъ воли своей принесла нѣсколько грушъ. А у тебя, *Роза*, сказала вдова другой дочери, нѣтъ ли плодовъ, чтобъ поподчивать эту добренькую старушку; виноградъ твой еще не созрѣлъ? Нѣтъ еще мапушка, отвѣчала *Роза*, онъ зеленъ; а вотъ что-то раскричалась моя курица, видно она снесла яйцо. Ежели старушка захочетъ скушать свѣженькое яичко, шакъ я тотчасъ сварю. Въ то самое время, не ожидая отъ старушки отвѣта, она побѣжала за яйцомъ; но лишь только принесла его, старушка исчезла, а вмѣсто ее явилась прекрасная женщина, которая сказала вдовѣ: я хочу наградишь дочерей твоихъ по ихъ достоинству. Старшая будетъ Королевою, а другая поселянкою. Потомъ ударила она клюкою въ спѣну: хижина ихъ исчезла и вдругъ явился прекрасный домъ. Дарю тебѣ этотъ домъ сказала она *Розѣ*. Я знаю, что каждой изъ васъ даю то, что вы больше любите. Волшебница выговоря это удалилась и оставила вдову и дочерей ея въ великомъ удивленіи. Онѣ вошли въ домъ и любовались чистотою уборовъ:

стулья въ немъ хотя были и деревянные, но такъ чисты, что въ нихъ можно было глядѣться, какъ въ зеркало. Постели сдѣланы были изъ полошна блага, какъ снѣгъ. Между прочимъ нашли онъ во дворѣ множество всякаго скота и птицъ, и при томъ прекрасный садъ наполненный плодоносными деревьями и цвѣтами. *Лилія* на подарокъ своей сестры смотрѣла безъ зависти и занималась только тѣмъ, что она будетъ Королевою. Вдругъ услышали онъ голоса пробѣгающихъ охотниковъ. *Лилія* выскочила на крыльцо смотрѣть ихъ и увидѣла Короля, который смотря на нее, такъ плѣнился ею, что рѣшился на ней жениться. Когда уже спала она Королевою, увидясь съ сестрою своею *Розою* говорила ей: я не хочу, чтобъ ты была поселянкою; поди ко мнѣ во дворецъ, я тебя выдамъ замужъ за знашнаго господина. Благодарствую сестрица, отвѣчала ей *Роза*, я привыкла жить въ деревнѣ и хочу остаться въ ней навсегда. Королева *Лилія* состояніемъ своимъ такъ была довольна, что нѣсколько ночей сряду не спала отъ радости. Въ первые мѣсяцы она такъ занималась нарядами, балами и комедіями, что ни о чѣмъ дру-

томъ не думала; но скоро такъ ко всему привыкла, что ее ни что уже не веселило; а напротивъ того стала всею скучать. Все придворныя госпожи въ глаза оказывали ей величайшее почтение; но она знала, что онъ ее не любил и говорили часто межъ собою: посмотрише, какъ эта деревенская дѣвка смарается предсавлять Королеву! Видно Король нашъ подлаго духа, что женился на такой твари! Король услыша о семъ началъ думать и расказывать, что женился на *Дилии*. Скоро послѣ того любовь его къ ней всею погасла и онъ началъ любить другихъ. Все примѣвая, что Король жены своей не любилъ, начали презирать ее. Она была очень несчастна, по тому что не имѣла ни одной приятельницы, съ которою бы могла раздѣлить печаль свою. Она увидѣла что это придворное обыкновеніе, что любъ изъ корысти измѣняятъ друзьямъ своимъ, оказывать благосклонность тѣмъ, кого неавидятъ и лгать ежеминутно. Ей надобно было и самой прошивъ воли своей притворяться, по тому что ей непрестанно шверди, что Королева должна непременно имѣть важный и величественный видъ. У нее было много дѣтей и во все это время приславленъ

къ ней былъ лекарь, безъ позволенія котораго она не могла употреблять никакой пищи, и все то, что ей больше нравилось, у нее отнимали. Ей даже не клали въ кушанье соли и запрещали прогуливаться, когда ей того хотѣлось; короче сказать, съ утра до вечера во всемъ дѣлали принужденіе. Къ дѣтямъ ея прислаивали такихъ мамокъ, которыя воспитывали ихъ очень дурно, но *Дилія* при всемъ томъ не могла имъ сказать ни слова. Она умирала отъ горести, и наконецъ такъ стала худа, что всѣ о ней жалѣть начали. Съ сестрою своею *Розою* не видалась она уже три года, считая за безчестіе будучи Королевою ѣхать къ простой поселянкѣ; однакожъ мучительная задумчивость довела ее до того, что она для разогнанія скуки рѣшилась на нѣсколько дней къ ней поѣхать, и просила на то у Короля позволенія. Онъ стараясь хотя на нѣкоторое время отъ нее освободиться, охотно на это согласился. Подъ вечеръ приближаясь къ дому сестры своей, увидѣла она издали, что у воротъ пастухи и паслушки пляшутъ и веселятся. Ахъ! сказала Королева вздохнувши, гдѣ дѣлось то время, когда и я также веселилась, какъ эти

бѣдные люди? И мнѣ никто не дѣлалъ въ помѣ помѣхи. Лишь только пріѣхала она, сестра бросилась къ ней и спала цѣловать ее: она имѣла спокойный видъ и шакъ была здорова, что Королева увидя ее, не могла удержаться отъ слезъ. *Роза* вышла замужъ за молодого поселянина, который не имѣя богатства, долженъ былъ всемъ женѣ своей, и по тому старался оказывать ей всевозможными угожденіями свою благодарность. Рабовъ имѣла *Роза* очень мало, но они любили ее какъ дѣти, по тому что она обходилась съ ними милосливо: всѣ сосѣди ее также любили и всякой старался показывать ей то дѣломъ. Денегъ у нее не много было, да не было въ нихъ и нужды, по тому что земля ея доставляла ей хлѣбъ, вино и масло; отъ стада получала она молоко, изъ котораго дѣлала масло и сыръ; овцы давали ей волну, которую она сама пряла для одежды себѣ, мужу и двоимъ своимъ дѣтямъ. Они жили очень весело и каждый день по окончаніи рабшны собирались всѣ вмѣстѣ, забавлялись разными играми и пляскою. Увы! вскричала Королева, худой подарокъ сдѣлала мнѣ волшебница короною: радость и веселіе живущъ не въ великолѣпныхъ

палатахъ, а въ невинныхъ сельскихъ упражненіяхъ. Лишь только выговорила она слова сіи, волшебница явилась. Я не наградишь тебя хопѣла дѣлая Королевою, сказала она, а наказать за то, что ты не съ добрымъ желаніемъ подчивала меня своими плодами. Чшобъ быть щасливою, надобно только, такъ какъ сеспра швоя, имѣшь нужныя вещи и больше не желашь ничего. Ахъ! сударыня моя, говорила *Лилія*, ты уже довольно мнѣ ошмснила; окончи мое нещасіе. Оно кончилось, подхватила волшебница, Король не имѣя уже больше къ тебѣ любви, женился на другой и по ушпру пришлетъ къ тебѣ повелѣніе, что бы ты къ нему не возвращалась. Это и сбылось по словамъ волшебницы. *Лилія* ошальные дни свои провождала съ сеспрою своею *Розою* въ полномъ удовольствіи и радости, и никогда уже не думала о дворѣ, развѣ съ шѣмъ только, чшобъ благодарить волшебницу за возвращеніе ея въ деревню.

Г. Благоразумоса.

Мнѣ, сударыня, очень полюбилась эта сказочка. Я всегда желала быть пастушкою, и деревенская жизнь мнѣ очень правится. Мнѣ кажешся, что

я бы ничего больше не хотѣла, когда бы у меня былъ такой прекрасный домъ, какъ у *Розы*; одиѣ бы шолько книги еще надобны были.

Г. Доброуравова.

Твое желаніе очень хорошо, моя душа; но чтобъ съ полнымъ удовольствіемъ пользоваться деревенскою жизнью, не надобно имѣть ни щеславія, ни честолюбія, ни прихотей, а это очень трудно. Можно и не въ деревнѣ, а вездѣ, гдѣ бы ты ни жила, быть щасливою, ежели не будешь имѣть трехъ сказанныхъ пороковъ.

Г. Н. . . .

Что это такое, сударыня, честолюбіе?

Г. Доброуравова.

Честолюбіе есть желаніе повелѣвать другими; а щеславіе состоятъ въ томъ, чтобъ желать отъ другихъ похвалы за красоту, разумъ, богатство или богатую одежду; спроси у госпожи *Остроумовой*, она скажетъ тебѣ, какъ она была нещаслива отъ щеславія.

Г. Остроумова.

Оно, сударыня, часто доводитъ и до злонравія. Я послѣ того времени,

какъ мы видѣлись, по щцеславію своему сдѣлала великую погрѣшность, о которой для исправленія своего скажу вамъ при всѣхъ.

Г. Добронравова.

Очень хорошо, моя душа. Самое надежное средство исправиться отъ пороковъ, состояющъ въ томъ, чтобъ въ нихъ признаваться. Посмотримъ, что ты сдѣлала.

Г. Остроумова.

Вчера были мы у Г. Д. . . . Она ужъ женщина не молодая, по тому что и дѣтей имѣеть. Спросила она у меня: чѣмъ я занимаюсь? Я отвѣчала, что читаю Квинта Курція, что это такое Квинтъ Курцій, спросила она? Это прекрасная книга, отвѣчала я, въ которой описана жизнь *Александра Великаго*. Я не припомню, говорила она, чтобъ у насъ былъ когда нибудь *Король Александръ Великій*, хотя я въ молодости много разъ читала исторію нашего Государства; я совсѣмъ объ немъ забыла. Въмѣсто того, что бѣ ей опивѣчать, сударыня, я притворялась, будто у меня изъ носа кровь идетъ, зажала носъ платкомъ, хохотала изъ

всей силы и ушла скорѣе въ другую комнату, гдѣ разсказывала всѣмъ о невѣжесливѣ этой госпожи, что она никогда не слыхала о *Александрѣ*.

Г. Добропрасова.

Ты, моя душа, въ самомъ дѣлѣ дурно сдѣлала; и вѣрно казалось тебѣ, что ты его шѣмъ весьма обидѣла?

Г. Остроумова.

Я такъ думаю, сударыня; однакожъ я сдѣлала эту глупость не съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ее обидѣть; а чтобъ только показать другимъ, что я умна и много читала.

Г. Добропрасова.

Я тебя увѣряю, моя душа, что другіе о тебѣ совсѣмъ не такъ подумали, какъ тебѣ хотѣлось. Сегодня поутру были мы у Г. Б. . . ты знаешь, что она очень умна. Какая это здравая дѣвчонка маленькая Остроумова, говорила она мнѣ о тебѣ; какъ она вчера смѣялась надъ бѣдикою госпожею Д. . . ежелибъ она моя была дочь, я бы ее пошѣ же часъ отсюда вышлокола и надавала бы ей пощечинъ. Видишь моя душа, до какой тебя глупости довело самолюбіе, что ты вмѣ-

сто почтенія заслужила презрѣнiе. Ты давала всѣмъ знать, что эша го. спожса ничего не знаетъ, но шѣмъ самымъ показала имъ свое здравiе. Ты себѣ гораздо больше сдѣлала зла, нежели шой, надѣ кошорою смѣялась. Тебѣ надобно спарашься бышь благо- правнѣе и вѣжливѣе. Прежде нежели спашешь говорншь, всегда думай, хо- рошее ли шы гѣворншь хочешь, и вмѣ- сто того, чшобѣ высшавнть недосшаш- ки другнхъ, спарайся примѣчать доб- рья нхъ качесшва. Тогда тебѣ всѣ любить будутъ. ---- Теперь Г. М. . . . расскажетъ намъ испорню, кошорою она выучила.

Г. М. . . .

Авраамъ чрезвычайно любилъ сына своего *Исаака*, однакожъ Бога любилъ онъ несравненно больше, какъ-то и дол- жно. Нѣкогда сказалъ Богъ *Аврааму*: возьми сына своего *Исаака*, поди на го- ру и тамъ принеси мнѣ его на жершву, то есшь: ему надобно было отру- бнть *Исааку* голову и шѣло его сжечь. Въ то время обыкновенiе было уни- вать жившныхъ и приносить нхъ Бо- гу на жершву; но Богу угодно было, чшо бы *Авраамъ* вмѣсто жившного принесѣ ему на жершву сына своего.

Другой бы на мѣстѣ *Авраамовомъ* спалъ разсуждать: Богъ обѣщаль прежде, что онъ сына моего *Исаака* родится множесиво дѣшей, и ежели я его убью, то уже сему быть не можно; но *Авраамъ* былъ мужъ благоразумный; онъ безъ умствования исполнялъ все то, чего Богъ ни требовалъ, будучи увѣренъ, что для Бога все возможно. Онъ взялъ связку дровъ и велѣлъ *Исааку* нести ихъ за собою. Когда они восходили на гору, *Исаакъ* сказалъ ему: родитель мой, у насъ есть и дрова и огонь, чтобъ зажечь ихъ, да гдѣжъ животное, которое бы мы принесли на жертву? Богъ послалъ намъ его, отвѣчалъ *Авраамъ*. Между тѣмъ вошли они на гору и *Авраамъ* сказалъ *Исааку*: я тебя, сынъ мой, хочу принести на жертву Богу, поелику онъ мнѣ повелѣлъ сіе. Да будетъ его воля, отвѣчалъ *Исаакъ*, онъ далъ мнѣ жизнь и я охотно жертвую ею, когда ему то угодно. Послѣ того *Авраамъ* сдѣлалъ изъ дровъ костеръ, положилъ сына своего, взялъ ножъ и поднялъ уже руку, чтобъ заколотъ его, но вдругъ явился ему Ангелъ, кошрый остановя руку его, сказалъ: не закалай *Исаака*; Богу угодно было испытать покорность твою ему.

Авраамъ развязалъ *Исаака*, и въ то же время увидѣли они въ лѣсу запутавшагося рогами овна, копорато взявши принесли въ жертву Богу, и потомъ возвратились въ шалаши свои съ великою радостію.

Г. Н. . . .

Я очень боялась, сударыня, чтобъ бѣдный *Исаакъ* не былъ заколонъ.

Г. Ш. . . .

Однакожь, сударыня, это дурное дѣло убивать человѣка, и я не понимаю, какъ самъ Богъ приказалъ сдѣлать дурное дѣло?

Г. Доброуравова.

Убить человѣка не всегда почитается дурнымъ дѣломъ. Ты знаешь, что за воровство опредѣлена смерть. На войнѣ убить непріятелей также за грѣхъ не почитается. Да ты же видишь, что Богъ не хотѣлъ, чтобъ *Исаакъ* убитъ былъ; а *Авраамъ* зная милосердіе Божіе и премудрость, исполнялъ всѣ его повелѣнія съ такою вѣрою, что въ томъ ничего нѣтъ худова, по тому что Богъ никогда не повелѣваетъ дѣлать грѣха.

Г. М. . . .

Исаакъ былъ очень послушенъ ; я и сама хочу быть такою , и ежели Богъ великъ мадушкѣ убишь меня , то я скажу , что согласна на то .

Г. Доброуравова.

Онъ этого мадушкѣ пвоей не скажетъ , а можетъ быть пошлетъ на тебя горячку , оспу , или другую болѣзнь . Ежели онъ и не захочетъ опнять у тебя жизни , то опниметъ можетъ быть глаза , уши , или другія части тѣла . И когда ты будешь въ болѣзни , то и тебѣ надобно также сказать , какъ сказалъ *Исаакъ* : Боже мой ! ты далъ мнѣ жизнь , и ежели угодно тебѣ лишишь меня оной , я на то согласна . Г. Ш. . . . не задолго передъ этимъ очень мало слышала ; можетъ быть ктонибудь изъ васъ , мои дѣти , по несчастію занеможетъ и другою какою болѣзнію ; въ такомъ случаѣ всегда говорише съ чиснымъ сердцемъ : Господи ! мы все опъ тебя имѣемъ , и ежели тебѣ угодно , чтобы мы были глухи или слѣпы , мы охотно предаемъ Твоей святой волѣ . То же надобно сказать , когда кто лишится щастія и всего , что есть , и думать : я вѣрю , что Богъ любитъ меня , когда лишаешь

меня этого; конечно то для меня вредно было, а ежелибъ полезно было, то Богъ не опиялъ бы у меня сего.

Г. Благоразумова.

Ежелибъ, сударыня, всегда такъ думать, то бы никакой печали никогда не было.

Г. Добронрасова.

Это правда, моя душа. По тому-то иногда такіе люди кажутся намъ очень несчастными, которые въ самомъ дѣлѣ состояніемъ своимъ очень довольны. --- Ну, Г. III. . . . перескажи намъ теперь свою исторію.

Г. III. . . .

Авраамъ захотѣлъ женить сына своего *Исаака*, призвалъ старшаго изъ своихъ рабовъ и велѣлъ ипши ему въ шу землю, въ которой жилъ братъ его *Нахоръ* и сыскалъ шамъ сыну его невѣсту. Посланный прошедши въ *Нахорову* землю, просилъ Бога о помощи въ порученномъ ему дѣлѣ и говорилъ: Господи! покажи мнѣ жену, которую тебѣ угодно дать молодому моему господину, и повоиъ сѣвши у колодезя оиать просилъ Бога: Госпо-

ди! дѣвицы приходятъ изъ города черпать здѣсь воду; когда я попрошу, чтобъ онѣ меня напоили, то повели той, которая должна быть женою *Исааку*, исполнить съ охотою мое прошеніе и напоить также верблюдовъ моихъ. Въ то самое время дѣвицы вышли изъ города и одна изъ нихъ отъѣзжавшей была красоты: рабъ посланный отъ *Авраама*, подошедши къ ней, просилъ, чтобъ она его напоила: очень охотно, сказала ему дѣвица, тотчасъ почерпнула воды и поднесла ему, говоря при томъ: я хочу напоить и верблюдовъ твоихъ. Рабъ спросилъ, какъ ея имя? Я называюсь *Ревеккою*, отвѣчала она, а дѣдъ мой *Нахоромъ*. Тогда рабъ благодарилъ Бога, и *Ревеккѣ* подарилъ золотой перстень и дорогія серги. *Ревекка* побѣжала домой показывать подарокъ сей братьямъ своимъ, зная, что дѣвицѣ непристойно принимать подарки отъ мужчины безъ дозволенія родителей. *Лаванъ* братъ *Ревеккинъ*, увидя сіи подарки, побѣжалъ къ колодезю и просилъ раба пристать въ его домъ. Человѣкъ сей не хотѣлъ ни пить, ни ѣсть, пока не исполнитъ своего дѣла. Онъ началъ просить, чтобъ *Ревекку* отдали въ замужество за *Исаака*: на что братья ея согласи-

лись и спрашивали у *Ревекки*, хочетъ ли она итти за *Исаака* замужъ?

Она отвѣтствовала, что на то согласна и отправилась въ путь съ рабомъ, который какъ ей, такъ и братьямъ ея далъ великіе подарки. По долговременномъ путешествіи *Ревекка* увидѣла прохаживающагося по полю чело-вѣка. Рабъ сказалъ ей, что это *Исаакъ* женихъ ея; послѣ чего закрыла она лице свое покрываломъ. Вскорѣ потомъ *Исаакъ* женился на ней, и такъ любилъ ее, что она одна только могла утѣшить его въ печали о матери *Саррѣ*, которая, спустя послѣ того нѣсколько времени, умерла.

Г. Н. . . .

Эта исторія очень хороша, сударыня; только мнѣ бы хотѣлось знать, для чего *Авраамъ* посылалъ такъ далеко искашь сыну своему невѣсту; Развѣ въ той сторонѣ, гдѣ онъ жилъ, дѣвицъ не было?

Г. Доброурава.

Дѣвицы и тамъ были, моя душа, да онъ можетъ быть не такъ благочестивъ.

вы и благоправны были, какъ хотѣлось Аврааму. Ему добродѣшель дорожке была всякаго богатства. Замѣтите, дѣти мои, послушокъ Авраамова раба, что онъ у Бога просилъ господину своему невѣсты. Это научаетъ насъ просить у Бога всего, что намъ необходимо нужно. Онъ такими прошеніями не прогнѣвается.

Г. М. . . .

Да вѣсть Богъ знаетъ, сударыня, что намъ надобно; такъ его и просить кажется не нужно.

Г. Доброуравова.

Ты ошибаешься, моя душа. Богъ конечно знаетъ, что намъ хлѣбъ надобенъ; однакожъ Исусъ Христосъ повелѣлъ намъ просить Его каждый день по хлѣбъ. Не говоривъши ты всякой разѣ, какъ молишься по утру и въ вечеру: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.*

Г. Ш. . . .

Это правда, сударыня; я эпова и не замѣтила.

Г. Благоразумова.

Я всегда прошу Бога обо всемъ, что мнѣ надобно. Когда начинаю учить свой урокъ, то прошу его, чтобъ онъ по милости своей помогъ мнѣ его выучить; когда мапушка, или сестрицы, или бабушка занемогутъ, то я прошу его, что бы послалъ имъ здоровье; когда мнѣ захочется имѣть какую нибудь вещь, то прошу его, чтобъ онъ склонилъ мапушку купить мнѣ ее, и Богъ такъ милостивъ, что я всегда получала отъ него, чего бы ни просила.

Г. Доброурадова.

Не оставялай никогда этой привычки, моя душа. Постараемся, дѣти мои, привыкнутьъ къ тому, чтобъ Бога почиташь отцемъ нашимъ и Господемъ. Не забудьте однакожъ, что дѣти у родителей, а слуги у господъ своихъ просятъ надобныхъ имъ вещей прямо; а мы, по тому что не знаемъ истинныхъ нуждъ нашихъ, могли бы просить такихъ вещей, которыя бы для насъ вредны были могли, но спавемъ всегда такъ просить: воуди мнѣ, Господи, вещь сію, ежели она воля твоя и моему спасенію не противна. Теперь

поговоримъ что нибудь изъ *Географіи*. Въ послѣдній разъ мы говорили о различныхъ частяхъ земли; какъ-то о *твердой* или *матерой* землѣ, о *островѣ*, *полуостровѣ*, *истмѣ*, *горѣ*, и *мысѣ*: а теперь поговоримъ о различныхъ названіяхъ различныхъ частей воды.

Это великое собраніе воды называется *Океаномъ* и *моремъ*. Такихъ *Океановъ* или *морей*, которые имѣютъ названія свои отъ положенія своего къ той или другой сторонѣ свѣта, считается четыре, и имянно: *Океанъ Сѣверный*, *Южный*, *океанъ Восточный* и *океанъ Западный*. Часть моря, которая далеко въ землю вдается, называется *заливомъ*; та, которая не такъ далеко вдается въ землю, и имѣетъ большее къ землѣ отверстіе, называется *губою*; море, на которомъ не въ дальнемъ разстояніи множество острововъ, называется *Архипелагомъ*; впадающій каналъ изъ одного моря въ другое, называется *проливомъ*, вода, окруженная землею, *озеромъ*, а такая, которая всегда теченіе имѣетъ, *рѣкою*. Все ли вы это разумѣете, мои дѣти?

Г. III. . . .

Все понятно, сударыня: *заливомъ* называется такое *море*, которое далеко вдается въ землю, какъ напримѣръ *Венеціанской заливъ*; а *проливомъ* называется каналъ, который соединяетъ два моря, какъ напримѣръ *Гибралтарской проливъ* соединяетъ большой океанъ съ *Средиземнымъ моремъ*.

Г. *Добронравова.*

Очень хорошо, моя душа. *Проливомъ* также называется море, которое между двумя землями проходитъ, какъ напримѣръ: между острова *Сардиніи* есть небольшой проливъ, который называется *проливомъ Св. Бонифантія*.

Г. *Остроумова.*

По чему, сударыня, это узкой проливъ между *Италією* и *Сицилією* называется *Фаро ди Мессина*? что это *Фаро*?

Г. *Добронравова.*

Я по Гречески не знаю, моя душа а это слово Греческое; однакожь можно догадаться. Корабли, которые бывають въ морѣ, не могутъ безъ спа-

сности приблизиться къ берегу. Для показанія, что берегъ не далеко, зажигается на берегу огонь, который корабельщики увидя въ ночное время, въ ту сторону уже не приближаются. А въ Египтѣ былъ некогда Царь по имени *Птоломей*, который велѣлъ построить изъ мрамора башню. Она такъ была хороша, что почиталась въ числѣ семи чудесъ въ свѣтѣ. На верху этой башни, называемой *Фаросъ*, зажигался огонь для проходящихъ корабельщиковъ. Съ того времени всѣ возвышенныя мѣста, на которыхъ для мореходцевъ зажигается огонь, стали называться *Фаросами*. Одна изъ такихъ башенъ называется *Фаро ди Мессина*, отъ чего и проливъ этотъ получилъ свое названіе. Инакъ можно думать, что слово *Фаросъ* значить огонь или свѣтъ показывающій путь въ ночное время.

Г. М. . . .

По этому можно и фонари называть *Фаросами*?

Г. Доброирасова.

Конечно такъ, моя душа.

Г. Ш. . . .

Вы сказали, сударыня, что въ свѣтъ семь чудесъ было: пожалуйста скажите намъ, какіяжѣ еще другія кромѣ *Фароса* были?

Г. Доброзраева.

Я вамъ скажу обо всѣхъ. *Стѣны и сады Вавилонскіе, Фаросъ Александрійской, о которомъ я прежде сказала, гробница Мавзола, Колоссъ Родосской, храмъ Діанинъ въ Ефесѣ, Лабиринтъ Миносовъ на оспровѣ Критѣ, пирамиды Египетскія.*

Г. Ш. . . .

Что такое были, сударыня, всѣ эти вещи?

Г. Доброзраева.

Г. *Благоразумова* расскажетъ вамъ объ этомъ, любезныя мои дѣти. Пожалуйста, моя душа, скажи имъ, что такое *гробница Мавзола*?

Г. Благоразумова.

Царица Карійская, именемъ *Артемиды*, чрезвычайно любила мужа своего *Мавзола*. По смерти его велѣла она сдѣлать для него великолѣпную гроб-

ницу; и съ того времени всѣ гробницы, въ честь мертвыхъ сооруженныя, начали называть *Мавзолеями*.

Г. III. . . .

А! теперь я знаю, по чему названы *Мавзолеями* мраморныя фигуры, копорыя я недавно видѣла.

Г. *Благоразумова*.

Хотя гробница, копорую *Артемида* построила, была и великолѣпна, однакожь она не почла ее стоящею того, что бы въ ней хранишь пепель ея мужа.

Г. III. . . .

Гдѣ же его дѣвали, сестрица?

Г. *Добронравова*.

Артемида зпоть пепель, (надобно тебѣ сказать, что въ тѣ времена мертвыхъ людей сжигали,) всякой день мѣшала въ вино и кушанье свое, и такимъ образомъ весь употребила его съ пищею.

Г. *Остроумова*.

Не та ли это *Артемида*, которая вмѣстѣ съ Персидскимъ Царемъ *Ксерксомъ* воевала противъ Грековъ при *Саламинѣ*?

Г. Доброуравова.

Нѣтъ, моя душа, эта жила прежде той. Теперь пора намъ разстаться, дѣти. Когда увидимся, поговоримъ и о другихъ чудесахъ свѣта.

РАЗГОВОРЪ IX.

ДЕНЬ VII.

Г. М . . .

Здравствуйте, сударыня. Скажете ли вы намъ сего дня хорошенькую сказочку?

Г. Доброуравова.

Нѣтъ, моя душа; а вмѣсто сказки Г. Благоузумова скажете вамъ басню о Лабиринтѣ, который почитался между чудесами свѣта. Что я называю баснею, это не значитъ, что будто бы совсѣмъ не было Лабиринта, *Миноса*, *Тезея* и другихъ, о которыхъ мы услышимъ; но къ справедливымъ дѣламъ сихъ людей примѣшано много выдуманнаго. Скажи намъ объ этомъ, Г. Благоуумова!

Г. *Благоразумова.*

Въ *Критѣ* былъ Царь именемъ *Миносъ*. Когда *Аѳиняне* убили сына его, онъ объявилъ имъ войну, одержалъ побѣду и наложилъ на *Аѳинянь* дань, копорая состояла въ томъ, чтобы они всегда черезъ десять лѣтъ приводили къ нему семь мальчиковъ и семь дѣвочекъ для сѣдвенія *Минотавру*. Этого *Минотавръ* было чудовище, состоявшее изъ половины человека и половины быка. Оно жило въ домъ называемомъ *Лабиринтомъ*. Домъ этотъ такъ былъ построенъ, что вошедши въ него найти опять дорогу никакъ не можно было, по тому что въ немъ множесиво было ходовъ и закоулковъ; и для того бѣдные *Аѳиняне*, копорыхъ шуда засаживали, ежели не были сѣдены чудовищемъ, то умирали отъ голода. При отправленіи въ *Критѣ* обыкновенной дани, сынъ *Аѳинскаго Царя*, именемъ *Тезей* рѣшился самъ шуда ѣхать съ тѣмъ, что бы *Минотавра* убить. По прибытіи его шуда *Миногова* дочь *Ариана* влюбилась въ него, а онъ далъ ей обѣщаніе увести ее съ собою, ежели она поможетъ ему спасти жизнь отъ чудовища. *Ариана* дала ему клубокъ нитокъ и одинъ конецъ велѣла при вхо-

дѣ въ *Лабиринтѣ* привязать къ дверямъ. Онъ исполнилъ ее совѣтъ, держалъ клубокъ въ рукѣ, и подаваясь въ передъ распускалъ его. Прощедъ же нѣсколько, встрѣтилъ онъ *Минотавра* и убилъ его, а самъ сбѣгая своей вишкѣ, вышелъ опять дверь и изъ *Лабиринта* вышелъ. Послѣ этого Аѳиняне не были уже обязаны никого посылать на сѣденіе чудовищу. *Тезей* возвращаясь въ Аѳины, взялъ съ собою и *Аріану*; но вскорѣ презрѣвъ ее, по тому что дѣвица, кошорая уходивъ съ мужчиною, недостойна ни малато почтенія. Они осшавились къ ночи у одного острова и *Тезей* вставши очень рано, когда *Аріана* еще спала, велѣлъ опвалить онъ берега. *Аріана* проснувшись, и увидя, что корабль ушелъ, стала плакать и раскаиваться, что осшавила родительской домъ: но печаль ея была бесполезна. Между тѣмъ *Бахусъ* богъ винограда, проходя мимо ея, по причинѣ ея великой красоты, влюбился въ нее и изъ сожалѣнія на ней женился. Она носила на головѣ своей вѣнокъ, кошорый *Бахусъ* взялъ и бросилъ на небо, послѣ чего оный обратился въ созвѣдіе. *Тезей* при отпѣздѣ своемъ изъ Аѳинъ общалъ онцу своему *Эгею*, ежели онъ возвра-

щаться будетъ съ побѣдою, выставивъ на корабль бѣлый флагъ. Однакожъ онъ забылъ по сдѣлать; по чему опещъ его, выходявшій часто смотрѣть: не возвращаесяли корабль, увидя, что онъ идетъ безъ флага и подумавъ, что сынъ его умерщвленъ, бросился въ море. Спустия нѣсколько времени *Тезей* въ знакъ благодарности за побѣду отправилъ къ богу *Аполлону* дары, и по его повелѣнью каждой годъ тотъ же корабль съ дарами былъ отправляемъ; а между тѣмъ во все время, пока корабль въ семь путешестви находилъ, смертная казнь совсѣмъ была запрещена?

Г. Ш. . . .

Видно, сударыня, эшотъ *Тезей* былъ самый негодный человекъ, что оставилъ бѣдную Принцессу, которая избавила его отъ смерти.

Г. Доброуравова.

Это правда, моя душа; однакожъ, ежелибъ онъ ее не оставилъ, то ему бы надобно было на ней жениться, а жениться на такой дѣвкѣ, которая уходитъ съ мужчиною, очень дурно. По-

ка онъ имѣлъ въ ней нужду, дѣлалъ ей всякія обѣщанія, но мужчины очень многіе не думаютъ, что обѣщанія, которыя они даютъ женщинамъ, непременно исполнять должно. Они забавляются обманывая ихъ, а послѣ смѣются надъ ними, и говорятъ всему свѣту: вотъ эдакая-та госпожа: я однажды сказалъ ей, что она хороша и что я ее люблю, а она такъ глупа, что потчасъ тому и повѣрила.

Г. М. . . .

Ахъ! какъ это подло, какіе они обманщики. Да вѣтъ не всѣ, сударыня, таковы мужчины? Нельзя ли какъ нибудь узнавать тѣхъ, которые насъ прямо любятъ и которые надъ нами шолько смѣются?

Г. Доброуравова.

Очень можно, моя душа. Положимъ, что ты уже большая дѣвица и что тебя полюбилъ бы какой нибудь дворянинъ: ежели онъ тебя полюбилъ прямо честнымъ образомъ, то онъ о томъ тебѣ и не скажетъ, а пойдетъ къ бабюшкѣ твоему мамушкѣ, скажетъ имъ, что онъ тебя, шмѣнно любитъ, и будетъ просить ихъ, чтобъ они ему сдѣлали мнѣ

лостъ, выдали бы тебя за него замужъ. А ежели этотъ человекъ хочешь надъ тобою посмѣяться, то скажешь тебѣ тихонько, что онъ тебя любитъ и будетъ просить, чтобъ ты не говорила о томъ бабюшкѣ.

Г. М. . . .

Хорошо же; я ему тотъ часъ скажу: я сударь скажу объ этомъ бабюшкѣ, что вы меня любите. Онъ, я думаю, оробѣетъ; ежели сказалъ мнѣ это смѣясь, чтобъ надо мною смѣяться: не правда ли, сударыня?

Г. Доброуравова.

Конечно такъ, моя душа; это приведетъ его въ стыдъ и робость, и ты въ ту же самую минуту увидишь опомъ бабюшку, или мапушку; однакожь объ этомъ имъ только сказать надобно, а ни подругамъ своимъ, ни служанкѣ и никому другому никогда не говори.

Г. Остроумова.

Мнѣ, сударыня, очень хочется знать, что въ этой баснѣ, которую намъ сказала *Г. Благоразумова* справедливо, и что выдуманно.

Г. *Добронравова.*

Я тебѣ скажу, моя душа, что знаю. вмѣсто чудовища былъ въ *Критѣ* одинъ полководецъ именемъ *Тавръ*; вмѣсто клубка нитокъ *Ариана* дала *Тезею* черпещъ Лавиринта, а вмѣсто *Бахуса* Принцесса замужъ вышла за его жреца. Я вамъ расскажу и о прочихъ чудесахъ свѣта.

Стѣны Вавилонскія окружали *Вавилонъ* столицу самаго древняго въ свѣтѣ Государства. Въ окружности имѣли онѣ 84 версты, а высокою были во сто двадцать лакпей. Онѣ были такъ толсты, что на верьху шесть каретъ могли удобно разѣзжаться. *Висящіе сады* въ *Вавилонѣ* были такое же чудесное дѣло, какъ и стѣны.

Колосъ Родосской была мѣдная чрезмѣрной величины статуя, которая имѣла видъ челоука. *Родосцы* посвятили ее богу *Аполлону* и поставили ее при входѣ въ гавань города *Родоса*. Она такъ была высока, и ноги ея поставлены были на двухъ горахъ, такъ отдаленныхъ одна отъ другой, что корабли проходили между ногами на полныхъ парусахъ. Она разрушена землетрясеніемъ.

Храмъ Діанинъ великолѣпное было зданіе въ городѣ *Ефесѣ*. Онъ посвя-

щенъ былъ богинѣ *Діанѣ*. Бѣснующійся *Геростратъ* сожегъ его для прославленія себя въ исторіи.

Египетскія пирамиды суть славныя зданія, которыя за четыре тысячи лѣтъ предъ симъ построены и которыя нынѣ еще видны близъ великаго *Каира*. Онѣ служили для погребенія *Египетскихъ Царей*. Большая изъ нихъ строена двадцать лѣтъ и къ строенію ея употреблено было пристра шестдесяти тысячъ шесть тысячъ работниковъ. По исчисленію для сего числа людей на одинъ лукъ, чеснокъ, рѣдьку и другіе овощи истрачено до тысячи осмисотъ талантовъ, а на наши деньги близъ миліона рублей. Сегодня мы довольно говорили о басняхъ. Теперь поговоримъ о Географіи. Мы раздѣлимъ Европу на три главные части, на *Сѣверную, Среднюю* и *Южную*.

Въ Сѣверной части отъ *Запада* къ *Востоку* лежатъ *Британскіе острова*, состоящіе изъ двухъ большихъ и великаго множества малыхъ острововъ. Самый большой называется *Великобританією* и раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна, лежащая къ *Югу*, называется *Англією*, а другая къ *Сѣверу* *Шотландією*. Другой изъ большихъ острововъ называется *Ирландією*.

Въ *Англіи* главный городъ или столица есть *Лондонъ*, въ *Шотландіи* *Едмбургъ*; а въ *Ирландіи* *Дублинъ*. Всѣ сии три Королевства принадлежатъ одному Королю *Англинскому*. Пошомъ къ Востоку отъ *Англіи* находятся *Данія*, въ которой главный городъ, лежащій на островѣ *Зеландіи* *Копенгагенъ*.

Норвегія, въ которой главный городъ *Христианія*, принадлежитъ также Королю *Датскому*, какъ и островъ *Исландія*, который къ Сѣверу лежитъ еще далѣе *Англіи*. Къ Востоку отъ *Норвегіи* лежитъ *Швеція* около *Ботническаго залива* отъ *Балтійскаго моря*. Главный городъ въ *Швеціи* *Стокгольмъ*. Наконецъ къ Востоку отъ *Швеціи* лежитъ *Россія*, въ которой, какъ вы знаете, древняя столица есть *Москва*, а нынѣшняя *Санктпетербургъ*. Вошь пять главныхъ частей *Сѣверной Европы*. Помните ихъ, мои любезныя дѣти. Въ будущій разъ поговоримъ мы о средней части *Европы*; а когда пройдемъ обо всѣхъ Государствахъ вообще, то я вамъ покажу обстоятельно всѣ части *Россійской Имперіи*.

Г. Остроумова.

Я, сударыня, читала вчера въ одной *Французской книжкѣ исторію*

Петра Великаго, который выстроилъ городъ *Петербургъ*. Миѣ кажется, что онъ очень похожъ на Принца *Миллбрана*, о которомъ вы намъ нѣкогда сказывали.

Г. Доброуравова.

Очень похожъ, моя душа, такъ какъ *Шведской* Король Карлъ XII. ежели ты и объ немъ чинала, похожъ на Принца *Самовласта*. Теперь пройдемъ что нибудь изъ Священной Истории.

Г. М. . . .

Когда *Исаакъ* женился на *Ревеккѣ*, просилъ Бога, чтобъ онъ даровалъ ему дѣтей. *Ревекка* родила двухъ сыновей, изъ которыхъ большой названъ *Исакомъ*, а меньшей *Яковомъ*. Вы знаете, сестрицы, что старшій сынъ обыкновенно имѣетъ первенство. *Исаакъ* былъ нѣкогда на охотѣ и очень проголодался. Возвратясь домой увидѣлъ онъ, что братъ его *Яковъ* приготовилъ для себя изъ чечевицы похлебку и хотѣлъ ее ѣсть. *Исаакъ* сказалъ ему: отдай мнѣ, братецъ, свою похлебку. Я ее сварилъ для себя, отвѣчалъ *Яковъ*; однакожъ ежели ты согласишься отдать мнѣ свое первенство, то я тебѣ отдамъ свою похлебку. *Исаакъ* такъ

былъ прожорливъ, что первенство свое отдалъ за похлебку, и шакъ *Иаковъ* сдѣлался спаршимъ.

Г. Добрая.

Видите ли, любезныя мои дѣти, какія отъ прожорства происходятъ глупости. Это очень гнусный порокъ: да сверхъ того онъ доводитъ до болѣзней, до тупости ума и до смерти въ самой молодости. Я вамъ больше и говорить о немъ на спану: я такихъ объ васъ хорошихъ мыслей, что не могу и подумавъ, чтобъ изъ васъ былъ ктонибудь прожорливъ. Это такая подлая и гнусная привычка, что ежелибъ я узнала, что изъ васъ котораянибудь прожорлива, то не сталабы пускать ее къ себѣ. Ты красивѣешь, *Г. Н.* . . . нѣтъ ли въ тебѣ этого порока?

Г. Н. . . .

Виновата, сударыня. Иногда служанка не даетъ мнѣ въ вечеру чаю; шакъ я больше часа плачу.

Г. Добрая.

Надобно исправиться, моя душа, отъ этого порока, ежели ты хочешь быть порядочною дѣвицею, и чтобъ я

тебя любила. Скажи мнѣ, какъ ты въ этомъ случаѣ впредь поступишь намѣрена?

Г. Н. . . .

Я не стану, сударыня, пить чаю цѣлую недѣлю; только пожалуйста забудьте мой проступокъ.

Г. *Добронравова.*

Конечно забуду, моя душа. И самъ Богъ забываетъ наши просупки, когда мы отъ нихъ исправляемся. Теперь расскажи мнѣ исторію, которую ты выучида.

Г. Н. . . .

Исаѣ брата своего *Иакова* не любилъ зато, что онъ отнялъ у него первенство и родительское благословеніе. *Ревекка* сказала нѣкогда *Иакову*: я боюсь, сынъ мой, что бы братъ твой *Исаѣ* не сталъ тебѣ мстить; поди ты къ дядѣ своему *Лавану* и поживи у него, пока братъ твой сердиться не перестанетъ. У *Лавана* были двѣ дочери, изъ которыхъ одна называемая *Лія* была дурна, а другая *Рахиль* была прекрасная. *Иаковъ* полюбилъ *Рахиль* и просилъ ее у *Лавана* въ замужество, который сказалъ ему на

то: я за тебя отдамъ дочь свою, ежели ты согласишься служить мнѣ семь лѣтъ. *Иаковъ* на то охотно согласился, и такъ любилъ *Рахиль*, что семь лѣтъ показались ему семью днями. По прошествии сего времени онъ надѣялся жениться на *Рахили*, но *Лаванъ* обманулъ его приведши къ нему дочь свою *Лию*. Какъ это происходило въ ночное время, *Иаковъ* и не примѣтилъ, что дядя его обманулъ; но поутру вставши очень пому удивлялся и сердился. *Лаванъ* сказалъ ему: это, мой другъ, не обыкновенно, чтобы меньшую дочь выдавать замужъ прежде большой; однакожъ, ежели ты общаешься прослужить мнѣ еще семь лѣтъ, то я черезъ недѣлю выдамъ за тебя и *Рафилъ*. *Иаковъ* и на то согласился. Послѣ сего времени *Лаванъ* видя, что по *Иаковъ* Богъ благословилъ домъ его, просилъ его, чтобы онъ еще у него остался и общалъ ему великое награжденіе: но онъ старался только *Иакова* обманывать. При всемъ томъ *Иаковъ* чрезвычайно разбогатѣлъ. Онъ не любилъ жены своей *Лии*; но Богъ умножилъ сердце надъ нею и даровалъ ей множество дѣшей, а *Рахиль* была бесплодна. Наконецъ родила и она сына именемъ *Иосифа*. Послѣ по-

го *Иаковъ* дядю своего и шестя *Лавана* оставилъ и возвратился въ свою землю. Приближаясь къ дому своему, услышалъ онъ, что братъ его *Исаѣ* идетъ противъ его со множествомъ вооруженныхъ людей. Онъ убоялся того; но Богъ послалъ къ нему Ангела, который его ободрилъ; и *Иаковъ* гнѣвъ брата своего укротилъ дарами.

Г. Доброуравова.

Теперь ты Г. Ш. . . . расскажи намъ свою исторію.

Г. Ш. . . .

И *Иаковъ* со всѣмъ сѣмействомъ своимъ остановился у города *Сихема*. Онъ имѣлъ двенадцать сыновей и одну дочь именемъ *Дину*, которая шакъ была любопытна, что захотѣла видѣть непременно дѣвицъ *Сихемскихъ*. Она пошла въ городъ, гдѣ Княжеской сынъ увидя ее, полюбилъ и увезъ съ собою въ домъ свой. Сыны *Иакова* услыша о семъ чрезвычайно огорчились, но тамошней Князь сказалъ имъ: не гнѣвайтесь; отдайте сестру свою замужъ за моего сына, и мы сдѣлаемся друзьями. Братья *Динины* согласились на то; но двое изъ нихъ *Симіонъ* и *Левій* рѣшились за сестру свою отмститьъ.

Они нечаянно напавши убили Князя, сына его и всѣхъ *Сихемскихъ* жителей, и женъ ихъ похитили. *Иаковъ* свѣдавши о семъ дурномъ дѣлѣ, чрезвычайно осердился и боялся при шомъ, чтобъ жители ближнихъ городовъ не здѣлали на сѣмейство его нападенія. Богъ утѣшилъ его и обѣщалъ ему, такъ какъ *Аврааму* и *Исааку*, дать землю. *Иаковъ* оставя это мѣсто, пошелъ жить въ *Вефиль*, который послѣ названъ *Вилеелемомъ*. По прибытіи туда *Рахиль* родила еще сына и отъ родовъ умерла. Она назвала его *Бенони*, что на ихъ язѣ бѣ значило: сынъ болѣзни моя; но *Иаковъ* наименовалъ его *Вениаминомъ*. *Рахиль* погребена въ *Вилеелемѣ*.

Г. Остроумова.

Мнѣ кажется, сударыня, что дѣти *Иаковлевы* не всѣ были добрые люди. *Симеонъ* и *Левій* очень были жестокосерды, что безвинно побили всѣхъ жителей города *Сихема*.

Г. Доброуравова.

Они всѣ почти были злые люди. Старшій изъ нихъ *Иуда* великія творилъ злодѣйства; но одинъ изъ нихъ былъ человекъ самый добродѣтельный.

Г. *Благоразумова.*

Боже мой! Я не понимаю, отъ чего люди такъ злонаправны бываютъ. Можешъ ли быть больше удовольствія, какъ исполняясь долгъ свой. Что до меня принадлежишь, ежели я когда сдѣлаю какую нибудь погрѣшность, то сколько беспокоюсь, что во всю ночь не могу уснуть. Не ужшо *Ливій* и *Симеонъ* убивши столько людей не безпокоились о томъ?

Г. *Добронравова.*

Я тебѣ скажу, моя душа, что всякаго челоѵка, который начинаешъ еще дѣлать дурное, совѣсть очень безпокоитъ; но когда онъ, не смотря на то, продолжаетъ злодѣйствовать, то совѣсть мало по малу перестаетъ его безпокоить, а наконецъ и совѣсь умолкаетъ, и это уже самое величайшее для челоѵка несчастіе. Замѣшьте также и то, любезныя дѣви, какъ опасно молодой дѣвицѣ быть любопытной. Ежелибъ *Дина* осталась дома, то не навлекла бы страшнаго несчастія, о которомъ вы слышали. Женщинамъ всего приличнѣе заниматься домашними дѣлами, къ чему онѣ должны привыкать съ охотою, по тому что это ихъ должность. Я очень

дурныхъ мыслей о тѣхъ дѣвицахъ и женщинахъ, которыя не любятъ сидѣть дома и бѣгаютъ какъ шальныя изъ мѣста въ мѣсто, чѣмобъ смотрѣть на другихъ и себя показывать. Я вамъ нѣкогда сказывала, что женщины для того и созданы, чѣмъ бы педись о своемъ сѣмействѣ; когда же имъ по дѣлать, ежели онѣ не посидятъ дома.

Г. Остроумова.

Да ежели кто богатъ, сударыня, и у кого множество рабовъ, то какая пому нужда сидѣть дома? Я думаю, чѣмъ однѣ только бѣдныя женщины должны заниматься домашними дѣлами.

Г. Добронравова.

Ошибаешься ты, моя душа. Богъ не сказалъ, чѣмобъ богатые бѣли хлѣбъ даромъ. Всякой человекъ долженъ прудиться. Такъ опредѣлено отъ Бога, котораго ежели кто не послушаетъ, жестоко отъ него будетъ наказанъ. Дворянская дочь и крестьянская равные должны имѣть о домахъ своихъ попеченіе. Да пусть бы праздность и за великой грѣхъ не почиталась, мнѣ кажется, ничего нѣтъ приянѣе, какъ заниматься дѣломъ. Не забывайше этова, мои любезныя дѣши.

Ежелибъ вы и гораздо богаче были, нежели теперь, но когда не будете смотрѣть сами за домашними дѣлами, то рабы ваши будутъ васъ обкрадывать, купцы согласясь съ ними продадутъ вамъ всякую вещь гораздо дороже, нежели тому, кто самъ покупаетъ. а между тѣмъ праздность доведетъ васъ и до другихъ безпутныхъ издержекъ. Вы нечувствительно сдѣлаетесь бѣдны, или по крайней мѣрѣ дѣти ваши таковы будутъ; а ничего нѣтъ постыднѣе, какъ по своему дурачеству изъ богатаго сдѣлаться бѣднымъ. О такихъ бѣднякахъ никто не жалѣетъ, а только всѣ смѣются и презираютъ.

Г. М. . . .

Вы говорите, сударыня, что всѣ должны прудиться, да Короли и Королевы совсѣмъ отъ того свободны.

Г. Доброуравова.

И это не правда, моя душа. Добрый Король и добрая Королева прудятся во сто разъ больше, нежели самый бѣдный ихъ подданный. Не равенъ прудѣ бываетъ, мои любезныя дѣти: крестьянинъ прудится надъ

землею, сполярѣ надѣ деревомѣ, порпной надѣ платьемѣ; но этонѣ трудѣ не шакѣ тяжель, какѣ потѣ, гдѣ труднѣся разумѣ; и этимѣ-то тяжкимѣ трудомѣ опредѣлено занимашья Королямѣ и Королевамѣ. Поелику Богѣ потребуеть у нихѣ отвѣта за всякое зло, которое произойдетѣ отѣ ошибки ихѣ, или отѣ нерадѣнія, то они должны думать и день и ночь, чтобѣ знать обо всемѣ, что происходитѣ въ ихѣ Государствѣ. Повѣрьте мнѣ, что добрый и великой Государь не имѣетѣ покою ни на одну минушу.

Г. Остроумова.

Ежели это шакѣ, сударыня, то не много удовольствія бышь Королемѣ.

Г. Добройравова.

И это не справедливо, моя душа. Король можеть бышь самымѣ благополучнѣйшимѣ на свѣтѣ человекомѣ; но любовь до этова дойши, долженѣ онѣ ни на минушу не даватѣ себѣ покою. Трудѣ этонѣ, который ны считаешь пѣгостно, составляетѣ все благополучіе и славу его жизни. Ты мнѣ сама признаешь; что для доброй матери ни мало не пѣгостно заниматья дѣтьми своими. Добрый Король есть

отецъ своихъ подданныхъ , и по тому попечение о дѣлахъ до благополучія ихъ касающихся не только не пренебрежно для него , но приноситъ ему несказанное удовольствіе.

Прощайте , любезныя мои дѣти. Сегодня мы не столько говорили, сколько бы мнѣ хотѣлось , по тому что я не очень здорова ; но мы еще наградимъ въ другой разъ.

К О Н Е Ц Ъ

первой части.



ДѢТСКОЕ УЧИЛИЩЕ,

или

РАЗГОВОРЫ

БЛАГОРАЗУМНОЙ НАСТАВНИЦЫ

съ ея

ВОСПИТАННИЦАМИ.

ЧАСТЬ II.

Переводъ съ Французскаго.



Съ дозволенія Московской Ценсуры.

МОСКВА.

Въ Губернской Типографіи

у А. Рѣшетникова.

1800.

ИМЕНА ЛИЦЪ, УЧАСТВУЮЩИХЪ
ВЪ СИХЪ РАЗГОВОРАХЪ.

Госпожа ДОБРОПРАВОВА, Учи-
тельница Госпожи Благоразумовой.

Госпожа БЛАГОРАЗУМОВА, две-
надцати лѣтъ.

Госпожа ОСТРОУМОВА, такихъ же
лѣтъ.

Госпожа М... пяти лѣтъ.

Госпожа Ш... седми лѣтъ.

Госпожа Н... такихъ же лѣтъ.

Госпожа ВЕРТОПРАХОВА, девяти
лѣтъ.

Госпожа НЕУГОМОНОВА, тринад-
цати лѣтъ.

ДѢТСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

РАЗГОВОРЪ X.

ДЕНЬ. 3.

Госпожа Добронрасова.

Здравствуйте, любезныя мои дѣти. Я вамъ сего дня хочу сдѣлать полное удовольствіе, сказать прекрасную сказочку, копорую вчера читала.

Нѣкоторый Король чрезвычайно влюбился въ одну Принцессу; но она не могла выйти замужъ, потому что она была обворожена. Онъ просилъ совѣта у одной волшебницы, какимъ бы образомъ Принцессѣ понравиться? На что она сказала ему: ты знаешь, что у Принцессы есть большой котъ, копорато она очень любитъ: она должна за того выйти замужъ, кто будетъ сколько искусенъ, чтобъ наступить кошу на хвостъ. Король разсуждалъ самъ въ себѣ, что это очень легко сдѣлать можно и что онъ не только на хвостъ наступить, да и раздавить его въ состояніи.--- Разставшись съ волшебницею полетѣлъ онъ потже часъ въ замокъ къ любезной своей Принцессѣ. *Миной* (такъ назывался котъ) по

Часть II. А

дошелъ къ нему, поднявши по обыкновению своему шерсть. Король поднялъ было ногу, но лишь только хотѣлъ наступить на хвостъ, *Минонъ* такъ проворно увернулся, что онъ еще не успѣлъ опустить ногу. Щедрую награду ожидалъ онъ случая наступить на этотъ проклятый хвостъ; но онъ въ такомъ всегда былъ движеньи, какъ будто бы наполненъ былъ ртутью. Наконецъ Король улучилъ щастливый случай въ такое время, когда *Минонъ* спалъ. Онъ наступилъ на хвостъ его такъ крѣпко, что *Минонъ* вскочивши спрашно замыкалъ, и вдругъ попомъ оборотясь въ челоуѣка превеликаго роста и посмотриа на Короля съ сердитымъ видомъ, сказалъ ему: когда ты уничтожилъ колдовство мое, то на Принцессѣ женишься; однакожъ я тебѣ за это опомцу: ты будешь имѣть сына, который несчастливъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не узнаешь, что у него носъ очень долговъ; а ежели ты объ этой моей угрозѣ кому нибудь скажешь, то потчасъ умрешь. Хотя Король видя этого великорослаго волшебника съ начала очень успрашился, но услыша такія угрозы не могъ не разсмѣяться. Пусть бы у сына моего и былъ очень долгой носъ, рассуждалъ онъ, но еже-

ли онъ не будетъ слѣнъ, или сухорукъ, то не лзя ему не знать о томъ. Между тѣмъ волшебникъ исчезъ, а Король сыскалъ свою Принцессу, которая согласилась выйти за него замужъ; но онъ не долго жилъ съ нею, и умеръ по прошествии осьми мѣсяцовъ. Спустия одинъ мѣсяцъ Королева родила Принца, который названъ *Желаномъ*. Онъ имѣлъ самые прекрасные голубые глаза и прелестный ротъ; но носъ его такъ былъ великъ, что закрывалъ половину лица. Королева увидя такой необыкновенный носъ, чрезвычайно опечалилась, но придворныя госпожи, которыя при ней были, увѣряли ее, что носъ не такъ великъ, какъ ей показалось, что это носъ самой Римской, и что у всѣхъ самыхъ славныхъ воиновъ носы были большіе. Такое увѣреніе для Королевы, которая сына своего любила до безумія, было утѣшительно, и чѣмъ она больше на *Желана* смотрѣла, тѣмъ ей меньше носъ его казался. Принцъ воспитываемъ былъ съ особливѣмъ попеченіемъ, и лишь только началъ онъ разумѣть и говорить, спали ему рассказывать о такихъ людяхъ, у которыхъ были короткіе носы, самыя смѣшныя сказки. При немъ старались имѣть шкивыхъ людей, у которыхъ

бы носы хотя мало на его похожи были, и придворные во угождение Королевѣ и сыну ея всякой день по нѣскольку развѣ у малыхъ дѣтей своихъ выпягивали носы, чшобѣ сдѣлать ихъ подолбе; но при всемъ ихъ стараніи носы дѣтей ихъ передѣ Принцевымъ носомъ ничего не значали. Спустя нѣскольکو времени спали учиниъ его исторіи, и когда говорили о какомъ нибудь великомъ Принцѣ или прекрасной Принцессѣ, то всегда прибавляли, что у нихъ носы были предолгіе. Въ покояхъ его всѣ стѣны уславлены были такими картинами, на которыхъ изображены люди съ большими носами, и *Желанъ* привыкъ долгому носу своего считать за такое совершенство, что ни за какую въ свѣтѣ корону не согласился бы убавить его ни на волосъ. Когда уже миновало ему отъ роду двадцать лѣтъ, вздумали его женить и представили ему портреты многихъ Принцессъ. Больше всѣхъ понравилась ему Принцесса *Милена*, дочь одного великаго Короля II. наследница многихъ владѣній. Однакожѣ *Желанъ* ни о какихъ другихъ выгодахъ кромѣ красоты ея не думалъ. Что всего удивительнѣе было для Придворныхъ, Принцесса *Милена*, которую *Желанъ* полюбилъ чрезвычайно,

имѣла носъ очень умѣренный и соотвѣтственный расположенію лица ея. По привычкѣ смѣяшся надъ маленькими носами, какъ-то вздумалось имъ говорить также съ насмѣшкою и о Принцессинѣ носѣ; однакожъ въ этомъ случаѣ *Желану* такая насмѣшка не понравилась, такъ что онъ двоихъ при дворныхъ, которые о *Миленинѣ* носѣ худо говорили, отдалилъ отъ двора. Другіе стали отъ того осторожише, и одинъ изъ нихъ говорилъ Принцу, что мужчинамъ не лзя быть любви достойну не имѣя большаго носа; но что красота женщины различна, и будто ему какой-то ученый человекъ, знающій по Гречески и читавшій древнюю Греческую рукопись, говорилъ, что прекрасная *Клеопатра* имѣла носъ маленькой, Принцъ наградилъ его за такую новость богатымъ подаркомъ и отправилъ пословъ, чтобъ просить *Милену* за него въ замужество. Онъ такъ нетерпѣливо желалъ ее видѣть, что выѣхалъ слишкомъ за двадцать верствъ ей на встрѣчу; но когда они сѣхались бросился онъ, чтобъ поцѣловать у нее руку; вдругъ явился волшебникъ и Принцессу унесъ съ глазъ его. Принцъ чрезвычайно опечалился и рѣшился до тѣхъ поръ не возвращаться домой, пока не

сыщеть *Милены*. Онъ не позволялъ ни кому изъ придворныхъ за собою слѣдовать; сѣлъ на лошадь и далъ ей волю итти куда захочеть. Она вывезла его на обширное поле, по которому онъ ѣздя цѣлый день, не нашелъ ни одного дома. И сѣдокъ и лошадь умирали съ голода, наконецъ подвѣ вечеръ увидѣлъ онъ пещеру, въ которой свѣтился огонь. Онъ вошелъ туда и нашелъ тамъ старушку, которой уже, какъ казалось, было больше ста лѣтъ. Она спала надѣвать свои очки, чтобъ посмотреть на Принца, но долго не могла надѣть, потому что у нее носъ очень малъ былъ. Наконецъ Принцъ и волшебница посмотря другъ на друга спали хохотать изо всей силы и кричали въ одно время: ахъ! какой это смѣшной носъ! онъ не такъ смѣшонъ, какъ твой, сказалъ Принцъ волшебницѣ: но оставимъ носы такъ, каковы они есть, будь милоспива, дай мнѣ чего нибудь поѣсть, я умираю съ голода, такъ какъ и бѣдная моя лошадь. Очень охотно, сказала волшебница. Хотя у тебя носъ и смѣшенъ, но ты все сынъ лучшаго моего друга: я Короля отца твоего любила, какъ брата; у него и носъ очень хорошъ былъ. Да чегоже не достаетъ къ моему носу, спросилъ *Желанъ*? О! недостатка, ни-

какова вѣтъ, отвѣчала, волшебница а на-
противъ того въ немъ много лишняго :
но эшо не мѣшаетъ, можно и съ самымъ
большимъ носомъ быть самымъ чеспи-
нымъ человекомъ. Я уже тебѣ сказала,
что я была въ дружбѣ съ отцомъ тво-
имъ; онъ часто прѣзжалъ ко мнѣ: да
вотъ къ спани, знаешь ли ты, что я
въ то время очень хороша была? И онъ
часто говорилъ мнѣ объ эшомъ. Надобно
тебѣ разказать, о чемъ мы съ нимъ
въ послѣднее наше свиданіе говорили.
О! я тебя съ великимъ удовольствіемъ
буду слушать, когда поужинаю; а те-
перь пожалуй вспомни, что я сего дня
еще не бѣ. И въ правду, бѣдный ты
человекъ! сказала волшебница, вѣтъ
я объ эшомъ и забыла; хорошо я тебѣ
дамъ поужинать, а между тѣмъ раз-
скажу тебѣ въ четырехъ словахъ свою
Исторію; я не люблю говорить много.
Для меня долгой языкъ досаднѣе дол-
гаго носа; я помню, когда я была моло-
да, то мнѣ всѣ удивлялись, какъ я бы-
ла молчалива, и говорили объ эшомъ ма-
тери моей Королевѣ; вѣшь и я также
дочь великаго Короля: отецъ мой....
Да что отецъ твой! отецъ твой бѣ,
когда былъ голоденъ, сказалъ Принцъ
прервавши рѣчь ея. Конечно такъ, го-
ворила волшебница; да и ты пошчасъ

станешь ужинать: я только хотѣла тебе сказать, что отецъ мой. . . . А я не хочу ничего слушать, пока не побѣду, сказалъ Принцъ, который начиналъ уже сердиться. Однакожь онъ перемогъ себя, потому что имѣлъ въ волшебницѣ надобность и говорилъ ей: я знаю, что удовольствіе, которое бы я имѣлъ слушая тебя, привело бы въ забвеніе мой голодъ; лошади моей, которая не будетъ тебя слушать, надобно бы побѣду. Волшебница съжалась надъ нимъ: вотъ потчасъ все будетъ готово, сказала она ему, а между тѣмъ кликнула своихъ служанокъ; ты очень учтивъ, продолжала она потомъ, и хотя у тебя носъ чрезвычайно великъ, однакожь ты очень любезенъ. Чортъ возьми эту старуху и съ моимъ носомъ, сказалъ Принцъ самъ въ себѣ, иной бы подумалъ, что мать моя для моего носа опияла у нее полноса; ежелибъ мнѣ не такъ хотѣлось ѣсть, то я бы въ эту же минуту уѣхалъ отъ проклятой болтуны, которая еще думаетъ, что она говоритъ мало. Надобно бышь очень глупу, чтобъ не видѣшь своихъ недостатковъ: вотъ каково родиться Принцессою; льстецы совсѣмъ ее испортили, наполоковавши ей, что она мало говоритъ. Между тѣмъ служанки спа-

ли накрывать на столъ, а Принцъ все удивлялся волшебницѣ, которая надѣлала имъ съ тысячу разныхъ вопросовъ для того только, чѣобы говорить. Больше всего дивился онъ одной женщицѣ, которая при всякомъ случаѣ выхваляла скромность госпожи своей, Какъ это хорошо, рассуждалъ онъ самъ съ собою за ужиномъ, что я сюда заѣхалъ! этошь примѣръ доказываетъ мнѣ, какъ я благоразумно поступилъ, что не слушался ласкателей: эти люди безстыдно хвалятъ насъ, скрываютъ наши недостатки. И даже, хопятъ намъ представить ихъ совершенствомъ: что до меня касается, меня имъ никогда обмануть не удастся; я, слава Богу, недостатки свои очень знаю. Бѣдный *Желанъ* въ самомъ дѣлѣ пакихъ былъ мыслей и нечувствовалъ, что тѣ, которые хвалили носъ его, смѣялись надъ нимъ, такъ какъ эта женщина надъ волшебницею; ибо Принцъ примѣтилъ, что она часто отворачивалась и смѣялась. Однакожь онъ не говоря ни слова, былъ очень прилѣжно. Когда уже онъ нѣсколько наѣлся, волшебница сказала ему: пожалуй, сударь не мнужко поворотись, швой носъ тѣною своею такъ все закрываетъ, что я не могу видѣть, что у меня на ша-

релкъ; а между тѣмъ поговоримъ объ
опцѣ пвоемъ. Я была при дворѣ его,
когда онъ еще былъ мальчикомъ; те-
перь уже лѣтъ сорокъ тому, какъ я
удалилась въ это уединеніе. Скажи
пожалуй, какъ теперь поживаютъ ва-
ши придворные? Такъ ли гуляютъ ны-
нѣшнія госпожи, какъ прежнія? Въ мое
время бывало въ одинъ день увидишь
ихъ и въ собраніи, и въ Театрѣ, и на
прогулкѣ и на балѣ. . . . Ахъ, какъ
пшой носъ дологъ! я не могу привы-
кнуть сморѣть на него. Пожалуй су-
дарыня, сказалъ ей *Желанъ*, перестань
говорить о моемъ носѣ; что тебѣ до
него дѣла, каковъ онъ ни есть; я имъ
доволенъ, и не хочу, чтобъ онъ былъ
короче. Всякой имѣетъ такой носъ, съ
какимъ родился, О! я вижу, что это
тебѣ досадно, бѣднѣй мой *Желанъ*,
сказала волшебница, однакожъ я пра-
во не имѣю намѣренія досаждать тебѣ,
а напротивъ много хочу тебѣ быть дру-
гомъ и служишь тебѣ; но при всемъ
томъ я не могу удержаться отъ смѣха
сморѣя на твой носъ; однакожъ пол-
но объ этомъ говорить; я даже прину-
жду себя думать, что у тебя носъ о-
чень малъ, хотя правду сказать, онъ
такъ великъ, что наъ него бы добрыхъ
три пяди вышло. *Желанъ* довольно у-

же побѣвши, такъ соскучилъ безконечнымъ ея о носѣ его разговоромъ, что вскочилъ топчась на лошадь и уѣхалъ. Въ продолженіи его пути вездѣ, гдѣ онъ ни проѣзжалъ, всѣ говорили о его носѣ и онъ всѣхъ считалъ сумашедшими; ибо съ самаго младенчества ему такъ расхвядили носъ его, что онъ никогда не могъ и подумать, чтобъ онъ былъ долговъ. Старая волшебница, которая хотѣла ему услужить, поставила на дорогѣ, по которой ему ѣхать надлежало, хрустальной домъ, и заперла въ немъ *Милену*. Принцъ подѣхалъ къ нему, и увидя *Милену* чрезвычайно обрадовался и хотѣлъ домъ разбить, однакожъ не могъ того сдѣлать. Будучи въ опчаянціи подошелъ онъ поближе, и хотѣлъ по крайней мѣрѣ поговорить съ Принцессою, которая съ своей стороны предложила къ стеклу свою руку. Онъ хотѣлъ было ее поцѣловать; но какъ ни оборачивался, не могъ подвести рша, потому что носъ препятствовалъ: шутъ онъ примѣнилъ въ первой разѣ чрезвычайную длину его и взялъ его рукою, чтобъ опвесити въ сторону: надобно признаться, сказалъ онъ, что носъ мой очень долговъ. Въ ту самую минуту хрустальный домъ рассыпался и волшебница держа *Милену* за руку,

сказала Принцу: признайся теперь, что ты много одоженъ мною; сколько я тебѣ о твоёмъ носѣ ни говорила, но ты бы никогда тому не повѣрилъ, ежелибъ не повстрѣчалось тебѣ въ те-перешнемъ случаѣ препятствія. Та-кимъ-то образомъ самолюбіе скрываетъ отъ насъ душевные и тѣлесные наши недоспадки, и сколько разсудковъ ни силился открыть намъ ихъ; но мы не соглашаемся съ нимъ до тѣхъ поръ, пока тоже самолюбіе не найдетъ въ нихъ чего нибудь противнаго своимъ выгодамъ. *Желанъ*, у котораго носъ сдѣлался обыкновенный, воспользовался такимъ примѣромъ. Онъ женился на *Миленѣ* и жилъ съ нею очень долго въ совершенномъ благополучіи.

Г. Остроумова.

Вы сударыня, правду сказали, что прекрасная сказочка; но какъ можно не знать своихъ недоспадковъ? Я всегда думаю, что я не хороша, и ежели мнѣ скажутъ противное, то мнѣ ка-жется, что надо мною смѣются.

Г. Доброуравова.

Этому самолюбіежъ причиною, что ты не считаешь себя красавицею; но

я ударюсь объ закладъ, что ты не считаешь себя и дурною.

Г. Остроумова.

Когда я смотрюсь въ зеркало, мнѣ кажется, что я дурна; но мнѣ говорятъ часно, что я изъ числа тѣхъ дурныхъ, которыя нравятся; и такъ я думаю, что я дурна, но не совсѣмъ пропивна.

Г. Доброуравова.

Ну, вошь, моя душа, я отгадала. Ежелибъ какой нибудь глупый льстецъ сказалъ тебѣ, что ты красавица, ты бы сперва подумала, что онъ надъ тобою смѣется; но ежелибъ онъ повторилъ тебѣ о томъ нѣсколько разъ, то ты бы начала ему вѣрять. Забывать о своихъ недосшаткахъ очень легко, особливо ежели имѣть такого друга, который бы напоминалъ объ нихъ. Теперь перескажи свою исторію Госпожа М. . .

Г. М. . .

Иаковъ любилъ сына своего *Иосифа* больше, нежели другихъ дѣшей, пошому что онъ гораздо былъ честнѣе своихъ братьевъ, да и родился онъ отъ любезной его жены *Рахили*; но за то братья его и не навидѣли. Въ одинъ

день *Иосифъ* примѣтя за ними дурной поспупокъ, разсказалъ опцу своему *Иакову*, за что братья на него очень осердились. Въ другое время сказалъ онъ имъ: я видѣлъ во снѣ, будто мы всѣ были въ полѣ и вязали снопы, и будто ваши снопы передъ моими упали; а другой сонъ, видѣлъ я, будто солнце, луна и одиннадцать звѣздъ передо мною преклонились. Хотя *Иаковъ* и думалъ, что это сны *Иосифу* отъ Бога посланы, однакожъ онъ бранилъ его, что онъ ихъ разсказываетъ, и говорилъ ему: не ужели ты думаешь, что мать швоя, я и братья будемъ твоими слугами? Прочіе дѣти *Иаковлевы* чрезвычайно на него сердились, и такъ нѣкогда погнали они спада свои въ опдаленное мѣсто. *Иаковъ* послалъ къ нимъ *Иосифа*, чтобъ узнать о ихъ здоровьѣ. Вотъ нашъ сновидѣцъ, сказали они увидя его, надобно его убить. *Рувимъ*, который не такъ былъ жестокъ, какъ другіе, сказалъ имъ: на что намъ его убивать, а лучше бросимъ его въ яму. Онъ говорилъ это съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ ночью притии и *Иосифа* изъ ямы вынуть, но когда онъ отъ нихъ оплучился, увидѣли они пробѣжающихъ въ Египетъ кущовъ, вынули *Иосифа* изъ ямы и продали имъ его какъ неволь-

ника. Руеицъ пришедши въ вечеру освободилъ *Иосифа*, и не нашедши его началъ горько плакать; а братья взявъ *Иосифову* одежду вымарали всю кровью и послали къ *Иакову*, который получа ее подумалъ, что *Иосифа* сбѣлъ какой нибудь дикой звѣрь и чрезвычайно о немъ печалился.

Г. Ш. . . .

Надобно ли, сударыня, снамъ вѣрять?

Г. Доброуравова.

Нѣтъ, моя душа, эшобы превеликая была глупость; правда, что Богъ иногда посылалъ сны вѣрнымъ рабамъ своимъ для открытiя своей воли; но мы такой милости отъ него незаслуживаемъ, да и было это очень рѣдко, и не въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ.

Г. Н. . . .

А я знаю, сударыня, одну Госпожу, которая всякiе сны толкуетъ; она оптадываетъ также и на кофе, и говоритъ всѣмъ, что съ кѣмъ случится: это Госпожа. . . .

Г. Доброуравова.

Никогда не надобно сказывать имени шѣхъ людей, моя душа, о кото-

рыхъ говорятъ что нибудь дурное. Какъ эта Госпожа очень глупа; но и не сказывай, какъ ее зовутъ. Знайте, мои любезные дѣпи, что одному только Богу извѣстно будущее, и очень бы глупо было вѣрить, что будто Богъ принужденъ бываетъ всякой разъ открывать свои тайны, какъ оборотишь кофейную чашку: разумный человекъ долженъ смѣяться надъ всѣми такими суевѣрiями.

Г. Остраумоса.

Однакожь, сударыня, иногда это что о снахъ толкуютъ, и сбывается.

Г. Доброирасоса.

Случается, моя душа, но не больше какъ одинъ разъ изъ тысячи, и это не чаянно. И потому очень глупо печалиться или радоваться по толкованiю сновъ.--- Госпожа Ш. . . . Продолжай ны исторiю объ *Иосифѣ*.

Г. Ш. . . .

Купцы, которые *Иосифа* купили, продали его въ *Египтѣ* большому Господину именемъ *Пентефрiю*. *Иосифѣ* видя себя въ рабствѣ, рѣшился служить ему со всею вѣрностiю и заслужилъ любовь его къ себѣ. *Пентефрiй* имѣлъ

жену очень злую. Она хотѣла *Иосифа* довести до того, чтобы онъ Господи-ну своему измѣнилъ, *Иосифъ* не согла-сился на дурное дѣло, за что жена *Пентефрѣева* осердяся на него сказала мужу своему, что *Иосифъ* не годный человекъ, и что онъ ему невѣренъ. *Пен-тефрѣй* не зная, что жена напрасно кле-веществъ на *Иосифа*, разсердился на не-го и велѣлъ посадить въ темницу. Онъ пробылъ тамъ не мало времени, однако темничный надзиратель пронувъ бу-дучи его добродѣтелью, оказывалъ ему особенное снисхожденіе. Въ тойже темницѣ съ *Иосифомъ* были двое чинов-никовъ Египетскаго Царя *Фарасна*. О-динъ былъ виночерпецъ, то есть, та-кой человекъ, который подноситъ Ца-рю пить, а другой хлѣбникъ. Виночер-пецъ некогда сказалъ *Иосифу*: приви-дѣлось мнѣ во снѣ, будто у меня въ рукахъ былъ прекрасный виноградъ, изъ котораго я надавилъ въ чашку со-ку, и будто Царь зпотъ сокъ выпилъ. *Иосифъ* сказалъ ему: зпотъ сонъ по значимъ, что Царь проститъ тебя и возвратитъ тебѣ первое достоинство, когда же ты возвратишься ко двору, то прошу тебя напомнить обо мнѣ Царю, чтобы онъ мнѣ сдѣлалъ милость выпустить бы меня изъ темницы, по-

тому что я содержусь путь безвино. Хлѣбникъ говорилъ *Иосифу* : и я также видѣлъ сонъ, будто я несъ на головѣ корзину съ хлѣбами, и что пины на лепѣвши весь хлѣбъ расклевали. *Иосифъ* отвѣстиствовалъ ему : это значитъ, что ты будешь повѣшенъ и что пины раскляютъ свое шѣло. Все это збылось; какъ *Иосифъ* предсказывалъ; однакожъ виночерпецъ возвращаясь ко двору о другѣ своемъ *Иосифъ* забылъ, почему онъ и осмался въ темницѣ.

Г. Доброирасова.

Вы видите, любезныя дѣши, что эти сны, шакъ какъ и другіе, о копорыхъ мы говоришь будемъ, посланы отъ Бога для показанія *Иосифовой* невиности. Это было чудо, копорое Богъ сдѣлалъ для того, чтобы награждать его и сдѣлать благополучнымъ. Но не надобно вѣрять, чтобы Богъ дѣлалъ чудеса безъ всякой причины, и чтобы онъ открывалъ людямъ будущее безъ нужды; и шакъ я вамъ еще повторю, что шолковать сны есть дѣло тщетное, и умные люди надъ этимъ смѣются.

Г. Благоразумова.

Миѣ, сударыня, очень досадно на шпова виночерца, копорый забылъ о

бѣдномъ *Иосифѣ*, а особливо когда онъ показалъ ему такую дружбу.

Г. Доброумова.

Придворные люди, моя душа, рѣдко думаютъ о дружбѣ; они больше всего занимающася однимъ только стараніемъ нравиться Государю, чѣмъ составить свое щастіе: они иногда въ состояніи увѣряютъ человека въ дружбѣ своей и въ расположеніи показашъ ему услугу; но лишь только онъ вышелъ, они уже о немъ и не думаютъ; и такъ на всегда надобно вѣрить ихъ обѣщаніямъ, развѣ очень извѣстна ихъ добродѣтель.

Г. Остроумова.

Не ужто и придворныя госпожи таковыже, сударыня?

Г. Доброумова.

Есть всякія, моя душа; но ты не подумай, чѣмбы при дворѣ не было честиныхъ людей. Это такъ какъ и между другими людьми, есть и добрые и худые.

Г. Остроумова.

Мнѣ кажется, ежелибъ я была при дворѣ, то всемъ бы дѣлала услуги.

Г. Доброправова.

Такъ тебѣ кажется, моя душа, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть счастье такъ бы тебя избаловало, что ты бы и на людей не смотрѣла. Но обратимся къ нашей исторіи: замѣтьте, мои любезныя дѣти, что *Иосифъ* послушенъ былъ своему господину, и тому, который надсмаиривалъ надъ темницею, хотя онъ и не такъ рожденъ, чпобъ рабомъ быть, и за то онъ ими любимъ былъ.

Г. М. . .

Не навсегдали, сударыня, *Иосифъ* въ темницѣ остался.

Г. Доброправова.

Нѣтъ, моя душа. Вотъ Госпожа Н. . . Спашетъ продолжать эту исторію?

Г. П. . .

Фараонъ увидѣлъ нѣкогда во снѣ семь коровъ, копорыя такъ были тучны и хороши, что онъ глядя на нихъ любовался. Вдругъ увидѣлъ онъ еще семь коровъ, копорыя такъ были сухи, что одна только была кожа да кости: но эти сухія коровы тучныхъ коровъ сѣбли. Царь проснувшись послалъ ис-

качь по всему *Египту* искусныхъ людей, которые бы прополковали ему эшотъ совъ: однакожь они не могли того здѣлать, по тому что эшо Богу угодно не было. Тутъ шо виночерпецъ вспомнилъ объ *Иосифѣ* и донесъ Царю, что онъ совершенно располковалъ какъ его, такъ и бывшаго съ нимъ въ темницѣ товарища его сны. *Иосифѣ* пошчасъ призванъ былъ предъ Царя и говорилъ ему: Государь! семь коровъ тучныхъ значить, что съ ряду семь годовъ будетъ хлѣбородныхъ; а семь коровъ сухихъ означаютъ шо, что послѣ семи хлѣбородныхъ годовъ будетъ столько же бесплодныхъ. Царь сказалъ на шо *Иосифу*: Когда ты предъзналъ такое бѣдспвіе, шо надобно чтобы ты же преподалъ и средство къ облегченію его. Я даю тебѣ власть дѣлать въ моемъ государствѣ все шо, что ты хочешь. *Иосифѣ* получа отъ Царя такое довѣріе, приказалъ спрощить превеликіе амбары и закупаая весь хлѣбъ, который будетъ оспаваться у кого нибудь сверхъ надобности, ссыпать въ эти амбары, и по эшому его распоряженію въ семь хлѣбородныхъ лѣтъ всѣ они были наполнены рожью. Сперва не знали, для чего эшо *Иосифѣ* дѣлалъ; но по прошествіи семи

лѣшѣ, когда хлѣбѣ совсѣмѣ не родил-
ся, увидѣли шому причину и прину-
ждены были покупать хлѣбѣ изъ Цар-
скихъ амбаровъ, изъ которыхъ про-
дажа поручена была въ полное распо-
ряженіе *Иосифу*. *Фараонъ* узнавши
Иосифову премудрость и добродѣтель,
сдѣлалъ его въ государствѣ своемъ ве-
ликимъ Господиномъ.

Г. М....

Ахъ! я очень рада, Сударыня, что
бѣдный *Иосифъ* освободился изъ тем-
ницы. Скажите пожалуйста, не по-
слалъ ли онъ уведомить отца своего
Иакова, что онъ живъ?

Г. Доброуравова.

Объ этомъ ты услышишь впередъ,
моя душа; а теперь намъ остается
только времени пройти что нибудь
изъ Географіи. Вы помните, что мы
въ Сѣверной части Европы нашли пять
большихъ государствъ. Въ средней
части находилась ихъ четыре; скажи
имъ объ нихъ, Госпожа благоразу-
мова.

Г. Благоразумова.

Къ западу лежитъ *Франція*, въ
которой главный городъ *Парижъ*; къ
востоку отъ *Франціи* *Германія*, въ

которой главный городъ *Вѣна*; къ Сѣверо-востоку отъ *Германіи Польша*, въ которой главный городъ *Варшава*; а къ Югу отъ *Польши Венгерія*, въ которой главнымъ городомъ нынѣ считается *Презбургъ*.

Г. Доброуравова.

Кромѣ сихъ главныхъ частей средней Европы есть еще около *Франціи* три земли: къ Сѣверу *Нидерланды*; къ востоку *Швейцарія* и *Савоія*, но послѣдняя больше лежитъ къ Югу, нежели *Швейцарія*.

Г. Остроумова..

А которая земля шочно называется *Нидерландами*?

Г. Доброуравова.

Та, которая лежитъ между Сѣвернымъ моремъ, *Франціею* и *Германіею*. а называется она *Нидерландами* отъ того, что лежитъ къ морю и большею частию на ровныхъ и не высокихъ мѣстахъ. Они раздѣляются на Сѣверные или *Протестантскіе*, и на Южные или *Католическіе Нидерланды*. Сѣверные *Нидерланды* двояко же называются, какъ то: соединенными *Нидерландами*, потому что они соединились вмѣстѣ и отпали отъ Государя своего

Короля *Испанскаго*, который началъ было ушѣслять ихъ; также и *Голландію*, по имени одной изъ главныхъ семи провинцій, въ кошорой главный городъ *Амстердамъ*.

Г. Ш. . . .

Развѣ въ этихъ Провинціяхъ Короля нѣтъ, сударыня?

Г. *Добронравова*.

Нѣтъ, моя душа, эта земля есть республика, то есть, такое общество, которое управляется не однимъ, а многими; а такое Государство, которымъ управляетъ одна особа, называется *Монархією*.

Г. *Остроумова*.

Не имѣютъ ли кагото нибудь другаго названія и *Католическіе Нидерланды*.

Г. *Добронравова*.

Они иначе называются *Фландрією*, по имени одной изъ главныхъ провинцій. Сія часть *Нидерландовъ* принадлежитъ тремъ владытелямъ: Королю *Французскому*, Королю *Венгерскому* и *Соединеннымъ Нидерландамъ* или *Голландіи*. Та часть, которая принадлежитъ Королю *Французскому*, назы-

вается Французскою Фландрією; другая, принадлежащая Королю Венгерскому, называется Австрійскою Фландрією, въ которой главный городъ *Бриссель*; а часть, принадлежащая Соединеннымъ Нидерландамъ, называется Голландскою Фландрією.

Г. М. . . .

А какой, сударыня, въ *Савои* главный городъ?

Г. Доброцравова.

Шамбери, *Савойская* земля чрезвычайно гориста и вершины горъ ея всегда покрыты бывающъ снѣгомъ, а долины льдомъ. Она принадлежитъ Королю *Сардинскому*. Въ *Швейцаріи* же главный городъ *Базель*. *Швейцарія* какъ возвышенностію мѣстоположенія, такъ и вольностію есть превосходнѣйшая земля въ Европѣ. Она состоитъ изъ тринадцати Кантоновъ, или провинцій и нѣкоторыхъ другихъ союзныхъ провинцій, кои одна отъ другой вовсе независимы и всѣ вообще составляютъ сильнѣйшую республику.

Прощайте, мои любезныя дѣти; не забывайте, что вы сего дня слышали, а я къ первому свиданію постараюсь сыскать для васъ сказочку.

РАЗГОВОРЪ ХІ.

ДЕНЬ ІХ.

Г. Остроумова.

Я. Сударыня, слышала вчера прекрасную Испорійку, кошорую, ежели вамъ это будетъ угодно, разскажу своимъ подружкамъ; да это не сказка, а то, что случилось съ одною женщиною, которую мапушка моя знаетъ. Она вчера получила письмо, въ которомъ ей объ этомъ произшествіи пишушъ.

Г. Добронрасова.

Очень хорошо, моя душа, и я съ ними послушаю.

Г. Остроумова.

Мапушка моя знала одну женщину, у которой была дочь *Юлія*. Она была рѣдкая въ свѣтѣ дѣвица; никогда не дѣлала никакова зла не только людямъ, ниже живошнымъ, и огорчалась даже за то, ежели кто убьетъ муху. Нѣкогда *Юлія* прохаживаяся увидѣла, что робяшты тащашъ на веревкѣ собаченку и хотятъ ее въ рѣкѣ утопить. Собаченка эта была прегадкая и вся

запачкана грязью. *Юлія* сжалась надъ нею просила робящъ , чпобъ они оидали ей собаченку , и обѣщала за шо даць имъ денегъ. Къ чему вамъ , сударыня, эша скверная собаченка , говорила ей мамка !

Да, это правда, что она очень гадка , сказала *Юлія* , однако она нещаслива ; ежели я ее шакъ оснавлю , то никто надъ нею не сжалился. Она велѣла собаченку вымышь , взяла съ собою въ карету и привезла домой, гдѣ всѣ надъ нею смѣялись ; однако она при всемъ томъ держала у себя это бѣдное животиное цѣлые три года. За недѣлю передъ эшимъ случаемъ *Юлія* легла спать, и лишь только заснула , собаченка вскочивши къ ней на постелю спала шащипъ ее за рукавъ и шакъ громко залаяла , что она проснулась. Какъ у нее въ впальцѣ была лампада , увидѣла она , что собаченка лая шмошришь подъ постелю. *Юлія* испугалась , вскочила , побѣжала къ дверямъ и кликнула людей , кошорые по шаспью тогда еще не спали. Они вошедши въ спальню, нашли подъ кроватью вора , у кошорато былъ въ рукахъ ножъ , и воръ эшотъ признался , что онъ ночью хотѣлъ *Юлію* зарѣзать и взять ее брѣмѣшны. Такимъ

образомъ собаченка избавила ее отъ смерти.

Г. Добронравова.

Ты правду сказала, моя душа, что исторійка прекрасная. Сожалѣніе и оживотныхъ есть знакъ великодушнаго сердца, и мнѣ чрезвычайно нравится эта мысль твоей *Юліи*: *хотя она очень гадка, однако несчастлива.* Человѣкъ добраго свойства имѣетъ уваженіе ко всему тому, что несчастливо, а по тому честные люди всегда обходясь ласково и съ рабами своими и наемниками.

Г. М . . .

Развѣ они несчастливы, сударыня?

Г. Добронравова.

Ежелибъ ты, моя душа, на ихъ была мѣспѣ, то увѣрилась бы въ этомъ. Напримѣръ; надзирательница твоя имѣла нѣкогда у себя рабовъ, повелѣвала ими, и они ей были послушны; а когда она спала бѣдна, то принуждена теперь и сама у другихъ быть въ послушаніи: ты, я чаю, признаешься, что такое положеніе не легко. Другіе служители, которые никогда не были богаты, не могутъ почитать себя не-

щастливыми, ежели господа ихъ добрые люди. Но ежели бранятъ ихъ всегда безвинно, презираютъ, и говорятъ съ ними сердито, то конечно они подумаютъ: какъ мы несчастливы, что бѣдность принуждаетъ насъ служить негоднымъ людямъ, которые такъ жестоко съ ними обходятся, и говорятъ какъ съ невольниками, будучи и сами такое же созданіе, какъ мы! Изъ самыхъ лучшихъ господъ бывають иногда такія прихоти, которыя рабамъ очень тягостны; и такъ надобно жалѣть о нихъ, моя душа, и помнить, что состояніе ихъ и само по себѣ очень не выгодно. Лакей твой, въ то самое время, когда ты ѣдешь куда нибудь, сидя покойно въ каретѣ, подверженъ терпѣть дождь, вѣтеръ или жестокую спужу. Есть тысяча случаевъ къ огорченію, и по тому это не проспительная жестокость, чтобъ прибавлять имъ еще больше горести. Я также думаю и о тѣхъ, которые доспаютъ себѣ трудами пропитаніе: надобно очень остерегаться, чтобъ и ихъ не огорчить. Пошлешь ты, на примѣръ, за какимъ нибудь мастеровымъ, и когда онъ придетъ къ тебѣ, ты велишь ему или два часа дожидаться, или ипши домой и приходишь въ другое

время, для того, что будто теперь тебѣ говорить съ нимъ недосугъ: вѣшь это и не придетъ тебѣ въ голову, что онъ въ то время, когда къ тебѣ ходитъ, ничего уже не дѣлаетъ; что ты опинимашь у него время; что принужденъ будетъ работать во всю ночь, чтобъ кончить свое дѣло, а безъ того у него и хлѣба не будетъ: не правда ли, что съ ними дурно поступаютъ?

Г. Остроумова.

Это подлинно правда, Сударыня, да вѣшь это и въ голову не приходишь, что мы такъ дурно поступаемъ. Башмачникъ мой и портной ходятъ иногда раза по три и по четыре, чтобъ заспать меня на досугъ, и снять мѣрку. Какъ мнѣ жалко, когда я объ этомъ вспомню. А что сударыня, до рабовъ касается, они мнѣ кажется, такіе упрямцы и грубіяны, что заслуживающъ ли только сожалѣніе.

Г. Доброурадова.

По большой часши, моя душа, рабы опъ дурныхъ Господъ дурны бываютъ: ты не любишь ихъ, а они тебя и того меньше, они служатъ тебѣ по нуждѣ, но въ то же время проклинаютъ бѣдность свою, которая

ихъ служить заспаваляешъ. Я никогда этого не забуду, какъ Госпожа Б., . . . говаривала своей дочери, которая уже умерла, и которая со временемъ конечно могла бы служить примвромъ для для всѣхъ женщинъ: „Ежели ты хочешь, чтобъ тебѣ усердно служили, моя душа, то постарайся поступать такъ, чтобъ служили съ удовольствіемъ, а не изъ одной только прибыли; что бы служители твои думали не о деньгахъ, которыя ты имъ дашь, а объ ласкѣ, которую ты имъ оказываешь. Не говори съ ними никогда грубо, и поступай такъ, чтобъ они изъ лица твоего и словъ могли узнать, что ты услугами ихъ довольна; что ты принимаешь участіе въ ихъ благополучіи, въ болѣзняхъ и огорченіяхъ. Ежели ты будешь слѣдовать моимъ совѣтамъ, то рабы твои будутъ тебя почитать мащерию и уважать какъ Господу, и захотятъ лучше у тебя служить изъ одного хлѣба, нежели въ другомъ домѣ за большія деньги. „Бошь, мои любезныя дѣти, что говорила зпа почтенная Госпожа дочери своей, и она не будучи еще хозяйкою такъ наблюдала мащери своей наставленія, что ее всѣ домашніе любили чрезвычайно.

Ежели ей что нибудь надобно было, то она всегда говаривала кому нибудь изъ нихъ : пожалуй, сдѣлай это, и всегда благодарила имъ за всякую услугу съ видомъ ласковости и удовольствія ; а ежели когда и выговаривала имъ за какую нибудь погрѣшность, то дѣлала это безъ сердца и безъ брани, такъ-то они уже послѣ боялись прогнѣвить ее. Когда она умерла, они всѣ такъ плакали, какъ будто бы лишились самой близкой родственницы.

Г. Остроумова.

Ахъ ! Сударыня, мнѣ очень хочется быть похожею на эту милую дѣвцу, и съ этова времени буду стараться, сколько можно, ласково поступать съ людьми ; одно только мѣшаетъ, что мамка всегда меня бранитъ, когда я съ ними разговариваю.

Г. Добронравова.

Она хорошо дѣлаетъ, моя душа ; съ рабами надобно поступать ласково ; да не надобно съ ними дружитья. Они энова они теряютъ должное къ господамъ уваженіе.

Г. Ш. . . .

А что это значить, Сударыня, дружитья съ рабами ?

Г. Доброиравова.

Это значитъ , говорить съ ними безъ нужды, смѣяться и шушнить, спрашивать у нихъ о новостяхъ и рассказывать имъ что дѣлается, чего никакъ дѣлать не надобно.

Г. Н. . .

Да какъ же , Сударыня , мапушка моя всегда такъ поступаетъ съ своею старушкою; она говоритъ ей обо всемъ, что ни дѣлаетъ , и старушка иногда такъ ее бранишь , какъ внучку ?

Г. Доброиравова.

Послушай , моя душа , объ этомъ не должно никогда рассказывать другимъ , что дѣлаетъ твоя мапушка , особливо ежели что нибудь дурное. Да при томъ же , я тебѣ скажу , что мапушка твоя это не душно дѣлаетъ. Старушка эта живетъ уже у нее лѣтъ дваццать , любитъ ее чрезвычайно и идетъ къ другимъ Госпожамъ , которыя ее къ себѣ зовушь , ни за какія деньги. Когда мапушка твоя бываетъ больна, она проводитъ безъ сна цѣлыя ночи и ходитъ за нею какъ за дитятею , и сверхъ того она такой честной человекъ , что всегда мапушкѣ твоей давала добрые совѣты и никогда

предъ нею не лукавила. Ежели кто по щасью имѣеть такова челоуѣка, то долженъ не иначе почитать его, какъ другомъ своимъ и прощать ему эту смѣлость, что онъ иногда бранивъ, потому что онъ дѣлаеть это отъ любви и для господской же пользы; но такіе люди очень рѣдки: и для того можно вообще сказать, что съ служилыми дружить опасно. Однакожъ я говоря объ нихъ и забыла о прекрасной сказочкѣ, которую хотѣла сказать вамъ; мы ее вчера читали съ Госпожею *Благоразумовою*, которая вамъ ее и скажетъ.

Г. Благоразумова.

Нѣкоторой челоуѣкъ идучи дорогою, въ лѣсу заблудился. Это случилось съ нимъ въ сумеркахъ, и потому рѣшился онъ искать себѣ безопаснаго убѣжища. Нашедши по щасью пещеру, вошелъ онъ въ нее и расположился пробыть тамъ до утра. Спустия нѣсколько минутъ, увидѣвъ онъ пришедшаго къ пещерѣ льва, и думая, что онъ конечно съѣстъ его, испугался. Левъ подходилъ къ нему на трехъ лапахъ, а четвертая была подогнута, и давалъ ему знакъ, что онъ очень боленъ. Путешественникъ нѣсколько ободрясь, началъ вма-

приващаться, и въ подогнутой лапѣ на-шелъ превеликую занозу, вынулъ ее, и разодравши свой носовой платокъ, обвязалъ больное мѣсто. Левъ изъ благодарности ласкался къ нему, какъ самая ласковая собака и никакова ему не сдѣлалъ вреда. Пупешественникъ по утру вспавши отправился благополучно въ пущь. По прошествіи нѣскольکو лѣтъ, эшоу самой человекъ за какое-то преступленіе осужденъ былъ на расперзаніе дикимъ звѣрямъ. Когда уже онъ находился на площади, которая въ Римѣ нарочно сдѣлана была для разныхъ позорищъ, выпустили противъ него лютаго льва, которой и кинулся къ нему съ шѣмъ, чинобъ его сожрать; но приближась къ нему осшановился, усшремилъ на него яросшвые глаза, и узнавши въ немъ того самаго, которой у него изъ ноги вытащилъ занозу, подошелъ къ нему еще ближе, и кивая головою и хвостомъ объявлялъ свое удовольствіе, что опяшь его видншъ. Зрители чрезвычайно шому дивились, такъ какъ и Императоръ, который подозвавши къ себѣ осужденнаго, спрашивалъ, какая бы шому была причина? Преступникъ разскалъ ему все произшествіе и получилъ прощеніе.

Г. Ш. . . .

Да развѣ, сударыня, и Императоры смотрѣли, какъ мучили преступниковъ? Миѣ кажется, что ужь очень не пристойно.

Г. Добронравова.

Точно такъ, душа моя; а что всего хуже, тогда самыя Госпожи и всѣ благородные люди смотрѣли на такія ужасныя позорища, и бѣжали туда такъ какъ на оперу или комедію. Забавлялись такъ же зрѣніемъ, какъ дрались люди, которыхъ называли *бойцами* и которые за деньги разрывали другъ друга на части.

Г. М. . .

Ахъ! какъ я рада, сударыня, что родилась не въ эпомѣ скверномъ народѣ. Не очень давно два человѣка дрались передъ моимъ окошкомъ, и я право не могла смотрѣть на нихъ; а дѣвка моя увидя это, говорила миѣ, что для нее это очень пріятно, потому что никогда еще не видала такой пошлѣхи. Съ шѣхъ поръ я ее не возлюбила. Я не знаю, для чего не запрещающъ этимъ людямъ драться? Ежелибъ это было въ моей волѣ, я бы ихъ сажала въ тюрьму.

Г. Остроумова.

Я бы и сама то же дѣлала, мой свѣтъ; а ешь люди, которые въ самомъ дѣлѣ любятъ, глядя на такое звѣрство. Я одинъ разъ бѣдуя по улицѣ въ каретѣ, видѣла, что одинъ у другога прокусилъ до крови руку какъ собака, и бранила тѣхъ, которые смотрѣли на ихъ драку, для чего они ихъ не уймутъ; однакожъ они этому только смѣялись.

Г. Добронравова.

Это показываетъ ваше доброе сердце, мои любезныя дѣши, что вы гнушаешься такими пошутками. --- Теперь не пора ли намъ повторить исторію? начни Госпожа Н. . .

Г. Н. . . .

Это вы знаете, сестрицы, что у *Иакова* множество было дѣшей и служителей. У него шакъ было мало хлѣба, что ихъ всѣхъ прокормить было не чѣмъ. Услыша, что въ Египтѣ продается хлѣбъ, сказалъ онъ сыновьямъ своимъ: возьмите деньги, побѣжайте въ Египетъ и закупите тамъ хлѣба. Десять сыновей отправились въ Египетъ, а меньшей *Веніаминъ* остался дома. Дѣши *Иакова* пришедши къ *Иосифу*

фу, совсѣмъ его не узнали, но онъ узналъ ихъ и припворясь сердитымъ, сказалъ: вы конечно лазуилчики и приѣхали сюда съ шѣмъ, чѣмъ Царю измѣнить? Они падши предъ нимъ на колѣни, отвѣстивовали: нѣшъ, Государь, мы не лазуилчики, а всѣ родные братья; у насъ и еще есть одинъ братъ, которъй остался дома, а другой давно уже умеръ. Обманываете вы меня, сказалъ *Иосифъ*, и я вамъ до шѣхъ поръ не повѣрю, пока вы не привезете сюда меньшова своего брата. Тогда братья *Иосифовы* не узнавая его, и думая, что онъ языка ихъ не понимаетъ, говорили: конечно Богъ насъ наказываетъ, что мы погубили брата своего *Иосифа*, которъй просилъ насъ о помилованіи. *Иосифъ* однакожъ не забылъ языка своего опечеснва, и понявши, что они говорили, сказалъ имъ: возвратитесь къ своему отцу и непременно привезите ко мнѣ *Веніамина*; между шѣмъ я оставлю одного изъ васъ въ темницѣ, и ежели вы не возвратитесь, то велю умершннть его. Девятеро братьевъ возвратились къ отцу своему, и когда стали развязывать мѣшки съ хлѣбомъ, чрезвычайно удивились нашедши въ нихъ шѣ деньги, которыя имъ даны отъ отца на покупку хлѣба, и которыя

они заплашили. Однакожъ *Иосифъ* велѣлъ тайно положить ихъ въ мѣшки. Между шѣмъ рассказали они отцу, что съ ними случилось; при всемъ томъ *Иаковъ* не хотѣлъ отпустить *Венямина*; но какъ у нихъ опять не стало хлѣба и надобно было опять ѣхать въ Египетъ, чего однакожъ безъ *Венямина* сдѣлать они не могли, то старшій братъ *Рувимъ* поклялся отцу, что онъ *Венямина* привезетъ къ нему благополучно и *Иаковъ* на то согласился.

Г. Доброурадова.

Продолжай ты, душа моя, Госпожа М. . .

Г. М. . .

Иосифъ увидя меньшаго своего брата, чрезвычайно обрадовался, и *Симеона*, который содержался въ ямевицѣ, велѣлъ выпустить; между шѣмъ приказалъ всѣхъ ихъ позвать къ себѣ, чтобы вмѣстѣ съ ними обѣдать. Они услыша о томъ, оробѣли и говорили дворецкому *Иосифову*: мы не знаемъ, какъ это случилось, что шѣ самыя деньги, которыя мы въ прежній нашъ сюда прїездъ за хлѣбъ заплашили, очутились опять въ мѣшкахъ. Дворецкой отвѣчалъ имъ: будьте спокойны,

я деньги отъ васъ получилъ и ничего больше не требую. Когда они приведены были къ *Иосифу*, онъ спрашивалъ у нихъ, здоровъ ли отецъ ихъ *Иаковъ*? И смотря на *Веніамина*, которой такъ же родился отъ *Рахили*, не могъ отъ слезъ удержаться и пошчасъ вышелъ въ другую комнату. Потомъ сѣли за столъ. *Иосифъ* подчивалъ прилѣжно всѣхъ своихъ братьевъ, а *Веніаминъ* въ пятеро больше, нежели другихъ. На другой день приказалъ онъ дворецкому своему насыпать хлѣба и между тѣмъ положить въ *Веніаминовъ* мѣшокъ спдающую золотую чашу, изъ которой онъ всегда самъ пилъ. Когда они отправились въ путь и выѣхали на поле, увидѣли бѣгущаго за ними дворецкаго, которой кричалъ: вы воры и бездѣльники; Господишъ мой оказалъ вамъ въ домъ своемъ особливую милость, а вы вмѣсто благодарности украли у него золотую чашу. Они всѣ опвѣстествовали ему: мы въ этомъ совѣмъ неповинны, а ежели ты у кого нибудь изъ насъ сыщешь эту чашу, то мы соглашаемся остаться у *Иосифа* рабами. Стали осматривать мѣшки, и въ *Веніаминовомъ* нашлась чаша. Они возвратились всѣ къ *Иосифу*, но онъ сказалъ имъ: это бы не справедливо было,

чтобъ невинные за виноватаго отвѣчали, побѣжайте къ своему отцу, а у меня останешся рабомъ только только, у кого найдена чаша. *Рувимъ* бросаясь къ *Иосифовымъ* ногамъ, говорилъ ему: не прогнѣвайся, Государь, на прошение мое, сдѣлай намъ послѣднюю милость, оставь меня рабомъ вмѣсто *Венямина*; потому что отецъ нашъ увидя насъ возвратившихся безъ него, умретъ отъ горести. *Иосифъ* не въ силахъ уже будучи удержанъ слезъ своихъ, приказалъ всѣмъ выйти, и оставшись съ одними братьями своими, сказалъ имъ: я *Иосифъ* братъ вашъ, котораго вы продали, но я вамъ прощаю и вы ничего не бойтесь. Можетъ быть Богъ позволилъ вамъ такъ поступить со мною для того, чтобы я васъ въ такое время снабдилъ хлѣбомъ. Между тѣмъ узналъ *Фараонъ* о семъ происшествіи и очень радъ былъ, что *Иосифъ* нашелъ своихъ братьевъ; возьми у меня колесницы, говорилъ онъ ему, и пошли къ отцу своему: я хочу, чтобъ онъ переселился сюда со всѣмъ своимъ сѣмействомъ и дамъ ему самую лучшую землю для поселенія. Послѣ того *Иосифъ* оказавъ великія ласки братьямъ своимъ, особливо *Венямину*, надѣлилъ ихъ дорогими подарками и отпустилъ

ихъ съ тѣмъ, чтобъ они привезли отца своего *Иакова*.

Г. *Добронравова*.

Продолжай, Госпожа Ш. . .

Г. Ш. . . .

Иосифовы братья возвратясь къ отцу своему говорили ему: роднисьль нашъ, сынъ твой *Иосифъ* не умеръ и сдѣлался великимъ Господиномъ. Онъ всю надѣляетъ всю Египетскую землю хлѣбомъ. *Иаковъ* съ начала не повѣрилъ сему; но, увидя разные присланные къ нему подарки, повѣрилъ, благодарилъ Бога и проливалъ радостныя слезы. Вскорѣ послѣ того отправился онъ со всѣмъ своимъ семействомъ во Египетъ, чтобъ видѣть любезнаго своего сына. *Иосифъ* увидя его, въ несказанной былъ радости и представилъ его Царю, который спрашивалъ у *Иакова*, сколько лѣтъ ему? Я живу на свѣтѣ сто тридцать лѣтъ, оповѣстывалъ *Иаковъ*, дни жизни моей крапки и бѣдствены. *Фараонъ* *Иакову* и дѣляемъ его далъ самую лучшую землю, гдѣ множество было луговъ для паствы стадъ его. *Иаковъ* прожилъ тамо немало лѣтъ. Прежде смерти своей онъ предсказалъ дѣтямъ своимъ все то, что должно

было съ ними воспослѣдовать и *Иуду* сына своего обнадѣжилъ, что родъ его увѣщанъ и держава его утвердился. По смерти тѣло его перенесено было къ его предкамъ, потому что онъ при жизни своей просилъ о томъ *Иосифа* и обязалъ его кляшвою. *Иосифъ* жилъ очень долго, и какъ Богъ открылъ ему, что потомки *Иаковли*, которые названы *Израильтянами*, будутъ изъ Египта выведены, то онъ заклалъ дѣтей своихъ взять опшуда кости его и погребени вмѣстѣ съ *Иаковомъ*.

Г. Остроумова.

Ахъ! сударыня, я не могла отъ слезъ удержаться, слушая эту испорію. *Иосифъ* былъ очень честной чело-вѣкъ, что сдѣлалъ столько добра своимъ братьямъ, которые шакъ жестоко съ ними поступили!

Г. Доброзраева.

Когда *Иаковъ* умеръ, то братья его боялись, чтобъ онъ не сталъ мстить имъ; но онъ всегда увѣряя ихъ въ любви своей, говорилъ имъ, что онъ сдѣлался рабомъ по волю божеской, и что онъ учивенную ему отъ нихъ обиду прощаетъ имъ отъ чистаго сердца.

Г. *Благоразумова.*

Я, сударыня, не могу надивиться божеской премудрости, и что чрезъ самую злобу человѣческую намѣренія его исполняются. Кто бы не подумалъ, что *Иосифъ* самый несчастный человѣкъ, имѣя такихъ злыхъ братьевъ, будучи проданъ въ рабство, оклеветанъ *Пен-тефрїевою* женою и посаженъ въ темницу? Однакожь, ежели бы всѣхъ сказанныхъ несчастій съ нимъ не послѣдовало, онъ не имѣлъ бы случая спасти Египетъ и сѣмейство свое и простить своимъ братьямъ.

Г. Ш. . . .

Да развѣ, сударыня, это пріятно, чѣмъ бы прощали шѣмъ людямъ, кошорые намъ много зла дѣлаютъ?

Г. *Добронравова.*

Это, моя душа, самое величайшее удовольствіе: ты разсуди по себѣ объ этомъ. Положимъ на примѣръ, что ты бы чрезвычайно на меня разсердилась, разругала бы меня, отняла бы у меня деньги и выцарапала мнѣ глаза, и что послѣ всей этой обиды нашла бы я шебя въ лѣсу умирающую съ голода и шебя бы накормила; не правда ли, что ты бы сказала въ то время: ахъ! какъ

я зла, что обидѣла такую добродѣтельную женщину !

Г. Ш. . . .

Вы, сударыня, однимъ эпитетъ примѣромъ довели меня до слезъ. Клянусь вамъ, что я бы измучилась обидя васъ ; просила бы у васъ прощенія и старалась бы сколько можно сдѣлать вамъ добра, чтобъ только вы забыли о моемъ худомъ съ вами поступкѣ.

Г. Доброуравова.

Послѣ эпизода, моя душа, и я бы чрезвычайно была довольна, увидя твое раскаяніе. Это бы мнѣ несравненно принесло больше удовольствія, нежели опмѣщеніе, изъ котораго бы одно только шо вышло, чтобы ты больше прошивъ меня ожесточилась.

Г. Остроумова.

А ежелибъ она вмѣсто благодарности за шо, что вы ее накормили, еще старалась вамъ зло дѣлать, шо вы бы не имѣли удовольствія видѣть ее въ раскаяніи.

Г. Ш. . . .

Повѣрь мнѣ, сударыня, что я не такъ зла, какъ ты думаешь, и что я никогда бы не согласилась дѣлать зло

шакому челоѡкѡ, который бы ко мнѡ столько былъ милосерднѡ.

Г. Остроумова.

(Обнявъ ее). Я въ этомъ увѡрена, мой свѡшъ; а говорю только для того, что ежелибъ это случилось.

Г. Доброуравова.

Положимъ и такъ, что Госпожа Ш. . . Или другая на ея мѡстѡ и послѡ того, какъ я воздавала бы ей за зло добромъ, такъ же бы была злобна, какъ и прежде, то я бы все имѡла то удовольствнѡе что исполнила мой долгъ; такое удовольствнѡе дороже всего на свѡшъ и врати наши лишнѡе его насъ не могутъ.

Г. Благоразумова.

Позволили ли вы мнѡ, сударыня, сказать моимъ прнѡтельницамъ прекрасную исторнѡеку, о кошорой я теперь вспомнила?

Г. Доброуравова.

Охотно, моя душа.

Г. Благоразумова.

Некоторой челоѡкѡ, именемъ *Ликуръ*, издавъ для города *Спарты* законы, кошерые одному молодому челоѡ

вѣку, не любившему *Ликурга*, не понравились. Онъ выбравъ удобный случай, ударилъ законодателя палкою и выкололъ ему глазъ. *Спартанскіе* жители говорили *Ликургу*: возьми этого негоднаго человѣка и накажи его, какъ тебѣ угодно. Очень изрядно, отвѣчалъ *Ликургъ*, я его такъ накажу, что всѣ будутъ дивиться. Онъ взявъ сего юношу въ свой домъ, поступалъ съ нимъ, какъ съ сыномъ своимъ, и каждый день швердилъ ему, что нѣтъ большаго лучше, какъ прощать врагамъ своимъ обиды и быть кротку и честнымъ человѣкомъ. Юноша такъ былъ пронуть *Ликурге*вымъ добродушіемъ, что рѣшился уподобиться ему въ помъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ удивлялись *Ликургу* мщению; но юноша говорилъ: я отъ него наказанъ болѣе, нежели вы думаете; ежелибъ онъ велѣлъ умертвить меня, я бы поспрадалъ одну только минуточку, а теперь онъ довелъ меня до того, что я во всю свою жизнь страдашь буду о моемъ съ нимъ поступкѣ.

Г. Доброирасова.

Отмѣнная исторійка, моя душа; да ты же очень хорошо ее рассказала. Теперь пройдемъ что нибудь изъ Географіи. Я вамъ обѣщала сказать, какъ

Часть II. Д

называются южныя части Европы. Въ ней главныхъ частей пять: къ Юго-западу лежитъ *Португаллія*; къ Востоку отъ *Португалліи* *Испанія*; къ Востоку же отъ *Испаніи* находится великое море, которое называется *Средиземнымъ*; за симъ моремъ лежитъ *Италія*; отъ *Итали* къ Востоку *Европейская Турція*; а къ Северо-востоку отъ *Европейской Турціи* малая *Татарія*. Въ *Португаліи* главный городъ *Лиссабонъ*, въ *Испаніи* *Мадридъ*, въ *Италіи* *Римъ*, въ *Турціи* *Константинополь*, въ малой же *Татаріи* городовъ нѣтъ, потому что это народъ кочуетъ въ кибиткахъ, или въ шелашахъ, какъ дѣлывалъ *Авраамъ*.

Г. М. . . .

Госпожа Благоразумова, *Сударыня* сказала такое слово, котораго не понимаю; что это значитъ законодатель?

Г. *Добронравова*.

Законодательемъ называется тотъ, кто издаетъ законы, какъ-то *Ликургъ* издалъ законы для города *Спарты*, почему онъ и законодательемъ названъ.

РАЗГОВОРЪ XII.

ДЕНЬ X.

Г. Ш. . . .

Я, Сударыня, нашла въ одной книгѣ все, что вы намъ изъ Географіи сказывали, да и еще много шакова, что мнѣ очень понравилось, и я наизусть выучила.

Г. Доброцрасова.

Посмотримъ, моя душа, что такое ты выучила.

Г. Ш. . . .

Я выучилась, Сударыня, ъздить по всѣмъ Европейскимъ морямъ, пробѣжая чрезъ проливы. Ежелибъ я сѣла на корабль на восточномъ Европейскомъ морѣ, называемомъ *Азовскимъ*, то чрезъ *Кафской* проливъ вышла бы изъ него и пошла бы въ *Черное* море. Изъ *Чернаго* моря чрезъ *Константинопольской* проливъ выѣхала бы въ *Марморное* море, а изъ *Марморнаго* моря чрезъ *Дарданеллы* въ *Средиземное* море. Между *Италіею* и *Сициліею* нашла бы я ширъ проливъ *Фаро ди Мессина*, о которомъ вы намъ говорили. Между островами *Корсикою* и *Сардиніею*, которые также на *Средиземномъ* морѣ,

нашла бы я проливъ Св. *Бонифатія*. Изъ *Средиземнаго* моря чрезъ *Гибралтарской* проливъ вошла бы въ восточной *Океанъ*. Между *Франціею* и *Англіею* нашла бы каналъ *Британской*. Оптуда чрезъ *Дуерской* проливъ вышла бы въ *Съверное* или *Нѣмецкое* море, и наконецъ черезъ *Зундъ* въ море *Балтійское*.

Г. *Доброуравова.*

Отдохни, моя душа; ты, я чаю, устала отъ такого путешествія.

Г. Ш. . . .

Ничего не устала, Сударыня. Теперь мнѣ хочется узнать по имянно всѣ *Европейскія* горы и заливы.

Г. *Доброуравова.*

Очень хорошо, моя душа; а я тебѣ за то скажу сказочку.

У нѣкоторой Госпожи было двѣ дочери. Старшая именемъ *Аврора* чрезвычайно хороша была лицомъ и добраго свойства, а меньшая *Любима*, хотя лицомъ также хороша была, но очень была зла и разумъ свой на зло только употребляла. Мать ихъ въ молодости также не послѣдняя была красавица; но она уже стала состарѣваться и чрезмѣрно о томъ печалилась. *Аврорѣ*

было шестнадцать лѣтъ, а *Любимѣ* двенадцать; и по тому мать бояся, чпобѣ не почитали ее сшарухою, оставила свою родину, гдѣ ее всѣ знали, и переѣхала въ другой городѣ, а сшаршую дочь свою послала въ деревню, не хошя показатъ, чпо она имѣетъ дочь въ такихъ уже лѣпахъ. Меньшую дочь оставила у себя и увѣряла всѣхъ, чпо *Любимѣ* только десять лѣтъ, и чпо она родила ее будучи пятнашцаши лѣтъ. Между тѣмъ *Аврора* ѣхала дорогою, и уснула въ лѣсу; человекѣ, которому поручено было отвезти ее въ дальнюю деревню, ее тамъ оставилъ. Проснувшись и видя себя одну въ лѣсу, стала она плакатъ; это же случилось въ сумерки. Вставши спаралась она сыскатъ дорогу, чпобѣ изъ лѣса выйтти; но вмѣсто того еще больше заблудилась. Наконецъ увидѣла вдали свѣтъ, пошла въ ту сторону и по щаспю нашла небольшую хижищу. Она постучала въ двери, которыя пашпушка топчасѣ отворила и спрашивала у нее, за чемъ она пришла? Сдѣлай милоспѣ, сказала ей *Аврора*: позволь мнѣ переночеватъ въ пвоемѣ домѣ; а ежели мнѣ оспатъся въ лѣсу, то конечно волки сѣдѣятъ меня. Я охотно на это соглашаюсь, мой свѣтъ,

отвѣчала пастушка : да скажи мнѣ , за чемъ ты такъ поздно ходишь по лѣсу ? *Аврора* рассказала ей все происшествіе , прибавя къ тому , какъ я нещаслива ! что имѣю такую жестокую мать ; лучше бы мнѣ было умереть при самомъ рожденіи , нежели опасаться живой на такое злощастіе : чѣмъ я прогнѣвала Бога , что онъ послалъ мнѣ такую горькую долю ? Ахъ ! никогда не ропщи , моя душа , противъ Бога ; онъ всемогущъ , премудръ и милосивъ , и ты должна вѣрить , что онъ послалъ тебѣ нещастіе для пользы швоей : отдайся въ его святую волю и будь увѣрена , что онъ защититъ всѣмъ добрымъ людямъ , и что случающіяся имъ огорченія не всегда влекутъ нещастіе ; живи со мною , ежели хочешь , я тебѣ буду вмѣсто матери и буду тебя любить , какъ дочь свою . *Аврора* на предложеніе ея охотно согласилась . На другой день пастушка ей говорила : мнѣ бы хотѣлось поручить тебѣ стеречь не большое стадо , да боюсь я , чтобъ ты не соскучила ; такъ не лучше ли тебѣ взять пряслицу и прясль , это не множокъ будетъ для тебя повеселѣе . Вѣшь я благородная , матушка , такъ работашь ничего не умѣю . Ну , можешь за-

ниматься книжкою , сказала пастушка . Я не люблю читать , отвѣчала *Аврора* покраснѣвши и стыдяся признаться предъ волшебницею , что она и читать хорошо не умѣла . Однакожъ надобно было сказать правду , и потому она открылась пастушкѣ , что она въ малолѣтствѣ терпѣть не могла чтенія , а выросши не имѣла на то времени . Видно ты очень занята была дѣломъ ? сказала пастушка . Точно такъ , матушка , отвѣчала *Аврора* ; по утруамъ всегда прогуливалась я съ многими подругами ; послѣ обѣда убиралась ; въ вечеру ѣздила въ собранія , въ оперу и въ комедію , а ночью на балъ . И въ самомъ дѣлѣ сказала пастушка ты очень занята была и безъ сомнѣнія ты никогда не знала скуки ? Напротивъ того , отвѣчала *Аврора* , ежели когда нибудь случилось мнѣ на четверть часа одной оставаться , то на меня смертельная находила скука ; а когда мы въ деревнѣ бывали , то и того больше : тамъ я отъ скуки цѣлые дни проводила въ томъ только , что одѣвалась и раздѣвалась . Такъ тебѣ и въ деревнѣ было скучно ? сказала пастушка . Точно такъ , какъ и въ городѣ , отвѣчала *Аврора* . Ежели когда садилась играть въ карты , то про-

игривала деньги ; прїѣду въ собраніе , вижу , что подружки мои лучше меня одѣшы , и я на это чрезвычайно доса- дую ; поѣду на балъ , только и дѣла , что нищу какова нибудь недоспапка въ шѣхъ , которыя лучше меня танцу- ютъ ; короче сказать , не было ни од- ного дня , въ которой бы я не имѣла какой нибудь досады . По этому самому не должна ты плакаться на Провидѣ- ніе , сказала паспушка ; оно приведетъ тебя въ уединеніе , опіяло у тебя бо- лѣе безпокойства , нежели удоволь- ствія ; но это еще не все : со временемъ ты бы еще больше была несчастлива ; вещь ты бы не въѣкъ была молода , про- ходишь время и баловъ и комедій . По- жилая женщина ежели всегда спазнетъ развѣзжашь по собраніямъ , по моло- дые люди смѣются ; танцовать она уже будетъ не въ силахъ , наряжаться ей ни къ чему не пристало , и по по- му умереть надобно отъ скуки . Од- накожь , мапушка , сказала на то *Аерора* , вещь и одной не лзя быть , день цѣлымъ годомъ покажется . На- прасно , моя душа , говорила паспушка , я здѣсь живу одна , и годы такъ мнѣ коротки кажутся , какъ дни . Ежели хочешь , я тебѣ открою тайну , чтобъ ты никогда не скучала . Мнѣ бы очень

хотѣлось эпова, сказала *Аврора*, ты можешь повелѣвать мною, какъ тебѣ заблагоразсудится, и я во всемъ тебѣ буду слушаться. Пастушка пользуясь *Авроринымъ* добродушіемъ написала на бумажкѣ все, что ей надобно было дѣлать. Она назначила ей время когда молиться, читать, работать и прогуливаться. Часовъ у нихъ не было, и по тому *Аврора* совсемъ не знала, когда кошорый часъ; но пастушка знала часы по солнцу. Когда она звала *Аврору* обѣдать, то она опговаривалась, что очень рано; мы еще недавно всшали; однакожь два часа, говорила ей пастушка улыбаясь, а мы въ пять часовъ всшали; но когда кто съ пользою занимается, для того время идетъ очень скоро и никакой нѣтъ скуки. *Аврора* была очень довольна, что пересѣкала чувствовала скуку, съ великою охотою стала заниматься чтеніемъ и трудами, и чувствовала, что она въ сельскихъ упражненіяхъ, въ тысячу разъ была благополучнѣе, нежели въ городѣ. Я вижу, говорила она пастушкѣ, что Богъ все дѣлаетъ для нашей пользы. Ежелибъ мать моя не поступила со мною такъ жестоко и несправедливо, я бы осталась навсегда въ не-

вѣжествѣ, щеславіи и праздности, а желаніе нравиться сдѣлало бы меня злою и несчастною. По прошествіи года съ того времени, какъ *Аврора* находилась у пастушки, братъ Королевской пріѣхалъ на охоту въ тотъ лѣсъ, въ которомъ она пасла овецъ. Онъ назывался *Чистосердомъ*, и былъ Принцъ самый добрый; но Король братъ его, который назывался *Зломысломъ*, совсѣмъ противнаго былъ свойства. Онъ за удовольствіе почиталъ обманывать своихъ сосѣдей и мучить своихъ подданныхъ. *Чистосердъ* увидя *Аврору*, плѣнился ея красою и сказалъ ей, что онъ бы очень былъ щасливъ, ежелибъ она согласилась выйти за него за мужъ. *Аврорѣ* также Принцъ полюбился, какъ и она ему; но она знала, что дѣвицѣ не должно слушать отъ мужчины такихъ привѣтствій. Ежели то правда, милостивый государь, сказала она ему, что вы мнѣ говорите, то вы можете объ этомъ сказать моей матушкѣ, которая тутъ не далеко живетъ въ маленькой хижинѣ. Когда ей угодно будетъ, чтобъ вы были моимъ мужемъ, то и я согласна буду; потому что я во всемъ полагаюсь на ея благоразуміе: и никогда не престопаю воли ея. Мц-

лая красавица, говорилъ *Чистосердѣ*: я пойду къ твоей матери и буду просить у ней позволенія; но я не расположенъ жениться на тебѣ противъ твоего желанія. Пусть она и согласится, чтобъ ты была моею женою; но ежели для тебя это будетъ досадно, то я лучше хочу умереть, нежели хоть мало огорчить тебя. Миѣ кажется, сказала *Аврора*, что человекъ, который такъ разсуждаетъ, долженъ быть добродѣтеленъ, а съ добродѣтельнымъ человекомъ порядочная дѣвица не можетъ быть несчастлива. *Чистосердѣ*, оставя *Аврору*, пошелъ къ пастушкѣ, которая зная его, охотно согласилась на его прозьбу. Онъ обѣщалъ чрезъ три дни опять къ нимъ прѣхать, и отдавъ *Аврорѣ* свой перстень, отправился въ путь свой весель. Между тѣмъ *Аврора* нетерпѣливо желала возвратиться въ жизнь. *Чистосердѣ* такъ ей понравился, что она боялась, чтобы названная ея матушка не отказала ему въ прозьбѣ; однакожь вмѣсто того пастушка сказала ей: я согласна, моя душа, чтобъ ты вышла за *Чистосерда*, и не по тому, что онъ Принцъ, а для того, что онъ самый честный человекъ. *Аврора* ожидала возвращенія Принца съ не-

терпѣиѣмъ; но на другой день послѣ отъѣзда его сдѣлалось съ нею несчастіе: когда погнала въ лѣсъ свое стадо, упала нечаянно въ хворостникъ и разцарапала лице. Посмотрѣлась поочасъ въ испочникъ, и увидя, что все лице было въ крови, испугалась. Можетъ ли бышь человекъ несчастіе меня? говорила она пастушкѣ возвращаясь домой. Ежели *Чистосердѣ* завтра сюда пріѣдетъ и увидишь меня въ такомъ безобразіи, то конечно намѣреніе свое перемѣнишь; но пастушка отвѣчала ей улыбувшись: когда это Богу угодно было, чтобъ ты упала, то конечно зло для твоей пользы; ты знаешь, что онъ тебя любишь и лучше вѣдаетъ, нежели ты, что для тебя полезно. *Аврора* призналась, что прошивъ Провидѣнія роптать не должно, и рассуждала такъ: ежели Принцъ *Чистосердѣ* не захочетъ уже на мнѣ жениться за тѣмъ, что я не хороша, то изъ этого можно заключить, что я бы за нимъ была несчастна. Между тѣмъ пастушка обмыла ея лице и выпанила множество занозъ, на другой день на *Аврору* и смотрѣть было страшно: лице ея распухло такъ, что и глазъ не видно было. Въ десять часовъ по утру услы-

шали они стукъ подѣхавшей кареты; но вмѣсто *Чистосерда* увидѣли выходящаго изъ оной *Зломысла*. Одинъ изъ придворныхъ, бывший съ Принцемъ на охотѣ, сказалъ Королю, что братъ его вспрѣхнулся шамъ съ прекрасною дѣвицею и хочетъ на ней жениться. Ты очень дерзокъ, говорилъ *Зломыслъ* брату своему, что хочешь жениться безъ моего позволенія. Въ наказаніе за то, я самъ хочу на этой дѣвцѣ жениться, ежели она такъ хороша, какъ мнѣ сказывали. *Зломыслъ* вошедши къ паслушкѣ въ хижиину спросилъ, гдѣ ея дочь? Вошъ она здѣсь, отвѣчала паслушка, указывая на *Аврору*. Какъ! такое чудовище, сказалъ Король съ удивленіемъ; да нѣтъ ли у тебя другой дочери, которой братъ мой подарилъ перстень? Вотъ оиъ на моей рукѣ, отвѣчала *Аврора*. При сихъ словахъ началъ Король хохотать, и сказалъ: я не думалъ, что братъ мой былъ такъ не разборчивъ; однакожъ я очень доволенъ, что могу наказатъ его. Въ то самое время приказалъ оиъ паслушкѣ закрытъ покрываломъ *Аврорино* лице, и послалъ за Принцемъ *Чистосердомъ*, по прибытіи котораго сказалъ ему: ну, братецъ, когда ты любишь прекрасную *Аврору*, то я хо-

чу, чтобъ ты на ней сей же часъ обвинчался. А я не хочу обманывать, сказала *Аврора*, и въ шужь мнуну сбросивъ покрывало, говорила *Чистосерду*: Посмотрише на мое лице; въ при дни я сдѣлалась очень страшна, и думаю, что вы не захощите взять меня за себя. Ты для меня милѣе прежняго, сказалъ Принцъ; потому что я при этомъ случаѣ нахожу въ тебѣ еще больше добродѣтели, нежели думалъ. Въ то самое время онъ далъ ей свою руку, а *Зломыслѣ* надрывался со смѣха. Онъ въ потѣ же часъ приказалъ обвинчать ихъ и послѣ сказалъ *Чистосерду*: какъ я не люблю уродовъ, ты можешь съ женою своею жить въ этой хижинѣ, а ко двору пожалуй никогда съ нею не являйся: сѣлъ въ карету и поѣхалъ, а *Чистосердѣ* остался въ величайшей радости. Ну! сказала пастушка *Аврорѣ*, теперь почишаешь ли ты это за нещасиѣ, что упала? Ежелибъ того не случилось, то Король бы въ тебя влюбился; а когда бы ты не захотѣла за него выйти, то онъ бы *Чистосерда* велѣлъ умертвить. Это правда, мапушка, отвѣчала *Аврора*; однакожъ я такъ стала безобразна, что боюсь, чтобы Принцъ женившись на мнѣ, не

сталъ послѣ разскаиваться. Нѣтъ, я тебя увѣряю, сказалъ *Чистосердѣ*, что я этова никогда не сдѣлаю; къ дурному лицу привыкнуть можно, а къ дурному свойству очень трудно. Я люблюсь швоими чувспвованіями, говорила пастушка *Чистосерду*; знай же, что *Аврора* будетъ также прекрасна, какъ прежде; у меня есть вода, которою я лице ея могу вылѣчить. И въ самомъ дѣлѣ по прошествіи трехъ дней лице *Аврорино* получило прежнюю красосу; но Принцъ просилъ ее носить всегда покрывало, бояся, чтобы злонравный братъ его, увидя ее, не увезъ. Между тѣмъ *Зломыслѣ*, расположась женишься, разослалъ множество живописцовъ для написанія портретовъ съ самыхъ прекрасныхъ дѣвицъ. Портретъ *Любимы*, сестры *Аврориной* больше всѣхъ плѣнилъ его. Онъ тотчасъ приказалъ привезти ее ко двору и на ней женился. *Аврора* услыша, что сестра ея Королевою, чрезвычайно безпокоилась. Она боялась даже выходить изъ своей хижины, зная сестры своей злонравіе и ненависть къ ней. Черезъ годъ *Аврора* родила сына, котораго назвали *Свѣтозаромѣ*, и котораго она любила чрезвычайно. Когда уже маленькой Принцъ началъ говорить, въ немъ

примѣчено было столько разума, что родилпели не могли налюбоваться. Въ одинъ день *Аврора* сидя съ нимъ за дверьми нечаянно уснула. Чрезъ нѣсколько минушъ пробудясь и не нашедши своего сына кричала и побѣждала въ дѣсѣ искать его. Сколько пастушка, по возвращеніи ея, ни швердила ей, что все служилъ къ нашей пользѣ, ничто не могло ее утѣшить, пока она на другой день сама не призналась, что пастушка говорила правду. *Зломыслъ* и жена его, досадуя, что у нихъ не было дѣтей, послали солдашъ убишь своего племянника; но посланные не нашедъ его, посадили *Чистосерда*, жену его и пастушку въ лодку, пустили ихъ на море съ шѣмъ, чтобъ о нихъ и слуху не было. Тутъ уже *Аврора* почитала себя совершенно несчастною, но пастушка все швердила ей, что Богъ все къ лучшему спростъ. По счастью ихъ погода была тихая; они плавали спокойно цѣлые три дни, и наконецъ приплыли къ городу на морскомъ берегу стоящему. Король сего города велъ въ то время жеспокую войну, и на другой день осажденъ былъ отъ непріятеля. *Чистосердъ*, отъ природы имѣя великую храбрость, просилъ у Короля позво-

ленія вступити въ его службу и командовать нѣкоторою часиною войска. Король охотно на то согласился, и *Чистосердѣ* такъ былъ щасливъ, что сдѣлавъ многія вылазки, наконецъ убилъ предводителя осаждающихъ. Непрiятельское войско, потерявъ начальника, обратилось въ бѣгство, а осажденный Король въ воздаянiе за такую услугу не имѣя у себя дѣшей, *Чистосерда* усыновилъ. Черезъ четыре года пронесся слухъ, что *Зломысль* отъ огорченiя, что женился на такой злойравной женѣ, умеръ, и что народъ ненавидя ее выгналъ изъ столицы, а къ *Чистосерду* отправилъ пословъ съ прошенiемъ, чтобы принялъ корону. *Чистосердѣ*, свѣдавъ о томъ обстоятельно, отправился съ женою и пастушкою водою; но по случаю жестокой бури судно ихъ разбило и выбросило ихъ на пустой островъ. *Аврора* отъ многихъ опытовъ такъ сдѣлалася благоразумна, что случаемъ симъ не оскорблялась, и думала, что это послѣдовало по воли Божеской къ пользѣ ихъ. Они поставили на берегу превысокой шестъ, и на верху повѣсили бѣлый пастушкинъ запанъ, дабы проходящимъ кораблямъ дать чрезъ то знать, что на остро-

ву есть люди, которые имѣютъ нужду въ ихъ помощи. Подъ вечеръ увидѣли они идущую къ нимъ женщину, которая несла въ рукахъ ребенка, на котораго лишь только *Аврора* взглянула, узнала въ немъ сына своего *Свѣтозара*. Она спросила у женщины: гдѣ она взяла этого ребенка? На что она отвѣтствовала, что мужъ ея будучи морскимъ разбойникомъ, гдѣ-то его похитилъ, и что когда ихъ судно разбилось, она спаслась одна съ симъ ребенкомъ, прибывшись къ острову. Черезъ два дни корабли искавшіе упоминыхъ тѣхъ *Чистосерда* и *Авроры* (ибо такъ обѣ ихъ думали), увидѣли бѣлое зѣмя и пристали къ острову; находившіеся на корабляхъ чрезвычайно обрадовались, найдя тамъ нечаянно Короля своего со всемъ семействомъ, и вскорѣ отправились въ путь. Съ того времени Аврора, чтобы ей не приключилось, никогда уже не ропшала, узнавши опытомъ, что случаи, представляющіеся намъ несчастіемъ, часто служатъ къ нашему благополучію.

Г. Остроумова.

Ахъ! сударыня, какъ я безпокоилась *Аврориными* приключеніями; я

не могла и подумать, чтобъ все это служило къ ея благополучію.

Г. Ш. . . .

А я узнала теперь причину, отъ чего мнѣ дни кажутся долги; вѣрно это отъ того, что я лѣнива и не люблю ничего дѣлать.

Г. Добронравова.

Это правда, моя душа, день для однихъ только лѣнивыхъ долговъ. Ежели ты хочешь, чтобъ тебѣ не было скучно, то надобно тебѣ также имѣть записку, какъ *Аврора*, по которой бы ты всѣ часы знала употреблять съ пользою. Ежели вы и всѣ хотите имѣть такое росписаніе, то я вамъ это сдѣлаю, и тогда для васъ дни очень коротки будутъ.

Г. Остроумова.

Мнѣ тово и хочется, Сударыня. *Всѣ вмѣстѣ*. Мы всѣ васъ о томъ просимъ.

Г. Добронравова.

Мы это сдѣлаемъ въ то время, какъ станемъ чай пить, а между тѣмъ *Госпожа Н.* . . . перескажетъ намъ исторію, которую она выучила.

Г. М. . . .

Отъ дѣтей *Иаковлевыхъ*, называемыхъ *Исраильтянами*, произошелъ многочисленный народъ. По долгомъ времени взошелъ на престолъ другой Царь, именемъ *Фараонъ*, которой родился уже послѣ смерти *Иосифовой*. Онъ былъ человекъ злой, и захотѣвши погубить *Исраильтянъ*, началъ употреблять ихъ въ тяжчайшую работу и; заставлялъ строить города; но чѣмъ больше они обременены были трудами, тѣмъ были здоровѣе, и тѣмъ больше родъ ихъ разумножался. *Фараонъ*, желая истребить ихъ, приказалъ бросать въ рѣку *Нилъ* всѣхъ *Исраильскихъ* мальчюковъ. Нѣкоторой мужъ отъ колѣна *Левина* имѣлъ у себя маленькаго сына рѣдкой красоты, котораго мать скрывала дѣлые три мѣсяца; но опасаясь, чтобъ его не нашли, сдѣлала маленькой ковчегъ, положила его туда, отнесла къ рѣкѣ, и пуспивъ у берега приказала дочери своей *Маріи* смотрѣть, что съ нимъ будетъ. На то время дочь Царя *Фараона*, по тогдашнему обыкновению, вышла на рѣку мыться, и увидя сей ковчегъ, приказала одной изъ служанокъ своихъ взять его, ишедши же въ домъ др. краснаго

мальчика, сжалилась надъ нимъ и сказала: я хочу спасти его. *Марія* услыша сіе сказала ей: Ежели вамъ угодно, Сударыня, я сыщу для того мамку. И въ самомъ дѣлѣ она пошла и привела свою мать, которой Царевна найденнаго мальчика, назвавъ его *Моисеомъ*, и не зная, что оиъ сынъ ея, отдала на воспитаніе.

Г. Доброуравова.

Продолжай ты, моя душа, *Г. Ш...*

Г. Ш

Когда уже *Моисей* выросъ, *Фараонова* дочь взяла его къ себѣ вмѣсто сына и сдѣлала его великимъ Господиномъ; однакожъ ни богатство, ни придворныя забавы не истребили у него изъ памяти собратій его *Израильтянъ*. Увидѣвъ икогда, что на одного изъ нихъ напалъ Египтянинъ и хотѣлъ убить, самъ убилъ Египтянина, зарылъ его въ песокъ, и думалъ, что никто шово не видѣлъ. На другой день увидя двухъ ссорящихся межъ собою *Израильтянъ*, сказалъ имъ: для чего вы ссоритесь? Вы братья и должны жить въ согласіи. Да ты для чего вмѣшиваешься въ нашу ссору? спросилъ у него одинъ изъ *Израильтянъ*;

ты намъ не судья, а развѣ хочешь и меня также убить, какъ вчера *Египтянина*? *Моисей* думавши прежде, что объ этомъ убивствѣ никто не вѣдалъ, успрашилъ, и услыша, что Царь хочетъ умершвишь его, убѣжалъ въ другую землю. Упомяся отъ пуши сѣлъ онъ отдохнушь у колодезя, къ которому пришли семь дѣвиць, всѣ родныя сестры, дочери *Гофоровы*. Онѣ почерпнули воды напоить скотъ свой. Между тѣмъ прибѣжали пастухи и хотѣли опогнать ихъ; но *Моисей* за нихъ вступился и защищалъ ихъ; послѣ чего дѣвицы возвращаясь къ отцу рассказали ему о всемъ, что съ ними случилось. . . . *Гофоръ* сказалъ имъ: для чего же вы не просили этого честнаго человѣка вмѣстѣ съ нами отобѣдать? Потомъ послалъ взять къ себѣ *Моисея*, и по прошествии нѣкотораго времени выдалъ за него дочь свою именемъ *Сенфору*.

Г. Доброуравова.

Теперь продолжай ты, мой свѣтъ,
Госпожа Н. . . .

Г. Н. . . .

Моисей пасъ стадо пестя *Гофора*, и пригнавши нѣкогда стадо къ горѣ

Хориву, увидѣвъ онъ горящій кустъ, который однакожъ не сгаралъ. *Моисей* подошелъ поближе, чтобы по-смотреть на такое чудное дѣло, вдругъ услышалъ гласъ вѣщающій ему: иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ, мѣсто бо, на немъ же стоиши, свято есть. *Моисей* услыша сіе палъ лицемъ на землю и вторично услышалъ гласъ: Я Богъ отца твоего, Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ и Богъ Иаковъ. Я услышалъ вопль живущаго во *Египтѣ* народа своего *Исраиля*; повелѣваю тебѣ идти къ нему для избавленія, возвѣсти ему, что ты отъ меня посланъ. Господи, сказалъ *Моисей*: я не знаю, кто посылаетъ меня и какъ могу сказать имъ о томъ? *Азъ есмь Сый*, отвѣчалъ гласъ; скажи имъ: Сый посла мя къ вамъ; испроси у *Фараона* дозволеніе объ отпущеніи народа моего на три дни въ пустыню для принесенія жертвы. Господи, сказалъ *Моисей*: *Фараонъ* не повѣритъ мнѣ и велитъ меня умертвить. Я съ шобою буду, отвѣчалъ гласъ, и дамъ тебѣ власть чудеса творить. Брось на землю жезлъ свой. *Моисей* исполнилъ то и жезлъ превратился въ змѣя. Увидя сіе *Моисей* устрашился и побѣжалъ: но гласъ вѣщалъ ему: возьми

за хвостъ сего змѣя и онъ превратится въ жезлъ. Сіе по словамъ исполнилось; но *Моисей* былъ еще въ сомнѣніи. По томъ сказано ему: положи руку свою въ пазуху; и какъ только *Моисей* сдѣлалъ шо, рука покрылась сирупомъ: но положивъ ее въ другой разъ въ пазуху, увидѣлъ, что рука изцѣлилась. Хотя *Моисей* изъ сихъ чудесъ и увѣровалъ, что онъ говорилъ съ Богомъ, однако боялся идти къ *Фараону*, и сказалъ: Господи! ты знаешь, что я косоязыченъ. Богъ опѣшествовалъ ему: Кто сотворилъ уста иѣмова и говорящаго? Не я ли? поди и уста твои отверзутся. Сверхъ того я пошлю предъ тобою брата своего *Аарона*, которой говоришь свободно, и онъ будешь говорить вмѣсто тебя. Послѣ сего *Моисей* оставилъ гору и возвратился во Египетъ; на пути же встрѣтился съ братомъ своимъ *Аарономъ* по обѣщанію Господню.

Г. Остроумова.

Боже мой, какъ хороша Священная Исторія! Я, сударыня, рада бы и день и ночь ее слушать.

Г. Н. . . .

Пожалуйте, Сударыня, скажите мнѣ, что это значить: *Азъ есмь Сый*.

Г. Доброуравова.

Это, моя душа, значитъ то: Я Богъ пребывающій самъ собою безъ всякаго пособія. Я всегда былъ и буду всегда. Ничто въ свѣтѣ не можетъ мнѣ уподобиться. Цари и всѣ земные власнители, завоеватели, богачи и высокородные, всѣ ничто предо мною; Все существуетъ по единой волѣ моей; предо мною цѣлый свѣтъ менѣ пылинки, и я могу разрушить его въ единое мгновеніе. Я есмь единъ, и все, что есть въ свѣтѣ добраго, великаго, премудраго, сильнаго, любви достойнаго и праведнаго, все заключаешя во мнѣ единомъ.

Г. Остроумова.

Какъ же, Сударыня, вы говорите, что единъ только Богъ существуетъ, а прочее все ничто; мнѣ кажется, что и я что нибудь значу; земля, солнце, люди, также что нибудь, и снова нельзя сказать, что кромѣ Бога прочее все ничто.

Г. Доброуравова.

Выслушай, моя душа: что ты составляешь ничто, это правда, ты бытіе имѣешь; но ты бытіе свое по-

Часть II. Ж

лучила отъ Бога, оно ему принадлежишь, онъ у тебя и опиешь его можешь въ одну минушу. Ежелибъ я тебѣ отдала свое платье, ты бы не могла сказать, что оно твое: и шакъ, шло швое, душа, умъ, родилели, богатство, однимъ словомъ, все, что ты ни имѣешь, есть Божіе; ты отъ него все получила. Одинъ шолько Богъ ни когда ничего и ни отъ кого не заимствовалъ, по шому что прежде его ничего не было, и все, что ни есть, отъ него происходитъ. Слѣдственно онъ есть властитель всего, что онъ даетъ, по есть всего, что существуетъ. Изъ этого, любезныя дѣши, вы видите, какую мы обязаны ему благодарностию и любвию. Мы любимъ шѣхъ, которые намъ добро дѣлають: а Богъ намъ далъ все, что мы имѣемъ; онъ намъ отецъ, Владыка, благодѣтель, и любитъ насъ, какъ дѣтей своихъ, и пошому мы были бы самыя злыя швари, ежелибъ не захотѣли любить его и покоряться ему.

Г. Благоразумова.

Что до меня касается, Сударыня, когда я читаю исторію, которую онъ теперь пересказывали, всегда шренцу отъ благоговѣнія.

Г. Добронравова.

Такъ и надобно, моя душа: ибо мы передъ Богомъ такъ малы, что не можемъ изъяснить ему должнаго почтешя. Богъ вездѣ присутствуетъ, любезныя души; особенно же во храмахъ, мѣстахъ, гдѣ въ молитвахъ его призываютъ. И по тому много согрѣшаютъ шѣ люди, которые въ такихъ священныхъ мѣстахъ разговариваютъ, смѣются, и обращаются на всѣ стороны; согрѣшаютъ и шѣ, которые молятся безъ должнаго благоговѣшя. Что бы вы сказали, ежелибъ бѣдная женщина выпросила дозволенія говорить съ Царемъ, и вошедши въ чертоги его съ шѣмъ, чтобъ просить у него милосердія, оборотилась къ нему спиною и спала смѣясь и разговаривашъ съ его служителями?

Г. М. . . .

Я бы сочла ее за безумную, какова однакожъ и сама иногда бываю. Часто моляся Богу обращаюсь на всѣ стороны, и совѣмъ не думаю о томъ, что въ молитвѣ чиняю; но я постараюсь впередъ исправиться, и прежде нежели спану молюсь, спарашься буду разсуждать и увѣряться, что хочу говорить съ Богомъ.

Г. Доброкрасова.

Я себя увѣряю, что ежели станешь зло дѣлать, то никогда не будешь по сторонамъ оглядываться. Это самое лучшее дѣло думать всегда, что Богъ съ нами присущствуетъ. Отъ того-то люди и злыми становятся, что о немъ забываютъ. Ежели бы каждый человекъ, прежде нежели солжеть, разсердится, или обѣщется, подумалъ самъ съ собою: я хочу сдѣлать это передъ Богомъ, онъ смотритъ на меня, онъ ненавидитъ грѣхъ, которые воли его послушны, онъ можетъ наказатъ ихъ за то, а меня можетъ бытъ накажетъ и въ сію самую минушу: Ежелибъ, говорю я, человекъ всегда такъ думалъ, то конечно не былъ бы такъ дерзокъ, чтобъ грѣшить въ присутствіи Бога. Прощайте любезныя дѣти, мнѣ. . . .

Г. М. . . .

Пожалуйте, Сударыня; прежде нежели мы разстанемся, скажите мнѣ, что значить одно слово, котораго я не понимаю. Я слышала, что *Моисеевъ* отецъ былъ отъ колѣна *Левина*: что такое онъ колѣна *Левина*?

Г. Доброуравова.

Колѣно значить родъ или семейство. Вы знаете, мои дѣти, что *Иаковъ* имѣлъ двенадцать сыновей, отъ которыхъ произошло двенадцать родовъ или колѣнъ. Я вамъ скажу, какъ назывались *Иаковлевы* сыновья: *Рувимъ*, *Симеонъ*, *Левій*, *Иуда*, *Иссахаръ*, *Завулонъ*, *Данъ*, *Гадъ*, *Асиръ*, *Нефталимъ*, *Иосифъ*, и *Веніаминъ*. Они - по составляли двенадцать колѣнъ *Израелевыхъ*, то есть двенадцать семействъ отъ *Иакова* происшедшихъ; но какъ *Иаковъ* усыновилъ себѣ двухъ сыновей *Иосифовыхъ* *Манасія* и *Ефруяма*, то отъ нихъ произошли два рода, составлявшіе *Иосифово* колѣно. Вотъ тебѣ все *Госпожа М.* . . . что ты знаешь хотѣла; и когда уже ты меня остановила, то я тебѣ скажу, что мы послѣ завтра побѣдемъ за городъ обѣдашь, и ежели вы завтра ко мнѣ придете, то мы все вмѣстѣ побѣдемъ къ вашимъ паспущкамъ просить на по дозволенія, или когда изъ васъ кому нибудь не лзя будетъ ѣхать, то вы напередъ дадите о томъ знать.

РАЗГОВОРЪ XIII.

ДЕНЬ XI.

Г. Доброуравова.

Чтобъ для насъ не скучна была дорога, мои милыя, я вамъ скажу сказочку, которую недавно читала.

СКАЗКА

О трехъ желаніяхъ.

Одинъ не богатый человекъ женился на прекрасной дѣвушкѣ. Въ зимнее время вечеромъ сядя у камина начали они разговаривать о щасливомъ состояніи сосѣдей своихъ, которые были ихъ богаше. Ахъ! ежелибъ въ моей было власни имѣть все то, чего бы я захошѣла, сказала жена, то я бы въ самое короткое время благополучнѣе была всѣхъ этихъ людей, которыми мы завидуемъ; и я бы шакъ же, сказалъ мужъ: мнѣ бы очень хотѣлось во времена жить волшебницъ, и чтобъ сыскалась изъ нихъ такая, которая бы исполнила мое желаніе. Въ эту минуту увидѣли они въ комнатѣ

своей прекрасную женщину, которая имъ сказала: я волшебница и обещаю вамъ исполнить въ сношении при желанія, какія вы прежде объявите: только будьте оснорожны, ибо послѣ трехъ желаній вы уже отъ меня ничего больше не получите. Волшебница сказавъ сіе исчезла, а мужъ и жена оспались въ изумленіи. Ну, мужъ, сказала жена, ежели до меня дойдетъ дѣло, по я ужъ знаю что пожелаешь; я еще не желаю, однако мнѣ кажется, что ничего нѣтъ лучше на свѣтѣ, какъ красота, богатство и знанность. Хорошо и это, ошвѣдаъ мужъ, однакожъ при всемъ этомъ можетъ постигнуть болѣзнь, печаль и смерть въ самой молодости; а лучше бы желалъ здоровья, радости и долговременной жизни. А къ чему бы послужила долговременная жизнь при бѣдности, говорила жена? Развѣ только къ долговременному несчастію. Право, волшебница бы ничего не сдѣлала лишняго, ежелибъ насъ и двенадцатью дарами надѣлила; но послѣдней мѣрѣ есть двенадцать вещей, которыя для меня необходимо нужны. Это правда сказалъ мужъ: однакожъ ненадобно шоропиться, а спанемъ думать до самаго ушра, какія бы при вещи бы-

ли для насъ самая нужная, и тогда ужъ спанемъ просить, чего намъ надо. О! я во всю ночь буду думать, сказала жена; а между шѣмъ погрѣмся, я очень озябла. Въ то самое время взявъ щипцы поправила дрова, и увидѣла множество раскаленныхъ угольевъ, сказала безъ умысла: ахъ какое уголье! ежелибъ на эту пору аршинъ кишки, она бы въ мигъ поспѣла къ ужину. Лишь только она это выговорила, кишка упала изъ трубы на огонь, Чѣмъ себя чортъ взялъ прожору и съ своею кишкою, сказалъ мужъ; вопъ выбрала желаніе; вѣтъ теперь ужъ два только остается: я такъ сердитъ на тебя, что хотѣлъ бы эту проклящую кишку видѣть у тебя на носу. Въ ту самую минушу увидѣлъ онъ, что желаніе его гораздо было глупѣе, нежели женينو; ибо кишка въ самомъ дѣлѣ приросла къ носу бѣдной жены, такъ что оторвать никакъ было не можно. О, какъ я несчастлива! вскричала она; ахъ! злой человекъ, чего ты мнѣ пожелалъ. Клянусь тебѣ, душа моя, что я не думалъ объ этомъ, отвѣчалъ мужъ; чпожъ намъ теперь дѣлать? Я хочу пожелать великаго богатства, чтобъ можно было по крайней мѣрѣ сдѣлать

тебѣ золотую прубку, въ которую бы ты кишку свою прятала. Избави меня Боже отъ этова, сказала жена, я тебѣ напередъ скажу, что лучше себя убью, нежели оспаться жипь съ этою кишкою. Намъ еще оспалось одно желаніе, и ежели ты хочешь, чтобъ я была жива, то оставь мнѣ желать въ послѣдней разѣ, а не то, такъ я сей часъ брошуся за окошко. Выговоря сн слова, побѣжала открывать окно, а мужъ испугавшись и любя ее горячо, кричалъ ей: постой моя голубушка, я тебѣ позволю желать всего, что ты хочешь. Ну, ежели шакъ, сказала жена, то я желаю, чтобъ эта кишка отъ моего носа оппала. Желаніе ея въ шужѣ минупу исполнилось; послѣ чего жена сказала мужу: видно волшебница хотѣла надъ нами посмѣяться, да и хорошо сдѣлала. Можетъ быть мы получа богатство были бы несчастнѣе теперешняго. Все-го лучше, другъ мой, не станемъ ни чего желать, а будемъ пользоваться тѣмъ, что намъ Богъ посылаетъ. Между тѣмъ побдимъ этой кишки, которая отъ всѣхъ нашихъ желаній осталась. Мужъ согласился, что жена его рассуждала справедливо, сдѣлалъ

ужинать и забыли все то, чего желать думали.

Г. *Благоразумова.*

Я думаю, что ежелибъ эта женщина, и двенадцать вещей пожелала, то со всѣмъ тѣмъ могла бы еще быть несчастлива: на примѣръ, ежелибъ она пожелала хорошаго обѣда, то надобно бы было ей къ тому имѣть еще хорошій аппетитъ, чтобъ до сыта набѣсться, а послѣ воздержность, чтобъ не набѣсться слишкомъ, и не занемочь. Вотъ вдругъ при желаніи для одного обѣда.

Г. *М. . . .*

— Ежелибъ у меня спросили, что я желаю, то я бы потчасъ отвѣчала, что желаю вдругъ сдѣлаться учене всѣхъ на свѣтѣ.

Г. *Доброурадова.*

Однакожь моя душа, этова не довольно, шебъ бы надобно было еще желать и того, чтобъ ты могла знаіе свое употребляшь въ пользу; а безъ того ты бы по самолюбію сдѣлалась глупѣе, гордѣе и злоправѣе.

Г. Ш. . . .

А я бы, сударыня, пожелала сдѣлаться добронравнѣе, потому что очень трудно ошвыкашь ошѣ малосшей.

Г. Доброурасова.

Твое желаніе, моя душа, совершенно хорошо, да въ немъ же ешть еще такая выгода, которая тебѣ не извѣстна. Положимъ, что ты бы пожелала красоты, богатства, или чего нибудь подобнаго; вѣшь сколько бы ты того ни желала, не стала бы ошѣ того ни богаче, ни красивѣе; такое желаніе само собою ничего не приноситъ: но коль скоро кто точно пожелаетъ бытъ добродѣтельнымъ, тотъ уже начинаетъ бытъ таковымъ. Примѣшьте это, любезныя дѣшн, что когда кто точно пожелаетъ, то ешть, когда начнетъ въ самомъ дѣлѣ о томъ спарашься, чтобъ сдѣлаться таковымъ; ибо нѣтъ такова человѣка и между самыми злоуравными, который бы не захопѣлъ сдѣлаться вдругъ добродѣтельнымъ, но ешть безъ всякаго запрудненія; но кто точно желаетъ таковымъ бытъ, тотъ употребляетъ нужныя къ тому средства. Не правда ли, *Госпожа Ш. . . .* что

ты для того бы желала вдругъ сдѣлаться добронравною, чтобы избѣжать пруда въ исправленіи себя отъ погрѣшностей?

Г. Ш. . . .

Вы угадали, сударыня, когда я подумаю, сколько мнѣ пруда будетъ споншь мое исправленіе, то одна мысль устрашаетъ меня. Я сколько можно стараюсь о томъ, однакожь поминутно дѣлаю шалости, и даже опчаяваюсь, чтобы я могла исправитьсь.

Г. Добронравова.

Опчаяніе швое происходитъ отъ лѣности, моя душа; повѣрь мнѣ, что всякой шотъ исправляется, кто старается удерживаться отъ погрѣшностей. Ежели бы ты вздумала итти куда нибудь и спала бы на всякомъ шагу падать, то конечно долго бы не дошла до назначеннаго мѣста; однакожь дошла бы наконецъ хопя и не скоро, ежели бы старалась вставать при всякомъ паденіи. Но ежелибъ напрошивъ шого сказала: я падаю очень часто и вставать всякой разъ очень шрудно, такъ лучше останусь я на землѣ; послѣ этого вѣрно

ты бы никогда не дошла, куда тебѣ надобно. Пущь въ добродѣтели всему же подобенъ. Ежели мы не спанемъ лежа на одномъ мѣстѣ, то конечно дойдемъ до добродѣтели.

Г. Ц. . . .

Я не примѣчаю въ себѣ лѣности, сударыня, я люблю трудиться, учу уроки наизусть. И теперь выучила не мало изъ Географіи.

Г. Добронрасова.

Иной, моя душа, хотя любитъ трудиться и учиться, но при всемъ томъ можетъ быть лѣнивъ, по естъ разумомъ, а это очень не хорошо, по тому что такая лѣность лишаетъ бодрости и охоты. Скажи же намъ, что выучила изъ Географіи?

Г. Ш. . . .

Я, сударыня, знаю теперь, какія въ Европѣ главные горы, рѣки, полуострова и испмы.

Г. Добронрасова.

Ты намъ скажи только о горахъ и полуостровахъ; а о рѣкахъ мы узнаемъ тогда, когда будемъ говорить о тѣхъ земляхъ, въ коихъ онѣ находятся.

Г. ІІІ

Въ Европѣ почищаются главными : горы *Алпійскія* лежащія между Норвегіею и Швеціею. *Пиринейскія* между Франціею и Испаніею. *Алпійскія* между Швейцаріею , Савоіею , и Италіею. *Апеннинскія* простирающіяся чрезъ всю Италію. *Карапавскія* между Польшею и Венгріею. Есть также горы между Англіею и Шотландіею , копорыя называются *Шедіотъ* ; между Швейцаріею и Франціею *Юра* ; между Альзасомъ и Лотарингіею *Воже* , а *Югорскія* , *Верготурскія* и *Уральскія* горы многія полагаются границею между Европою и Азіею.

Полуострововъ въ Египтѣ два : Первый *Морея* , въ Европейской Турціи , копорой Коринфскимъ пешмомъ соединяется съ твердою землею ; другою *Крымъ* , копорый лежитъ къ Сѣверу оупъ Чернаго моря и соединяется съ твердою землею пешмомъ *Перекопью* называемымъ. *Ютландія* , копорая принадлежитъ Дацкому Королю , также почищается полуостровомъ.

Г. *Добронравова*.

Браво , моя душа , ты скоро слаешься искусною Географкою. По-

смотримъ теперь знаютъ ли твои подружки уроки свои изъ Священной исторiи. Начни ты *Госпожа М.* . . .

Г. М. . . .

Моисей и *Ааронъ* пошли къ *Фараону* и сказали ему: Богъ повелѣваетъ тебѣ опустити народъ его въ пустыню для принесенiя жершвы. *Фараонъ* отвѣщивовалъ: я не знаю Бога; и между тѣмъ сей злочесливый Царь приказалъ позвать къ себѣ смотрителей, бывшихъ при опираваемой Иеранльшянами работѣ, и сказалъ имъ: надобно имъ прибавити работы, видно они работаютъ очень мало, что вздумали еще итти въ пустыню. И такъ бѣднымъ *Израильтянамъ* дали столько работы, что имъ никакъ не можно было исправиться, а за то ихъ и были жестоко. *Израильтяне* видя, что они несчастнѣе стали прежняго, говорили *Моисею*: Несчастiя нашего ты причиною; для чего ты просилъ *Фараона*, чтобъ онъ опустилъ въ пустыню? Тогда *Моисей* сказалъ Господу: ты видишь, что братья мои гибнутъ на меня. Я Богъ *Авраамовъ*, *Исаакъ* и *Иаковъ*, отвѣчалъ Богъ. Я дамъ *Израильтянамъ* землю *Ханаанскую*, кою вѣ въ свѣтъ и вѣтъ лучше; воз-

вратись къ *Фараону* и *Ааронъ* будетъ предъ нимъ чудеса дѣлать. *Моисей* и *Ааронъ* пошли опять къ Царю и говорили ему еще, чтобы онъ народъ опустилъ въ пустыню. Однакожь онъ не согласился на то. Тогда *Ааронъ* бросилъ жезлъ свой на землю и изъ жезла вышелъ змѣй. Волхвы *Фараонова* по же сдѣлали; но змѣй, вышедшій изъ жезла *Ааронова*, пожралъ змѣевъ ихъ. По томъ *Ааронъ* ударилъ жезломъ своимъ по рѣкѣ, и рѣка обратилась въ кровь, и сдѣлалась такъ смрадною, что всѣ рыбы померли; но какъ и волхвы также воду въ кровь обратили: то *Фараонъ* и не соглашался опустить *Израильтянъ*.

Г. Добропрасеса.

Продолжай ты, моя душа, *Госпожа Н.* . . .

Г. Н. . . .

Тогда повелѣлъ Господь *Аарону* просперть жезлъ свой, и лишь только онъ сіе сдѣлалъ, вдругъ явилось во Египтѣ чрезвычайное множество лягушекъ. Онъ во всѣхъ мѣстахъ очутились: въ домахъ, на постеляхъ, въ печахъ и даже въ царскихъ чертогахъ. *Фараонъ* видя такую напасть, сказалъ

Моисею: Помолись своему Богу, что бы онъ истребилъ сію гадину, и тогда я опущу *Израильтянѣ*. *Моисей* помолился Богу и всѣ лягушки исчезли; *Фараонѣ* же обрадовавшись тому не захотѣлъ обѣщанія своего исполнить. Послѣ того послалъ Богъ на Египетъ множество вшей, по томъ ядовитыхъ мухъ, наконецъ великой гладъ и саранчу. Покрывъ Египтянъ гнойными струпьями, отнял у нихъ свѣтъ, покрывъ всю землю густымъ шуманомъ, выключая ту страну, въ кою жила *Израильтяне*, но не смотря на то, *Фараонѣ* не хотѣлъ отпустить ихъ. На послѣдокъ повелѣлъ Богъ *Моисею*, что *Израильтянебѣ* взявъ изъ каждого дома по ягненку или по козленку, закололи ихъ въ четвертый надесянь день того мѣсяца и вымазали бы ихъ всѣ кровью ворота. По томъ сихъ ягненковъ или козленковъ испекли бы и съѣли съ опресноками и съ горкимъ зеленымъ, и съѣли бы все безъ остатка, а ежели сего не съѣдятъ, то сожгли бы и съѣли бы сіе стоя какъ можно скорѣе, и были бы одѣшны въ дорожное платье. Онъ сказалъ имъ наконецъ, что изведетъ ихъ изъ Египта, и что бы они по изшествіи праздновали случай сей ежегодно, по семи дней питаясь опресноками.

Г. Доброуравова.

Продолжай Госпожа Ш. . . .

Г. Ш. . . .

Израильтяне получа Божеское повелѣніе изъ устъ *Моисея* и *Аарона* исполнили все, что должно было. Въ полночь послалъ Богъ Ангела и велѣлъ побить всѣхъ Египетскихъ первенцовъ, начиная оубъ Царскаго сына даже до рабовъ; но въ шѣхъ домахъ, въ кошорыхъ ворота обмазаны были кровью, ни одинъ человекъ не умеръ. Тогда *Фараонъ* и народъ его подняли великой вопль, и сказали *Израильтянамъ*: пойдите скорѣе изъ земли нашей и помолитесь о насъ Богу своему. *Израильтяне* взявъ съ собою все, что имъ нужно было, вышли изъ Египта. Они взяли также на дорогу и шѣша, чтобъ испечь опрѣсноки. Въ то время ихъ было числомъ шесть сошъ тысячь, не считая женъ и дѣшей. Богъ вѣпорично повелѣлъ имъ ежегодно яденіемъ опрѣсноковъ праздновать пасху въ воспоминаніе своего освобожденія; но что бы они мяса сего ни мало не оставляли и не давали бы его шѣмъ, которые не обрѣзаны.

Г. Остроумова.

Пожалуйста скажите, сударыня, что это значить, которые не обрѣзаны?

Г. Доброуравова.

Обрѣзание было обрядъ предписанный *Израильтянамъ* отъ Бога, по которому они отличались отъ прочихъ народовъ. И по тому, ежели бы кто изъ иного рода захотѣлъ принять *Израильскую* или *Жидовскую* вѣру, (это все равно), тотъ долженъ былъ непременно повиноваться сему обряду.

Г. Ш. . . .

Что такое обрядъ, сударыня?

Г. Доброуравова.

Обрядовъ очень много и они бываютъ разные; на примѣръ: бсть агнца стоя, въ дорожномъ платьѣ съ горкимъ зелемъ и держа въ рукахъ жезлъ: все это значить обрядъ.

Г. Благоураумова.

Кажется мнѣ, сударыня, будто я читала въ Священной Исторіи, что Богъ повелѣлъ *Жидамъ* посвящать ему первенцовъ?

Г. *Добронравова.*

Я только что хотѣла говорить объ этомъ, моя душа. Онъ не только велѣлъ посвящать, но и совсѣмъ отдашь ихъ ему; послѣ чего родители должны были искупить ихъ.

Г. *Остроумова.*

Какъ же, сударыня, я старшая дочь; такъ ежели бы я жила въ то время, и меня бы посвящали Богу?

Г. *Добронравова.*

Ежелибъ ты была мужеска пола, то и съ побой конечно такъ поступить должно было; однакожь ты и безъ того должна сама себя посвящать Господу. Пора уже кушать, любезныя дѣти; а послѣ обѣда пойдемъ въ садъ прогуляться.

РАЗГОВОРЪ XIV.

ДЕНЬ XII.

Г. Ш....

Я, сударыня, не спала цѣлую ночь. Мнѣ подарили каршину, и сказали,

что когда вы мнѣ ее извясните , то скажете при томъ хорошенькую басенку. Мнѣ чрезвычайно хочется о томъ слышать.

Г. Доброуравова.

Пожалуй , моя душа , *Госпожа Благоразумова* , подойди сюда и расскажи , что эта картинка значитъ ?

Г. Ш . . .

Какъ же вы хошите , сударыня , чтобъ она угадала , что значитъ эта картинка , когда вы закрываете надпись ?

Г. Доброуравова.

Въ этомъ ей никакой нѣтъ нужды , моя душа. Кто знаетъ Исторію и басни , тотъ узнаетъ всякую картину , живописная ли она или печатная. Ты сама увидишь , что она и безъ надписи все расскажетъ

Г. Благоразумова.

Этотъ старикъ и старушка , въ разодранномъ платьѣ , были мужъ съ женою. Онъ назывался *Филемономъ* , а она *Бавкидою* ; а вошъ эшошъ , что держишъ ногою гуся , есть *Юпитеръ* , кошераго язычники называли богомъ

неба ; другой же, что возлѣ его, сынъ его *Меркурій*, посланникъ боговъ и покровитель купцовъ и воровъ.

Г. III. . . .

Да какъ же ты сестрица могла это угадать?

Г. *Благоразумова*.

Мнѣ кажется, что я бы эпова старика и шарушку всегда узнала ; а увидя гуся спасающагося подъ ногами *Юпитеровыми*, легко узнать можно и всю каршину. Ежели вамъ угодно, сударыня, (оборотясь къ Г. Добронравовой) я расскажу имѣи всю эту баснь ; тогда вы увидите, что мнѣ угадать не шрудно было.

Г. *Добронравова*.

Я очень согласна, моя душа, чтобы ты имѣ все рассказала.

Г. *Благоразумова*.

Юпитеръ и *Меркурій* нѣкогда приняли на себя человѣческой образъ, и отправились путешествовать. Они подъ вечеръ прибыли въ одну большую деревню, и просили, чтобы ихъ кто нибудь изъ милости пустилъ переночевать ; однако же никто не хотѣлъ

дать имъ ночлега. Видя наконецъ, что никакъ ихъ не пускающъ, пришли они къ самой бѣдной хижинѣ, которая покрыта была соломой и хворостомъ. Хозяинъ этой хижины былъ бѣдной старикъ *Филемонъ*, жившій шумъ съ женою своею *Бавкидою*. Боги просидѣли къ нимъ переночевать; на что они съ великою охотою согласились. *Филемонъ* тотчасъ попросилъ жену свою *Бавкиду* нагрѣть воды для обмытія у гостей ногъ. Старушка оплонила нѣсколько сучковъ, которыми крыша была ихъ хижина, развела огонь и раздувала ршомъ, по тому что у нихъ раздувальныхъ мѣховъ не было. Когда вода нагрѣлась, *Филемонъ* снявъ повѣшенный на гвоздѣ ковшикъ, началъ госпямъ мыть ноги; а *Бавкида* между шѣмъ вымыла сполъ и нашерла его мяшою; по шомъ подложила подъ одну споловую нежку подкладку, чтобъ сполъ не шатался, ибо онъ былъ нѣсколько изломанъ. Стульевъ у нихъ и не заводилось, а надобно было сѣсть на скамейку, и чтобъ не такъ было жоско, *Бавкида* покрыла ее одѣяломъ, которымъ она въ праздничные дни только постель свою покрывала. По томъ потащилась въ свой садикъ и наррала съ вѣтвями грушъ, да еще принесла

нѣсколько свѣжаго меда на разбитой тарелкѣ и не большой кусокъ сыра. Они всѣ сѣли за столомъ и *Филемонъ* извинялся, что не можешъ лучше угостить прихожихъ. Между тѣмъ вспомнилъ онъ, что у нихъ есть одинъ гусь, котораго хотѣвъ заколотъ для гостей, чтобы лучше употчивашъ; онъ вышелъ изъ за стола, также и сшаруха, и начали ловить гуся; однакожъ онъ бѣгая изъ угла въ уголъ испомнилъ ихъ до поща. Наконецъ гусь спрятався подъ ноги къ *Юпитеру*. Тогда *Юпитеръ* сказалъ *Филемону* и *Бавкидѣ*: я очень доволенъ вашею ласкою; пойдемъ теперь со мною на эту высокую гору, и въ шожъ самое время онъ и *Меркурій* окружены стали сіяніемъ. Когда же они взошли на гору, *Юпитеръ* сказалъ имъ: оглянитесь назадъ. Они оглянулись и увидѣли, что деревни уже не было, а все то мѣсто покрыто было водою, ибо *Юпитеръ* желая наказать жителей этой деревни за ихъ жестокость, излилъ на нихъ воду и всѣхъ ихъ потопилъ. Посреди этого озера видна шолько была *Филемонова* хижина. Будучи очень жалоспавны, они чрезвычайно сожалѣли о несчастіи своихъ сосѣдей, сколько отъ нихъ обидъ ни терпѣли; по томъ

Юпитеръ сказалъ имъ : въ награду за добросердечіе ваше просите у меня , что вамъ надобно , я вамъ не откажу ни въ чемъ . Добрые старики посовѣтовали межъ собою и на послѣдокъ *Филемонъ* сказалъ *Юпитеру* : когда ты по милости своей хочешь насъ награждать , то повели , чтобъ хижина наша очутилась на этой горѣ и превратилась во храмъ , въ которомъ мы обожать тебя будемъ . Сдѣлай меня въ немъ жрецомъ своимъ , а *Бавкиду* жрицею , и окончай жизнь нашу въ одинъ день , дабы ни я не сокрушался о потерѣ любезной моей *Бавкиды* , ни она не оплакивала вѣрнаго своего *Филемона* . *Юпитеръ* исполнилъ ихъ желаніе ; хижина превратилась въ храмъ , въ которомъ добрые старики прожили очень еще долго во всегдашнемъ спокойствіи и согласіи . Въ одинъ день сидѣли они у дверей храма , и когда разговаривали о любви , какую должно имѣть къ Богу , *Филемонъ* хотѣлъ вснаться , но увидѣлъ , что ногъ у него нѣтъ и что они превратились въ корни дерева . *Бавкида* хотѣла помочь ему , но почувствовала , что и съ нею такая же перемѣна сдѣлалась . Она простилась съ любезнымъ своимъ *Филемономъ* , и онъ говорилъ съ нею до

тѣхъ поръ, пока языкъ у него дѣйствовалъ; но кора подымаяся въ верхъ мало по малу, на конецъ совершенно ихъ покрыла и они сдѣлались двумя деревьями, которыя навсегда остались у дверей храма.

Теперь вы видите сестрицы, что прочитавъ сію баснь, очень легко узнать эту карпину.

Г. Остроумова.

Теперь я вижу, что *Г. Благоразумова* никогда не гордится тѣмъ, что она знаетъ. Ежели бы сколько знала, то конечно бы гордилась этимъ.

Г. Добронрасова.

Да, мѣсяца за два передъ этимъ, можешь быть, ты бы это сдѣлала; а теперь мнѣ кажется, душа моя, что ты исправилась. *Г. Благоразумова* очень бы дурно сдѣлала ежелибъ захотѣла тщеславиться тѣмъ, что могла вамъ пересказать эту баснь: это доказываетъ не только, что она имѣетъ память, а память она не отъ себя имѣетъ, но отъ Бога.

Г. Остроумова.

Я знаю, сударыня, что память есть даръ Божеской; но она стара-

ніемъ своимъ , чѣмъ пользоваться памяшью , заслуживаетъ похвалу .

Г. Благоразумова .

(Обнявъ Госпожу Остроумову) . Я очень благодарна , моя душа , что ты такъ хорошо обо мнѣ думаешь .

Г. Добронравова .

Я чрезвычайно рада , что вижу въ *Г. Остроумовой* такую переменну . Ты бы , душа моя , прежде сего вѣрно досадовала и завидовала , что подруга твоя такую имѣетъ память и прилѣжаніе , а теперь это приноситъ тебѣ удовольствіе . Исправясь отъ гордости , испребила ты въ себѣ и зависть и досады , которыя она тебѣ причиняла . Всѣ подруги твои любятъ тебя спали и желаютъ чаще тебя видѣть , по тому что ты уже не стараешься какъ прежде , издѣваться надъ ними и досаждаешь имъ , а вмѣсто того угождаешь имъ неправдами , моя душа . Что , ты теперь довольнѣе сама собою , нежели прежде .

Г. Остроумова .

Это подлинно правда , сударыня ; однакожъ я все еще много имѣю въ себѣ недостатковъ , напримѣръ : я и по-

сю пору не простила Господину Б. . . .
которой называлъ меня заразою.

Г. Доброурадова.

Какъ это, моя душа! ты по сю пору сердилась на такого человека, которому ты еще благодарить должна! Признайся сама, что онъ не безъ причины говорилъ это, и конечно не отъ злости, а изъ любви къ тебѣ. Теперь онъ примѣнилъ, что ты перемѣнилась, и дни съ при назадъ говорилъ въ одномъ мѣстѣ, что ежели ты такъ продолжать будешь, какъ начала, то будешь самая любезная дѣвица.

Г. Остроумова.

Я не знаю, сударыня, хорошо ли это, чтобъ быть довольною пѣмъ, что онъ обо мнѣ такъ опъзывался?

Г. Доброурадова.

Конечно хорошо, моя душа, мы должны спараться нравиться всѣмъ людямъ, только добродѣтельнымъ образомъ; а это всего хуже, что иные говорятъ: Я объ этомъ не думаю, что меня презираютъ.

Г. Ш. . . .

А я, сударыня, очень часто это говорила; но не съ инымъ намѣреніемъ,

какъ для того, чѣмъ досадить своей мамкѣ и сестрицамъ.

Г. Доброуравова.

Изрядноежъ ты выдумала мщеніе! Это похоже на то, ежелибъ ты хорошій свой домъ зажгла для того, чѣмъ съечь у сосѣда кошению; но перестанемъ объ этомъ говорить: теперь уже ты отстала отъ пороковъ и конечно спыдишься, вспомни прежнія свои шалости; а поговоримъ лучше объ Испоріи.

Г. М. . . .

Пожалуйте скажите мнѣ, сударыня, что такое озеро? Я совсѣмъ это забыла.

Г. Доброуравова.

Изволь, моя душа, я тебѣ скажу это. Озеро есть собраніе водъ, похожее на не большее море; по тому что и его вода, также какъ въ морѣ, не имѣетъ теченія, будучи совсѣхъ сторонъ окружено землею. Есть такія озера, въ которыя впадаютъ рѣки, и изъ которыхъ также выходятъ; но есть и такія, въ которыя никакія рѣки не впадаютъ и изъ нихъ не исходятъ. Въ Россіи считается семь та-

кихъ озеръ : 1 *Ладожское*, которое есть самое большое въ Европѣ, изъ котораго выходитъ рѣка *Нева*; 2 *Онежское*; 3 *Чудское* или *Пейпусѣ*; 4 *Ильмень*; 5 *Бѣлоозеро*; 6 *Алтай* или *Телецкое* озеро; 7 *Вайкалѣ* озеро.

Теперь *Госпожа М.* . . . перескажи намъ свою Исторію, которую ты выучила.

Г. М. . . .

Когда *Моисей* и *Израильтяне* вступили въ пустыню, Господь повелѣлъ Ангелу своему предводительствовать ими; днемъ имѣли они предъ собою столпъ облачный, а ночью столпъ огненный, который освѣщалъ путь ихъ. Между тѣмъ *Фараонѣ* чрезвычайно досадовалъ, что онъ пустилъ народъ сей, который для него работалъ, и собравъ многочисленное войско пошелъ въ слѣдъ за нимъ. *Израильтяне* увидя *Египтянѣ* устрашились и говорили *Моисею*: для чего ты насъ привелъ въ эту пустыню, гдѣ должны мы всѣ въ одно время погибнуть! Лучше бы ты оставилъ насъ въ *Египтѣ*: или ты боялся, что тамъ бы не достало земли на погребеніе насъ? *Моисей* ободрялъ ихъ увѣщаніемъ своимъ, чтобы они уповали на Бога, и началъ просить

Господа, чтобъ надъ народомъ своимъ сжалился, Въ то самое время Ангелъ, предшествовавшій имъ, спалъ посреди ихъ между ими и *Египтянами*. Со стороны *Израильтянъ* былъ столпъ огненный, который освѣщала ихъ; а со стороны *Египтянъ* былъ столпъ облачный, препятствовавшій имъ видѣть *Израильтянъ*. Тогда *Моисей* по Божескому повелѣнiю поднялъ жезлъ свой и ударилъ по черному морю которое тотчасъ раздѣлилось на двое, такъ что вода его составила двѣ стѣны, межъ которыми можно было проходить какъ по суху. *Израильтяне* проходили море чрезъ всю ночь, а *Египтяне* думали, что имъ также пройти будетъ можно; но лишь только вобрались они всѣ въ море съ *Фараономъ* Царемъ своимъ, всѣвшія на воздухъ воды вошли въ свое мѣсто и все Египетское войско попоплено. Тогда *Моисей*, *Ааронъ* и сестра ихъ *Марія* воспѣли съ народомъ пѣснь Господу, спасшему ихъ отъ рукъ неприятельскихъ.

Г. Доброураева.

Продолжай, *Госпожа Ш. . . .*

И 4

Г. Ш . . .

Израильтяне пришли въ такое мѣсто, гдѣ воды шакъ были горьки, чшо пить ихъ ни какъ не можно было. Они опять начали ропшашъ на *Моисея*; но сей Святой человекъ не досадуя на неблагоприятность ихъ, сталъ просить Бога. Богъ повелѣлъ ему бросить въ воду иѣкое дерево, и въ ту минушу вода сладка стала. Потомъ *Израильтяне* вошли въ большую пустыню, гдѣ нечего было ѣсть, и ропща опять на *Моисея*, говорили ему: для чего ты насъ вывелъ изъ *Египта*, гдѣ мы сидѣли всегда у кошловъ мясомъ наполненныхъ и всѣмъ довольны были? Развѣ ты насъ привелъ въ эту пустыню для того, чшобъ уморить голодомъ? *Моисей* помолился Господу, и Богъ послалъ имъ на землю сильную росу, съ которою упала крупа, такъ какъ градъ. Тогда *Моисей* сказалъ народу: вотъ вамъ хлѣбъ посылаемый отъ Бога; пусть всякой изъ васъ наберетъ себѣ такую мѣрку, чшобъ на день стало, но на другой бы день ничего не оставалось. Народъ не видалъ никогда такого хлѣба, и не зная, что онъ такое, назвалъ его *манною*, которой вкусъ былъ похожъ

на муку смѣшанную съ медомъ. Всѣ обрадовались и старались собрать для себя сколько, сколько кому надобно было; но между ими были и такіе, которые не послушались *Моисея* и набрали больше, нежели на день потребно было: однако же они чрезвычайно удивились, когда захотѣвши ѣсть манну на другой день, нашли, что она испортилась и превратилась въ черви. Между тѣмъ *Моисей* по Божескому соизволенію сказалъ народу: Въ пять дней собирайте по одной мѣркѣ манны, а въ шестой по двѣ, и не опасайтесь, она будетъ свѣжа и на другой день; ибо уже въ седмый день она не будетъ падать съ неба. Сей день посвящится Господу, и каждый отъ прудовъ своихъ долженъ успокоиться. *Моисеевы* слова исполнились; манна собрана въ шестой день, и сей день названъ *Субботою*. *Моисей* совѣтовалъ *Аарону*, чтобы и онъ собралъ мѣрку манны и сохранилъ ее въ память сдѣланнаго Богомъ для *Израильтянъ* чуда, которые питались ею сорокъ лѣтъ; но лѣнивые, которые не любили вставать рано, въ этомъ случаѣ довольно были наказаны; ибо манна по восхожденіи солнца таяла; и такъ непременно надоб-

но было вставашь до солнца, чтобъ напасти себѣ пищи на день.

Г. Добронравова.

Теперь продолжай ты моя душа,
Госпожа Н. . .

Г. Н. . . .

Израильтяне пришедши въ такое мѣсто, гдѣ воды совсѣмъ не было, и забывши всѣ чудеса, кошорья Богъ для нихъ сдѣлалъ, говорили *Моисею*: для чего ты насъ вывелъ изъ Египта, и не для того ли привелъ въ это мѣсто, чтобъ переморить всѣхъ жаждою съ семействами вашими и стадами? *Моисей* отвѣщивовалъ имъ: вы не на меня, а на Бога ропщете; но я стану просить его, чтобъ онъ послалъ вамъ воду. Тогда *Моисей* по Господнему велѣнію ударилъ жезломъ своимъ по камню, изъ котораго тотъ часъ полилась вода. Между тѣмъ Царь именемъ *Амаликъ* пришедши съ великимъ войскомъ хошѣлъ напасть на *Израильтянъ*. *Моисей* сказалъ *Иисусу*, чтобъ онъ выбралъ изъ народа сильныхъ людей и пошелъ бы противъ *Амалика*. Во время сраженія *Моисей*, *Ааронъ* и *Орѣ* взошли на гору, и *Моисей* поднявъ руки къ небу молился Господу; но на конецъ онъ отъ усшалоши прину-

жданъ былъ руки опустить. *Израиль-тянежъ*, которые въ то время, когда *Моисей* имѣлъ поднятыя къ небу руки, побѣждали непріятелей, лишь только онъ руки опустилъ, сами онъ непріятелей жестоко были побиваемы. *Моисей* видя сіе, сѣлъ на камень и поднималъ опять руки, которыя *Ааронъ* и *Оръ* поддерживали. *Амаликово* войско принуждено было спастись бѣгствомъ и Богъ во гнѣвъ своемъ на *Амалика* велѣлъ *Моисею* записать все сіе въ книгу.

Г. Остроумова.

Да подлинно ли это такъ было, сударыня? Исторія эта такъ удивительна, что и повѣрить трудно.

Г. Добронравова.

А ты, видно, и забыла, моя душа, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго.

Г. Остроумова.

Я знаю, сударыня, что для Бога все возможно; однако же вѣшь *Моисей* могъ написать и то, чего не было. Я не спорю, чтобъ это точно несправедливо было; а только прошу васъ сказать мнѣ, какъ въ этомъ увѣриться должно.

Г. *Добронравова.*

Я шебъ это охотно скажу, моя душа, и очень довольна, что ты въ такихъ случаяхъ, гдѣ имѣешь сомнѣніе, требуешь извѣщенія. Это самое лучшее средство, чтобъ не быть ни въ чемъ обманутой. Мы уже въ томъ увѣрены, что Богъ можетъ чудеса дѣлать, а хотимъ знать, подлинно ли тѣ чудеса были, копорыя *Моисей* описываетъ: вѣшь ты объ этомъ у меня спрашиваешь, моя душа?

Г. *Остроумова.*

Точно такъ, сударыня.

Г. *Добронравова.*

Ежели бы *Моисей* писалъ то, чего не было, то *Израильтяне*, которые, какъ ты сама знаешь, шакъ много на него жаловались и его беспокоили, изобличили бы его въ томъ и сказали бы, какъ ты сказываешь, что мы прошли чрезъ Чермное море и ѡли небесную манну? Почему ты говоришь, что манна въ пять дней до другаго дни сохранена быть не можетъ, а въ шестой день до седмова можетъ? Для чего увѣряешь, что ты изъ камня испустишь воду? Насъ пристра тысячь человекъ было: не ужели бы мы не

видѣли, ежелибъ это случилось? Поди онъ насъ ; ты безстыдной обманщицъ и не стоишь того , чтобъ тебя слушались. Ежелибъ въ вѣдомостяхъ было написано , что вчерашняго дня во всемъ здѣшнемъ городѣ шелъ огненный дождь , то ты бы вѣрно сказала : этотъ человекъ , который написалъ такую небылицу , самый безстыдный враль , ежели бы это было , то мы бы все видѣли.

Г. М. . . .

Это подлинно такъ , сударыня.

Г. Доброуравова.

А ежелибъ этотъ же человекъ сказалъ намъ еще и то , что этотъ огненный дождь спустилъ онъ , и доказывая тѣмъ свое могущество требовалъ бы , чтобъ мы ему были покорны , то чтобы мы ему на это сказали ?

Г. М. . . .

Я бы ему сказала : ты сумасшедшій человекъ , и не только не надобно тебя слушались , да еще должно приковать къ стѣнѣ , чтобъ впередъ не болталъ такихъ пустяковъ.

Г. Доброуравова.

Но Израильтjане! моя душа , не сказали этого Моисею ; а для чего ? по-

тому что они сами видѣли чудеса, которыя Богъ для нихъ дѣлалъ и о которыхъ *Моисей* говорилъ.

Г. Благоразумова.

А я вотъ еще, сударыня, что выдумаю. Ежелибъ *Моисей* писалъ эту Исторію для забавы, то онъ мнѣ кажется, не написалъ бы въ ней того, что съ нимъ случилось, когда онъ видѣлъ неугасающій кустъ. Онъ въ этомъ случаѣ мало показалъ безстрашія и много разъ извинялся, что онъ косноязыченъ; я думаю, что ежелибъ онъ не захотѣлъ написать правду, то сказалъ бы: *Услыша Божеское велѣніе я не убоялся и отвѣтствовалъ ему: пойду освобожу народъ твой и Фараона не устрашуся.*

Г. Добронравова.

Твое примѣчаніе, моя душа, очень хорошо. Когда кто пишетъ Исторію и между прочимъ познается въ своихъ недостаткахъ, то можно смѣло вѣрить, что онъ пишетъ правду; и когда бы онъ захотѣлъ лгать, то лгалъ бы въ свою пользу, и чтобы сказать о себѣ что нибудь доброе, вы и еще увидите, какъ онъ признается въ своихъ недостаткахъ.

Г. Остроумова.

Я, сударыня, слышала нѣкогда, что одинъ молодой человекъ называлъ *Моисея* обманщикомъ, и говорилъ: что онъ никогда чудесъ не дѣлалъ; такъ же будто Чермное море и безъ чуда выходитъ иногда изъ своего мѣста, и что *Моисей* въ то самое время, когда это случилось, провелъ *Израильтянъ*.

Г. Добронравова.

Такъ видно *Моисей* очень былъ искусенъ, когда онъ могъ точно различить время для проведенія *Израильтянъ*, пока море опять не возвратилось въ свое мѣсто и угадалъ, что они не пошонушъ. Напротивъ того надобно, чтобы *Египтяне* очень были глупы, когда живучи близъ моря, не вѣдали, что она иногда выходитъ изъ своихъ предѣловъ, и пошедъ въ то время, когда оно опять вступаетъ въ свое мѣсто, пошонули. Ежели ты, моя душа, когда нибудь увидишь этого молодова человека, то скажи ему это; да спроси у него, не знаетъ ли онъ такова секрета, чтобы коровье масло отъ огня не растопилось? Когда онъ скажетъ, что не знаетъ, такъ ты скажи ему, что въ седьмой день недѣли масло отъ огня не растопляется: а когда онъ ста-

и ешъ надъ побою смѣяться и скажетъ, что шупъ дни сами по себѣ ничего не производятъ, а что масло есть такой составъ, который долженъ отъ огня расплаться; тогда ты ему скажи подобнымъ образомъ, и мавна была такой составъ, который порпился и дни никакова дѣйствія въ ней не производили; но когда она могла сохраниться отъ шестаго дня и на седмой, то это было чудо, какъ и то чудо бы было, ежелибъ масло отъ огня въ седмой день не расплолось.

Г. Н. . . .

Мнѣ кажешся, сударыня, что *Израильтяне* были очень не благодарны, когда безпрестанно роптали на *Моисея*, который для нихъ испрашивалъ молитвами своими у Бога такія великія милости.

Г. *Доброурадова.*

Это правда, моя душа; да вѣтъ и мы неблагодарны, какъ этошъ народъ, когда не смотря на ежедневныя чудеса Божескія, не повинуюемся свяшой его воли.

Г. *Остроумова.*

Да я, сударыня, не видала еще отъ роду ни одного чуда.

Г. Доброуравова.

Такъ посмотри же, моя душа, на солнце, луну и звѣзды, посмотри на зеркало и море; посмотри и на самое себя. Мы окружены чудесами, о которыхъ не думаемъ потому только, что всякой день ихъ видимъ. Солнце, освѣщающее насъ отъ начала свѣта, поставлено такъ, чтобы намъ свѣтило. Ежелибъ оно выше было, оно бы не могло согрѣвать землю, ежелибъ было ниже, то сожгло бы и насъ и землю: не чудо ли это, что оно въ одинакой высотѣ чрезъ толь долгое время содержишься?

Г. Благоуумова.

Правда ли это, сударыня, что есть такая земля, въ которой солнце гораздо ближе, нежели къ вамъ, и что тамъ нестерпимый жаръ?

Г. Доброуравова.

Да, моя душа, во Африкѣ очень жарко, также посреди Америки и въ Южной части Азии; однако же не такъ жарко, чтобы не лзя было стерпеть, потому что и тамъ живутъ люди, которые этои жаръ сносятъ. Это опять чудо. Богъ опредѣливши людей

къ обитанію въ сихъ горячихъ мѣстахъ, далъ имъ такое шѣло и члены, кошорые жаръ вышерпѣшь могутъ: а въ самомъ дѣлѣшъ, кошорые въ Африкѣ и Америкѣ, въ сихъ жаркихъ мѣстахъ, бывающъ очень здоровы; а напрошивъ того приѣзжающіе туда занемогаютъ и умирающъ. Я бы могла говорить во всю свою жизнь о чудесахъ, кошорыя Богъ творитъ ежеминутно для человека, да и всей жизни моей недоспало бы на изчисленіе всѣхъ ихъ. Теперь уже поздно; однакожъ я вамъ хочу сказать еще объ одномъ Божескомъ чудѣ.

Посмотрите на эту ландкарту, кошорая предшавляетъ Африку. земля эта называется Египтомъ; въ ней жары преужасныя, а дождя никогда не бываешъ, или очень рѣдко.

Г. Остроумова.

Какъ же могутъ жить тамошніе бѣдные жители? говорятъ, что безъ дождя ничто не родится, ни хлѣбъ, ни шрава, ни плоды.

Г. Доброуравова.

Это правда, моя душа, однакожъ въ Египетской землѣ всѣ это сыскашь можно. Богу не угодно было, чтобы тамъ шелъ дождь, а вмѣсто того сна-

бдилъ эту землю великою рѣкою, которую вы видите, и которая называется *Ниломъ*. Она всякой годъ выступая изъ береговъ своихъ покрываетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ всѣ Египетскія земли, и что всего удивительнѣе, воды этой рѣки стекаясь на земли, оставляютъ послѣ себя такой илъ, отъ котораго земля гораздо плодоноснѣе бываетъ. Теперь скажите мнѣ, любезныя дѣти, не чудо ли это? Ежелибъ Нева рѣка выступила изъ своихъ береговъ, вѣтъ она бы только зашопила землю, а плодоноснѣе бы ее не сдѣлала, потому что у насъ и безъ того дождей очень довольно и земля хлѣбородна. Напротивъ того въ Египтѣ дожда нѣтъ, а вмѣсто дождя есть Ниль, которымъ земля напояется; это сшотъ также удивленія.

Г. М. . . .

Я думаю, сударыня, когда Ниль выходитъ изъ береговъ, то онъ всѣ города зашопляетъ.

Г. Доброуравова.

Нѣтъ, моя душа, тамъ города, построены на вышнихъ мѣстахъ и сдѣланы мосты отъ одного города до другаго. Прощайте мои любезныя; я

съ вами разговорилась и просидѣла позже обыкновеннаго.

Г. М. . . .

Миѣ, сударыня, о многомъ у васъ надобно спрашивать, да ужъ видно ошавить это до свиданія.

РАЗГОВОРЪ ХѲ.

ДЕНЬ ХІІІ.

Г. М. . . .

Сего дня, сударыня, ежели вы миѣ позволите, я у васъ о многомъ буду спрашивать.

Г. Доброуравова.

Изволь, моя душа, спрашивай что тебѣ угодно: я тебѣ все скажу, что миѣ извѣстно.

Г. М. . . .

Миѣ бы, сударыня, очень хотѣлось знать, отъ чего бываетъ дождь?

Г. Доброуравова.

Отъ морей, отъ рѣкъ и отъ всѣхъ водъ, которыя покрываютъ землю.

Г. М. . . .

Вы, сударыня, смѣтаетесь надо мною : какъ можно водѣ изъ моря и изъ рѣкъ взойти на небо.

Г. Добролюбова.

(снявѣ крышку съ чайника кипяткомъ
налитова.)

Какъ же моя душа , это вода поднялась на крышку ? Посмотрите , сколько на ней собралось воды , а чайникъ былъ только въ половину налитъ . Когда вода начинаетъ согрѣваться , а особливо уже когда закипитъ , то ты примѣтила , я чаю , что ошѣ нее поднимается паръ на подобіе дыма , а шотъ паръ не иное что , какъ самыя тонкія частицы воды . Равнымъ образомъ и солнечная теплота протягиваетъ къ себѣ самыя тонкія изъ воды частицы , которыя поднимаются на воздухъ и до тѣхъ поръ поддерживаются онымъ , пока не соберется ихъ множество , что воздухъ удержатъ ихъ не можетъ , то скопившаяся вода прорываетъ воздухъ и ниспадаетъ дождемъ на землю .

Г. Остроумова.

Я не думала , сударыня , чтобъ воздухъ могъ что нибудь поддерживать ; онъ миѣ кажется ничто , ибо сколько

я ни всматриваюсь, не могу его видѣть.

Г. Доброуравова.

Это, моя душа, не отъ воздуха происходитъ, а отъ того, что глаза наши не могутъ его видѣть. Очень много такихъ вещей, которыхъ мы не видимъ, но которыя существуютъ; на примѣръ: видишь ли ты въ этой комнатѣ пыль?

Г. Остроумова.

Нѣтъ, сударыня, не вижу и конечно отъ того, что шумъ нѣтъ пыли.

Г. Доброуравова.

Встань же, моя душа, поди въ уголъ и смотри по мѣсту, которое освѣщается солнцемъ, такъ и увидишь есть ли шумъ пыли.

Г. Остроумова.

Ахъ! сударыня, и въ самомъ дѣлѣ я вижу великое множество маленькихъ частичекъ, которыя безпрестанно движутся.

Г. Доброуравова.

Эти маленькія частички, моя душа, называются *атомами*; весь воздухъ ими наполненъ, но частички воздуха

еще понѣ и меньше ; потому то ты ихъ и не видишь.

Г. III. . . .

Мнѣ бы, сударыня, очень хотѣлось видѣть воздухъ : какова онѣ цвѣта ?

Г. II. . . (Разсмѣявшись.)

Полно сестрица , можешь ли воздухъ имѣть цвѣтъ , когда его часницы такъ мѣлки ?

Г. Доброуравова.

Однакожь , любезныя дѣти , посмотрише на небо : какова оно цвѣта ?

Г. M. . . .

Голубова , сударыня.

Г. Доброуравова.

Хорошо , моя душа , знай же , что всѣ то , что мы называемъ небомъ , есть воздухъ наполняющій часницами своими оное пространство небесное. въ томъ мѣстѣ , которое не освѣщается солнцемъ атомовъ , ты не видишь по тому , что они опадены одинъ отъ другаго и очень мѣлки : а я хочу вамъ показать ихъ вмѣстѣ большое количество , и когда они сгустятся , то вы ихъ конечно увидите. (*Гж. Доброуравова взявъ щепку мететъ комнату.*)

Г. Остроумова.

Ахъ, сударыня, какую вы подняли пыль! за нею ничего не видно.

Г. Добронравова.

Однакожь вы видишь пыль или ашомы, эшо все равно; я нарочно подняла эшу пыль, чшобъ частицы ея сгустились и чшобъ пы лучше могла ихъ видѣшь. По сей же самой причинѣ не видишь пы и воздуха шебя окружающаго, чшо частицы его не такъ сжались одна съ другою; въ высотѣ же, напрошивъ того воздушныя частицы больше собираются и больше сгущены, а по тому пы ихъ видишь. Я хочу вамъ доказать эшо примѣромъ, наливъ въ рюмку краснаго вина. Вы видите, чшо оно очень красно; посмотрите же, я обмокну не множокъ свой перестъ и пуцу одну каплю на свой платокъ: видите ли, любезныя дѣши, чшо вино на платкѣ моемъ не такъ красно, какъ въ рюмкѣ; а эшо отъ того, чшо въ рюмкѣ частицы вина несравненно въ большемъ количествѣ и гораздо больше сгущены, нежели на платкѣ. Посмотрите так же на одну красную шелчинку и на цѣлый мотокъ такова же шелка; вѣтъ одна нитка не такъ красна, какъ мотокъ. А то по той же самой причинѣ,

Г. Остроумова.

Хорошо, сударыня, пусть и такъ, что воздухъ есть шло, составленное изъ великаго множества малыхъ частицъ голубова цвѣта; да какъ же это шло, котораго частицы такъ мѣлки и слабы, можетъ поддерживать воду, которая гораздо тяжелѣе, попомучно частицы ея такъ велики, что я могу ихъ видѣть?

Г. Доброуравова.

Ты, моя душа, Госпожа Остроумова, захошла бышь Физикомъ. Я чаю, ты не поспорилъ, что пицца тяжелѣе воздуха, однакожъ ее поддерживаетъ. Да бывала ли ты когда въ саду послѣ большова дождя?

Г. Остроумова.

Часто случалось, сударыня.

Г. Доброуравова.

Не примѣшила ли ты, что на сучкахъ и на листьяхъ висятъ водяныя капли?

Г. Остроумова.

О, сударыня, я всегда смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ; особливо когда проглянешь солнышко, то эти капли точно бриллиантами кажутся.

Г. Доброуцова.

Чтожь это всякие бриллианты поддерживаютъ? Конечно воздухъ, который собственно гораздо ихъ тяжелѣе; наконецъ всякая капля оставшиися на сучкахъ и листьяхъ водяными частичками такъ увеличивается и ошугачается, что дѣлается тяжелѣе воздуха, и разрывая его частичцы, упадетъ на землю.

Г. Остроумова.

Теперь я это хорошо разумѣю. Вода безъ сомнѣнiя тяжелѣе воздуха, когда количество того и другаго равно; однако же не препятствуетъ, чтобъ большее количество воздуха могло удержатъ меньшее количество воды. Это точно такъ, какъ вы имѣли прежде говорили о кораблѣ: то есть, что корабль самъ по себѣ тяжелѣе воды, но и количество воды, подъ кораблемъ такъ велико, что можетъ держатъ его на себѣ.

Г. Доброуцова.

Точно такъ, моя душа.

Г. М. . . .

Вы изволили сказать, сударыня, что Госпожа Остроумова захошла

быть (Физикомъ) ; что это значитъ , Физикъ ?

Г. Доброуравова.

Физикъ, моя душа, есть человекъ искусный въ наукъ называемой Физикою. А Физика есть такая наука, которая показываеиъ свойство всѣхъ шѣлъ въ природѣ находящихся; сѣдѣсивенно Физикъ долженъ знать силу и свойство воздуха, огня, воды и земли; также свойство шѣлъ человѣческихъ и животиныхъ: равно и естество деревь, растений, цвѣтовъ, минераловъ и металловъ.

Г. Ш . . .

Что такое, сударыня, минералы и металлы ?

Г. Доброуравова.

Золото, серебро, мѣдь и другія вещи въ землѣ раждающіяся.

Г. М. . . .

Да развѣ, сударыня, золото въ землѣ раждается ?

Г. Доброуравова.

Точно такъ, моя душа. Сего дня мы о Физикѣ довольно говорили ; да и

впередъ будемъ говорить объ ней; теперь же хочу я вамъ сказать сказочку.

С К А З К А

О рыбацѣ и прохожемъ.

Нѣкопорый бѣдный человекъ имѣлъ одну только самую худую женщину, сиювную на берегу не большой рѣки, и весь доходъ его состоялъ въ рыбной ловлѣ: но какъ въ рѣкѣ рыбы очень мало было; но промыселъ его неслишкомъ былъ прибыточенъ, такъ что пропитаніе его состояло почти только въ хлѣбѣ и водѣ: однакожь онъ не скучалъ въ своей бѣдности и довольствовался тѣмъ, что у него было. Въ одинъ день вздумалось посмотреть ему города и онъ рѣшился идти туда на завтра. Между тѣмъ, какъ онъ думалъ о своемъ путешествіи, увидѣлъ прохожаго, который спрашивалъ у него, далеко ли до деревни, гдѣ бы ему переночевать? Въ моей избѣнкѣ; я правъ очень радъ буду. Прохожій на то согласился, а рыбацъ желая гостя поподчивать, разложилъ огонь и спалъ варить для ужина рыбу, сколько на то время поймать могъ, и между тѣмъ

пѣлъ, смѣялся и очень былъ веселъ. Какъ ты щаспливъ, сказалъ ему гость, что можешь такъ веселиться; я бы опдалъ все, что у меня есть, за такое состояніе. Чшожь мѣшаетъ, говорилъ рыбакъ? Мое веселье ничего мнѣ не стоить, да правду сказать, мнѣ и печалиться не о чемъ. А у тебя развѣ есть какая нибудь великая кручина, которая мѣшаетъ тебѣ веселиться? Ахъ! сказалъ прохожій, меня считають самымъ благополучнымъ на свѣтѣ человекомъ. Я былъ купецъ, собралъ имѣніе величайшее, но не былъ покоенъ ни на одну минуту, я всегда боялся, чтобъ мнѣ не пропортоваться, чтобъ не испортились мои товары, или чтобъ не разбило на морѣ кораблей моихъ; и такъ для спокойствія своего османилъ я торговлю и купилъ у Короля чинъ. Въ короткое время былъ я сколько щаспливъ, что Король полюбилъ меня, и шутъ-то думалъ я, что уже совершенно буду доволенъ своимъ состояніемъ; однакожь я скоро почувствовалъ что я былъ больше рабъ Королевской, нежели любимецъ; всякой разъ долженъ я былъ поступать противу склонностей своихъ, чтобъ только угодить желаніямъ своего Государя: онъ чрезвычайно пристращенъ былъ

къ охотѣ, а я къ покою; однакожъ я всякой день принужденъ былъ съ нимъ ѣздить по лѣсу. По возвращеніи отсюда въ презвѣликой усталости хотѣлось бы мнѣ иногда отдохнуть, однако не лзя. Посмотрѣвъ, Королевская любовница даешь балъ, на которой приглашаютъ и меня во угожденіе Королю; долженъ ийти, хотя съ досадою: однакожъ Королевская дружба нѣсколько меня утѣшала. Но съ недѣлю тому назадъ издумалъ Король съ дружескимъ видомъ поговорить съ однимъ придворнымъ, и поручилъ ему два дѣла, извѣщаясь, что онъ на честность его особливимъ образомъ полагается. Тутъ уже заключилъ я, что я человекъ совсѣмъ погибшій, и такъ мучился о своемъ несчастіи, что нѣсколько ночей не могъ спать. Да развѣ, сказалъ рыбакъ перервавшій рѣчь его, Король на тебя прогнѣвался и не сталъ уже тебя любить? Совсѣмъ не то, опившись прохожій, Король спалъ милостивѣе обыкновеннаго, да дѣло въ томъ, что уже не одного меня любилъ, и всѣ начали говорить, что этотъ господинъ, которому онъ поручилъ дѣло, сдѣлается вторымъ его любимцемъ: разсуди же, какъ это несносно и досадно. Вчера въ вечеру вошедши въ свои ком-

наты въ чрезвычайной печали, и оставшись одинъ началъ плакать. Вдругъ вижу передъ собою человека, высокаго роста и опимбно пріятнаго лица, который говоритъ мнѣ: *Азель*, состояніе швое приводитъ меня въ жалость; захочешъ ли ты быть спокойнѣ? ошложи любостпяжаніе и честолюбіе. Ахъ! государь мой, сказалъ я ему, желалъ бы ошъ чистаго сердца сѣдовать швоему совѣту; но не знаю, какъ это сѣлать. Оставь дворъ, сказалъ онъ мнѣ, и поди по первой дорогѣ, которая тебѣ попадется, прошедши нѣсколько увидишъ ты шакова человека, котораго глупости подаситъ тебѣ способъ излечиться навсегда ошъ щеславія. Послѣ двухъ дней возвратишь ты назадъ, и тогда уже ошъ тебя будешъ зависѣть жизнь спокойно и весело. Я уже шелъ нѣкій день и завтра еще пойду; однакожь не надѣюсь получишь, что онъ мнѣ обѣщалъ.

Рыбакъ слушая такую повѣсть, не могъ надивиться глупости эшаго честолюбиваго человека, который починалъ щасіе свое зависящимъ ошъ взира и словъ человѣческихъ. Я очень радъ буду опять тебя видѣшь и слышать о шзоемъ излеченіи, сказалъ онъ

прохожему ; продолжай щасливо
пусть свой , а чрезъ два дни зайдѣ
въ мою жилищю . Я самъ также соби-
раюсь въ дорогу : онъ роду не бывалъ
въ городѣ ; хочешь посмотришь , что
тамъ дѣлается . Дурное ты зашѣваешь
дѣло , сказалъ ему прохожій , мнѣ ка-
жется , что ты онъ щастья бѣжишь
за бѣдою . Теперь ты доволенъ своею
жищною ; а когдажъ увидишь огром-
ныя вельможескія палаты , тогда онъ
покажутся тебѣ очень малы и негодны ;
доволенъ ты также и одеждою своею ,
потому что она тебѣ свое покрыва-
етъ и грѣетъ ; но когда увидишь бога-
ча въ богатомъ и пышномъ одѣяніи ,
то станешь сокрушаться . Государь
мой , сказалъ рыбаку гостю , говоришь
ты , какъ по книгѣ читаешь ; однакожъ
употрѣби для себя добрыя свои наспа-
вленія и впередъ не досадуй , ежели и
другіе что нибудь противъ тебѣ гово-
рить будутъ . Много на свѣшъ такихъ
людей , которые другихъ учатъ , а сами
собою управлять не могутъ . Прохожій
не противорѣчалъ ему , потому что
гостю въ хозяйскомъ домѣ спорить не
прилично , по утру же на другой день
продолжалъ свой путь , равно какъ и
рыбакъ отправился въ свою дорогу .
Изаель по прошествіи двухъ дней не

нашедъ ничего чрезвычайнаго, возвратился къ жилищѣ, и нашелъ рыбака сидящаго у дверей; голова его поддерживаема была рукою, глаза пощиплены въ землю. О чемъ ты задумался, спросилъ у него *Азаель*? О томъ, отвѣчалъ рыбакъ, что я самый несчастный въ свѣтѣ человекъ: чѣмъ я виноватъ передъ Богомъ, что онъ сдѣлалъ меня такимъ бѣднякомъ, когда большая часть людей живутъ въ богатствѣ и удовольствіи? Въ ту самую минуту явился имъ тотъ самый Ангелъ, который *Азаелю* велѣлъ путешествовать. Для чего не слѣдовалъ *Азаелевымъ* совѣтамъ, сказалъ онъ рыбаку? Видъ городского великолѣпія произвелъ въ тебѣ такую зависть и честолюбіе, которыя опіяли у тебя прежнее веселіе и спокойствіе: умѣрь желанія свои, и тогда опять будешь жить по прежнему. Говорить это легко, сказалъ рыбакъ, а слѣдовать этому никакъ не возможно; и я чувствую, что до тѣхъ поръ буду несчастливъ, пока будетъ угодно Богу перемѣнить мое состояніе. Это бы къ погибели твоей послужило, сказалъ ему Ангелъ; повѣрь мнѣ, нежелай ничего кромѣ того, что ты имѣешь. Чтобы ты ни говорилъ, отвѣчалъ рыбакъ, а я не це-

рестану желать перемѣны своего состоянія. Богъ иногда внемлетъ желаніямъ и честнлюбивыхъ людей, сказалъ Ангелъ, но то дѣлаешь оны во гнѣвѣ своемъ и для наказанія ихъ : да что тебѣ до этого дѣла ? говорилъ рыбакъ; лишь бы только желаніе мое исполнилось, а угрозы мои твои не спрашны. Когда ты самъ идешь на свою пагубу, сказалъ Ангелъ, я согласенъ; ты можешь желать прехъ вещей, которыя шебѣ отъ Бога посланы будутъ. Рыбакъ чрезвычайно обрадовался, и пожелалъ во первыхъ, чтобъ хижина его превратилась въ великолѣпныя палаты; что въ ту же мину и сдѣлалось. Рыбакъ любовался смотря на домъ свой, и пожелалъ еще, чтобъ маленькая рѣка, которая близъ хижины его протекала, превратилась въ обширное море, и сіе вдругъ исполнилось : оставалось ему еще разъ пожелать, и оны нѣскольکو времени подумавъ пожелалъ, чтобъ его рыбацкая лодка превратилась въ великой корабль, наполненный золотомъ и дорогими каменьями. Вдругъ и корабль явился. Рыбакъ побѣждалъ осматривать свои сокровища; но лишь только вошелъ оны на корабль, поднялась ужасная буря: рыбакъ хотѣлъ возвратиться на берегъ; но никакъ

было не возможно. Тутъ уже началъ онъ проклинать тщеславіе свое и ненасытность: но все было бесполезно, онъ попоуль въ моръ совсѣмъ богатствомъ, и тогда сказалъ Ангелъ *Азаель*: примѣръ сей да научишь мудрости. Конецъ сего чловѣка обыкновенно случается съ людьми честолюбивыми. Дворъ, при кошоромъ ты жилъ доселъ, есть море славное кораблекрушеніями и бурями: пока еще можно, приближайся къ берегу; послѣ и захочешь, но будетъ поздно. *Азаель* примѣромъ симъ устрашенъ былъ, общалъ Ангелу, что повелѣніе его исполнишь, и сдержалъ свое слово. Оставя Дворъ, переѣхалъ жить въ деревню, гдѣ женился на дѣвицѣ, копорая болѣ имѣла добродѣтели, нежели красоты и щастья. вмѣсто умноженія богатства своего, старался онъ только наслаждаться имъ съ умѣренностію и избытокъ удѣлять бѣднымъ. Тогда почувствовалъ онъ, что онъ щастливъ и доволенъ, и не проходило ни одного дня, чтобъ онъ не благодарилъ Бога за исцѣленіе его отъ зависти и честолюбія, копорыя до того времени оправляли все благополучіе его жизни.

Г. *Благоразумова.*

Возможно ли, до какого несчастія доводишь людей честолюбіе!

Г. *Добронравова.*

Спроси, моя душа, у *Госпожи Остроумовой*, сколько она въ то время переѣла безпокойства, когда шѣла только и занималась, чтобъ людямъ нравилась, блистать своимъ разумомъ и получать похвалы.

Г. *Остроумова.*

Это правда, сударыня, что я была самый несчастный человекъ. Когда я бывала съ бабюшкою въ гостяхъ, и увижу, что прїѣдетъ какая нибудь молодая женщина, которой оказываютъ учтивость, какъ я ни это досадовала; мнѣ казалось, что всѣ тѣ похвалы, которыя ей приписывали, у меня отняты; короче сказать, я ее ненавидѣла. Да знаешь ли ты, (къ *Г. Благоразумовой*), что я и на тебя часто досадовала?

Г. *Благоразумова.*

А за что бы, мой свѣтъ?

Г. *Остроумова.*

За то, что я находила въ тебѣ такія достоинства, какихъ во мнѣ не бы-

ло: однакожъ повѣрь, я себя люблю чрезвычайно, и не только не завидую тебѣ ни въ чемъ, но и съ великимъ удовольствіемъ слушаю, когда тебя хвалятъ.

Г. Благоразумова.

Очень благодарна, мой свѣтъ; да ты бы весьма дурно дѣлала, ежелибъ меня не любила, потому что я сама ошмѣнно тебя люблю.

Г. Доброправова.

Намъ уже не много остаешия времени; надобно бы поговорить о испорчи. Начинай моя душа, *Гж. М. . .*

Г. М. . . .

Гофоро, шесть *Моисеев*, услыша о великихъ чудесахъ, содѣланныхъ Богомъ чрезъ зятя его, пришелъ его видѣть, и привелъ къ нему жену его и двухъ сыновей, которыхъ онъ у него оставилъ. Между шѣмъ *Гофоро* увидѣвъ, что *Моисей* долженъ былъ цѣлый день занимать разбираниемъ разныхъ жалобъ въ народѣ, сказалъ ему: ежели ты всегда будешь столько пруднишься, то конечно потеряешь свое здоровье; послушайся меня, выбери честныхъ людей, которые бы разби-

рали народныя дѣла и давали бы тебѣ во всемъ опочевъ. *Моисей* послѣдовалъ сему совѣту, и пошому угославъ своего шестня, опуспилъ его. Чрезъ нѣсколько времени пришли *Израильтяне* къ горѣ *Синаю*, и Богъ сказалъ *Моисею*: взойди на сію гору, но чпобѣ народъ не приближался къ ней; а ежели кто приблизится, шобѣ смернію будетъ наказанъ. *Моисей* взошелъ на Синайскую гору и увидѣлъ Божіе величество. Гора воздымалась и освѣщена была блисканіями молніи, за коими слѣдовали ужасныя громовыя удары. Въ сіе-шо время далъ Богъ *Моисею* десять заповѣдей для народа и симъ наведеннымъ на всѣхъ ужасомъ хотѣлъ показать людямъ своимъ, чпо онъ Всемогущій, и чпо онъ накажетъ тѣхъ жестокосердыхъ людей, которые дерзнутъ пропивишься святымъ его заповѣлямъ. Заповѣди же, данныя Богомъ *Израильтянамъ* суть тѣ самыя, которыя мы учили въ Катихизисѣ.

Г. Доброуравова.

Продолжай ты, моя душа, *Госпожа Н.*

Г. Н.

Богъ еще призывалъ *Моисея* на гору, гдѣ уже пробылъ онъ сорокъ дней

и сорокъ и чѣй. Въ сіе время предписалъ ему Богъ для народа законъ и повелѣлъ ему сдѣлать кивотъ, скинью и олтарець; предписалъ также, какимъ образомъ долженъ быть сдѣланъ кивотъ и какъ надлежитъ поступать при жертвоприношеніи, и повелѣлъ Богъ *Аарону* и дѣтямъ его быть жрецами и священнодѣйствовать; но между тѣмъ, какъ *Моисей* бесѣдовалъ съ Богомъ, *Израильтяне* забывъ все чудеса, которыя являлъ Богъ по любви къ нимъ, говорилъ *Аарону*: сотвори намъ такихъ же боговъ, какіе были во Египтѣ, чѣмъ они намъ предшествовали, ибо мы не знаемъ, когда опъ насъ *Моисей* скрылся. *Ааронъ* бояся, чѣмъ народъ не убилъ его, сказалъ: принеши ко мнѣ золотыя серги дочерей и женъ вашихъ; чѣмъ они вкорѣ и исполнили. Тогда *Ааронъ* вынулъ золотого телца, которому они поклоняются свадли, говоря: ты нашъ богъ, который вывелъ насъ изъ *Египта*. Богъ протнвался на *Израильтянъ*, и сказалъ *Моисею*: нынѣ народъ содѣлалъ величайшее беззаконіе, и за то я хочу погубить его, а тебѣ дамъ иной народъ; но *Моисей* сказалъ Богу: вспомни, Господи! *Авраама*, *Исаака* и *Іакова*, прости бѣдному народу сему и лучше

исключи меня изъ книги жемчужныя, не-
 желан погуби народъ сей. Богъ оповѣ-
 ствовалъ *Моисею*: Единые только
 преступники воли моеи изъ книги мо-
 ей исключаются; но я еще прощаю
 народу сему. Тогда *Моисей* сошелъ съ
 горы съ двумя каменными скрижалями,
 на которыхъ съ обѣихъ сторонъ на-
 писанъ былъ самимъ Богомъ законъ.
 Увидя же *Моисей Израильтянѣ*, ска-
 чущихъ около золотого тельца, такъ
 прогнѣваася, что скрижали бросилъ на
 землю и разбилъ ихъ. Потомъ жесно-
 ко бранилъ *Аарона*, и взявши золото-
 ва тельца бросилъ въ огонь; послѣ же
 стерши его въ пепелъ, высыпалъ
 въ воду, и велѣлъ оную пить *Ис-
 раильтянамѣ*. Призвавъ же Левитныхъ
 дѣшей, сказалъ имъ: именемъ Божиимъ
 повелѣваю вамъ взять мечи и пройти
 весь станъ отъ однова конца до
 другога, и проходя рубить по обѣ-
 имъ сторонамъ всѣхъ, кто вамъ ни
 встрѣпился, не щадя даже ни род-
 ственниковъ, ни друзей своихъ. *Ле-
 витины* дѣши повелѣнiе сiе исполнили и
 побили до трехъ тысячъ человекъ.
 Послѣ сего сказалъ имъ *Моисей*: Гос-
 подь благословилъ васъ, что вы волю
 его исполнили; потомъ вошелъ въ ша-
 лашъ свой, названный скиниею свидѣ-

нія, въ то же время сошелъ съ небеси облачный столпъ, въ которомъ самъ Богъ былъ, и остановился у дверей скинии. *Израильтяне* увидя сіе, отъ страха вострепетали, и падши на землю, просили у Бога помилованія.

Г. М. . . .

Ахъ сударыня, это страшное дѣло, побить три тысячи человекъ.

Г. Доброуравова.

Да *Израильтяне* и всѣ, моя душа, достойны были смерти; ибо они обѣщались хранить законъ Божій, который осуждалъ на смерть всѣхъ тѣхъ, кои станутъ обожать идоловъ. Еще Богъ и милосердѣ къ нимъ былъ, что наказалъ только три тысячи человекъ, да и то вѣрше должно, что отъ мечей дѣшей *Левитныхъ* погибли самые виновные *Израильтяне*; продолжай ты, моя душа.

Г. Ш. . . .

Израильтяне начали еще роптать на Бога; для чего, говорили они, оставили мы Египеть? Гдѣ было у насъ такое множество рыбы, мяса и всякой другой пищи. Теперь ѣмемъ мы одну только манну, которая уже намъ пріѣлась. *Моисей* шакъ оторчился небла-

Часть II. А

годарностию къ Богу сего народа, что молилъ Бога о испосланіи ему самому смерти, чтобы не быть свидѣтелемъ нечестія *Израильтянъ*. Богъ услышалъ его, пославъ для народа великое множество пшницъ. Они чрезвычайно обрадовались и ѣли пшницъ съ жаждою; но въ то же самое время, какъ они обжирались, Богъ прогнѣвался на нихъ и умершилъ изъ нихъ великое множество. *Моисей* имѣлъ потомъ новое огорченіе. *Ааронъ* и сестра его *Марія* спали смѣясь надъ нимъ, что у него была жена *Евѣонка*, но Богъ опомнилъ за *Моисея*; ибо сестра его покрылась потчасъ спруппьями. Сколько *Моисей* ни просилъ Бога о прощеніи ее въ семъ преступленіи, однакожъ она оставлена была въ томъ положеніи семь дней. Послѣ того послалъ *Моисей* нѣсколько человекъ для развѣданія о той землѣ, которая обѣщана Богомъ *Аврааму*. Посланные возвратились, и принесли опшуда такую большую кисель винограда, что одному человеку поднять ее не можно. Изъ посланныхъ же *Халевъ* и *Иисусъ* уговаривали народъ итти въ ту изобильную землю, которую они видѣли; но другіе говорили: правда, что земля изобильная, но тамъ живутъ такіе

люди, которые гораздо насъ сильнѣе; между ими есць множество великановъ, которые побьютъ насъ съ женами и дѣтьми нашими. *Израильтяне* сказали: для чего насъ вывели изъ Египта? Выберемъ себѣ начальника и возвратимся во Египетъ. *Иисусъ* и *Халевъ* начали ихъ уговаривать, но они хотѣли побить ихъ камнями. *Моисей* и *Ааронъ* падали на колѣни, начали просить Бога о прощени; но Господь опивѣствовалъ имъ: уже десять разъ неблагодарный сей народъ прогнѣвалъ меня своимъ ропшаніемъ, и я клянуся во гнибѣ моемъ наказать его смертію въ сей пустынь: онъ на сорокъ лѣтъ въ ней оспанется, и когда они всѣ помрутъ, то дѣти ихъ войдутъ въ обѣщанную землю съ *Халевомъ* и *Иисусомъ*, которые повѣрили словамъ моимъ. Но тѣ, которые видѣли чудеса мною для нихъ сдѣланныя, и не увѣривали мнѣ, въ сей пустынь погребены будутъ. Число ихъ тогда было болѣе шести сотъ тысячъ человекъ.

Г. Остроумова.

И въ самомъ дѣлѣ, сударыня, *Израильтяне* ужъ неспосны съ своимъ ропшаніемъ. Какъ можно дойти до такой глупости, чтобъ подвергаться

Божескому гнѣву, котораго они Все-могущество видѣли? Какъ они могли обожашь шельца и говоришь, что онъ Богъ, которъ ихъ вывелъ изъ Еги-пта?

Г. Доброуравова.

Да мы, душа моя, развѣ менѣе *Ис-раильскія* неблагодарны и слѣпы, ко-гда не повинуюемся Богу и не исполня-емъ его заповѣдей? Намъ развѣ не из-вѣстно, что онъ всѣхъ преступниковъ накажетъ: лжецовъ, прожоръ, злоб-ныхъ, не повинующихся своимъ роди-телямъ, не имѣющихъ къ бѣднымъ жа-лости, завистливыхъ, злословящихъ ближняго, мстительныхъ и радую-щихся нещастію ближнихъ. Мы все это знаемъ, любезныя дѣти, а не спа-раемся о исправленіи себя отъ худыхъ привычекъ, которыя навлекаютъ на насъ гнѣвъ Божій и неминуемое нака-заніе. — Помните это всегда, и упо-требляйте все способы къ непреле-нью своихъ пороковъ. Теперь уже семь часовъ, мои любезныя; о Географіи се-го дня говоришь намъ не когда, а въ будущій разъ мы прежде всего гово-римъ о томъ будемъ.

РАЗГОВОРЪ XVI.

ДЕНЬ XIV.

Г. Добронравова.

Я вамъ обѣщала, мои любезныя дѣти, при первомъ вашемъ свиданіи говорить о Географіи. И такъ возьмемъ теперь Атласъ, и поговоримъ особенно о *Россіи*.

Россія есть самое обширное въ свѣтѣ Государство, ибо занимаетъ осьмую часть матерой земли, или двадцать четвертую всей поверхности земнаго шара. Къ Сѣверу граничитъ она съ *Сѣвернымъ*, а къ Востоку съ *Восточнымъ Океаномъ*; къ Югу отъ *Охотскаго моря* до рѣки *Иртыша* съ *Китайскою Татаріею*, потомъ съ *Персіею*, *Грузіею*, *Турецкимъ владѣніемъ* и *Чернымъ моремъ*, къ Западу съ *Европейскою Турціею*, владѣніями *Римскаго Императора*, *Пруссіею*, *Балтійскимъ моремъ*, *Швеціею* и *Норвегіею*. Въ разсужденіи климатовъ Россія раздѣлена на *Сѣверную*, *Среднюю*, *Полуденную* полосы и на новопріобрѣщен-

ныя земли отъ Польши; полосы же раздѣлены на Губерніи; Губерніи на Округи или Уѣзды.

Къ Сѣверной полосѣ принадлежатъ Губерніи: Санктпетербургская, Выборгская, Архангельская, Эстляндская, Гижская, Псковская, Новгородская, Тверская, Ярославская, Вологодская, Костромская, Вятская, Пермская, Тобольская и Иркутская.

Къ Средней полосѣ принадлежатъ Губерніи: Курляндская, Литовская, Волынская, Минская, Бѣлорусская, Смоленская, Малороссійская, Орловская, Калужская, Московская, Тульская, Курская, Слободская-Украинская, Воронежская, Тамбовская, Рязанская, Владимирская, Саратовская, Нижегородская, Симбирская, Казанская и Оренбургская.

Къ Южной полосѣ принадлежатъ слѣдующія Губерніи: Подольская, Кіевская, Новороссійская, Астраханская.

Г. Остроумова.

Отъ чего, оударыня, Губерніи такъ называются, какъ вы говорили?

Г. Доброчасова.

Ошѣ, моя душа, все почти такъ называются ошѣ своихъ главныхъ или Губернскихъ городовъ, на примѣръ: *Санктпетербургская* ошѣ города Санктпетербурга, *Московская* ошѣ Москвы.

Г. Остроумова.

Какая же, сударыня, разность между Губерніею и округою?

Г. Доброуравова.

Губернія есть обширная часть Государства, надъ которою правленіе и попеченіе имѣешь Губернаторъ, а округа уже составляютъ часть Губерніи, и со всеми своими присудственными мѣстами состоятъ въ вѣдомствѣ Губернскаго Правленія. Въ цѣлой Губерніи полагается ошѣ прехъ до чепырехъ сошѣ тысячъ душъ, а въ уѣздѣ или округѣ ошѣ двадцати до тридцати тысячъ. Вотъ, моя душа, какая разность между Губерніею и округою.

Г. М. . . .

Мнѣ кажется , сударыня , это все упомянуть очень трудно.

Г. Доброуравова.

Конечно не легко , моя душа ; однакожь это необходимо знать надобно. Когда за нужное почищаютъ имѣнь порядочное познаніе о положеніи и просиравшѣхъ чужихъ земель , то о своей не знаютъ очень спыдно. Мы и впередъ по нѣскольку времени спанемъ , удаляясь на это ; а шеперь *Госпожа Благоуазумова* разскажи намъ эту исторію , которую мы вчера съ тобою читали.

Г. Благоуазумова.

Въ Англіи былъ Король именемъ *Канутъ* , который также былъ Королемъ въ *Дачіи* и *Норвегіи* ; слѣдовательно былъ Государь сильный. Нѣкогда вышелъ онъ съ придворными своими на морской берегъ прогуливаясь. Придворные его , какъ обыкновенно бывають великіе льстецы , между прочимъ говорили ему , что онъ Король надъ Королями и повелитель земли и моря. *Канутъ* былъ человекъ Ботобязанный и разумный ; вздумалось ему надъ льстецами посмѣяться , и пока-

сказалъ морю; земля, на которой я сижу, принадлежишь мнѣ, да и пивой я повелишель: попому повелѣваю тебѣ остаться въ своемъ мѣстѣ и не выходить изъ берега, чтобы не замочить мнѣ ногъ. Придворные услыша, что Король захотѣлъ повелѣвать моремъ, начали думать, не сошелъ ли онъ съ ума. Между тѣмъ вода болѣе выступила и замочила у Короля ноги; Тогда онъ всталъ и сказалъ льстецамъ: шеперь вы видите, какой я моря повелишель? Знайте же, что власть Государская противу власти Божеской ничего не значишь. Одинъ только Богъ небомъ, землею и моремъ повелѣвать можетъ.

. III. . . .

Развѣ, сударыня, море выступаетъ изъ своего мѣста?

Г. Добронравова.

Да, моя душа, оно два раза въ день выступаетъ и опять входитъ въ свое мѣсто: это такъ извѣстно, что можно угадать, въ которомъ часу оно выступишь и въ которомъ войдетъ въ свое мѣсто, и это называется приливомъ и отливомъ.

Г. Ш. . . .

Ахъ! Боже мой, какъ это удивительно; да отъ чего же это, сударыня, происходитъ, что оно выходитъ и опять вступаютъ въ свое мѣсто?

Г. Доброправова.

Этова я подлинно не знаю, моя душа, а слыхала отъ ученыхъ людей, что это происходитъ отъ луны, которая будто бы давитъ воздухъ, а воздухъ давитъ море и принуждаетъ его выходить изъ своихъ предѣловъ.

Г. М. . . .

Этова ужъ я совсѣмъ не разумю, сударыня.

Г. Доброправова.

Я постараюсь изъяснить тебѣ это, моя душа; ты видишь этоиъ пазъ наполненной водою; представимъ же, что это море; а тарелочку, которую я держу и которая окружностію своею меньше пазъ, назовемъ воздухомъ, который самъ собою держится на поверхности моря. Представьте же, чтобъ эта тарелка была чѣмъ нибудь сверху угнѣтаема такъ, чтобъ коснулась воды, которою пазъ наполненъ,

вы увидите, что лишь только она опустился на воду, то вода раздася во всѣ стороны. Посмотрите, мои любезныя (*опускаетъ тарелку въ тазъ.*)

Г. М. . . .

Теперь я разумѣю, сударыня; да какъ же луна можетъ давить море? она не иное что, какъ свѣтило.

Г. Доброуравова.

Не правда, моя душа; луна есть такойже шаръ, какъ земля наша. Она заимствуетъ свѣтъ отъ солнца, и пошому намъ кажется свѣтиломъ.

Г. Н. . . .

Полно такъ ли, сударыня? Можетъ быть вы это въ шулку говорите. Луна очень не велика, она же на воздухѣ, и переходитъ съ мѣся на мѣсто; какъ же она можетъ быть такою землею, на коей мы живемъ?

Г. Доброуравова.

Ты думаешь, что луна мала, однакожъ глаза твои тебя обманываютъ; напрошивъ шово она очень велика. Посмотри ты напримѣръ на крестъ, который на верху этой церкви, онъ тебѣ маленькимъ кажется: но ежелибъ его снялъ, ты бы увидѣла,

что онъ очень великъ. Посмотримъ еще въ поле. . . . Видишь ли ты идущаго человека? Не правда ли, что онъ шебъ кажется робенкомъ? а это отъ того, что онъ въ такомъ отъ насъ отдаленіи. Всякая вещь, на которую мы смотримъ издали, кажется намъ по мѣрѣ отдаленности гораздо меньше, нежели какова она въ самомъ дѣлѣ; а луна очень далеко отъ насъ, и поэтому кажется намъ малою. Ты говоришь, что луна на воздухѣ и что она переходитъ съ мѣся на мѣсто; да вѣдь и земля наша такъ же на воздухѣ, и такъ же, какъ луна, безпрестанно движется.

Г. Остроумова.

Позвольте, сударыня, сказать вамъ: вы вѣрно хотите узнать, будемъ ли мы столько глупы, чтобъ вѣрить такімъ сказкамъ. Это не можетъ быть, чтобъ земля двигалась; а ежелибъ двигалась; то мы бы это чувствовали.

Г. Добронравова.

Бѣжала ли ты, моя душа, водою на какомъ нибудь большомъ суднѣ?

Г. Встроумова.

Очень часто, сударыня.

Г. Добронравова.

Не примѣтила ли ты, что судно, кажется, все стоитъ на одномъ мѣстѣ, а земля, древа и дома какъ будто бѣгутъ и удаляются?

Г. Остроумова.

Этова я не примѣтила, сударыня; а когда я бду въ каретѣ по полю, то кажется, что древа бѣгутъ.

Г. Добронравова.

То есть, какъ тебѣ кажешься; въ самомъ же дѣлѣ древа и дома остаются на своемъ мѣстѣ; а вмѣсто того карета или судно движутся, и тебѣ отъ оныхъ предметовъ удаляются. Ежелибъ ты въ хорошую погоду сидѣла въ каютѣ или бы еще спала, то конечно бы ты подумала, что сидишь или лежишь въ своей спальнѣ. Такимъ образомъ ты на земли живешь. Она вертится очень скоро; но по тому, что она вертится и съ тобою, ты того не чувствуешь, а вмѣсто того кажется тебѣ, будто бѣжишь солнцу, которое въ самомъ дѣлѣ неподвижно остается на своемъ мѣстѣ.

Г. Благоразумова.

Это очень странно; однакожъ я нѣсколько цоцнмаю.

Г. Добронравова.

Отъ эпова-по бываетъ у насъ день и ночь. Земля оборачивается около своей оси въ двадцать четыре часа. Когда мы оборотимся къ солнцу, тогда у насъ бываетъ день; а когда перейдемъ въ другую сторону, то бываетъ ночь.

Г. Остроумова.

А я думала, сударыня, что солнце каждый вечеръ скрывается въ море, и чинала это въ превращеніяхъ.

Г. Добронравова.

Солнце, моя душа, всегда свѣтитъ; а скрывается оно для насъ по тому, что мы его не видимъ или лучше скажемъ, мы отъ него опшдаляемся; а въ то же время оно восходитъ для народовъ живущихъ въ Америкѣ, то есть, тогда, когда мы не видимъ, они видятъ. Древнимъ не извѣстна была Америка, какъ и то, что земля кругла и кругомъ обитаема. Я вамъ это покажу на глобусѣ.

Г. Остроумова.

Да развѣ, сударыня, тѣ, которые живутъ внизу эпова шара, ходятъ ногами къ верху, а головою къ низу?

А не то , такъ мнѣ кажется , что ежели бы провернуть эгошь шаръ на сквозь , то наши ноги сошлись бы съ ихъ ногами .

Г. Доброураова.

Это правда , моя душа ; наши ноги сошлись бы съ ихъ ногами ; однакожь это не мѣшаетъ , чтобъ они также , какъ и мы , ходили по землѣ ногами , а головы бы обращены были къ небу . Представьте себѣ , что земля есть такой шаръ , который величиною равенъ ореховому ядру и сокрытъ въ другомъ шарѣ величиною съ эту комнату , который назовемъ мы небомъ . Вообразите , что эгошь малый шаръ держится на воздухѣ въ большомъ шарѣ или въ этой комнатѣ , и что на немъ сидятъ двѣ мухи , одна на верху , а другая съ низу ; не правда ли , что обѣ этъ мухи имѣютъ головы обращенныя къ большому шару , который мы назвали небомъ ? Земля окружена небомъ такъ , какъ яичный желтокъ бѣлкомъ : и такъ бѣлокъ яичный можно себѣ представить воздухомъ , а скорлупу вмѣсто неба . Понимаетели вы мои любезныя ?

Г. Н. . . .

Очень поняшно, сударыня; а только эпо не понимаю, какъ маленькой шаръ держипся посреди большаго?

Г. Добронравова.

Какъ же, моя душа, яичный желтокъ держится посреди яйца и не смѣшается съ бѣлкомъ, который его окружаетъ, хотя желтокъ и тяжель его кажется? Ученые люди много писали въ доказательство и въ объясненіе тѣхъ способовъ, которые Богъ употребилъ въ своемъ швореніи, когда онъ утвердилъ землю на воздухъ; но я не столько искусно, чтобы все понимаешь, намъ же и еще страннѣе казаться это должно: для насъ довольно знать, что Богу такъ было угодно, и что оно такъ пребудетъ, доколь ему же угодно. Намъ не лзя о томъ сомнѣваться, ибо многіе и лучшіе люди весь земной шаръ кругомъ обѣзжали, и сіе доказываетъ, что онъ окруженъ воздухомъ. Однако объ этомъ довольно мыговорили. Теперь Госпожа Остроумова расскажетъ намъ хорошенькую исторію, которую я ей отдала прочесть прешьяго дня.

Г. Остроумова.

Нѣкоторый человекъ прогуливаясь въ полѣ, увидѣлъ дубъ, большое дерево, и удивлялся чрезвычайно, что на немъ растутъ такіе маленькіе плоды, желудками называемые, которые величиною съ небольшою орѣхъ. Не далеко отъ того мѣста увидѣлъ онъ нѣкоторое расщепленіе, по земли разославшееся и имѣющее плоды въ четыре раза больше головы его (плодъ этотъ называется тыквою), и подумалъ самъ въ себѣ: мнѣ кажется, что ежелибъ я былъ Богъ, то лучше бы это устроилъ. Я бы то сдѣлалъ, что тыква бы росла на этомъ большомъ деревѣ, а желудки на этой низкой травѣ. Между тѣмъ, какъ онъ разсуждалъ такъ, захотѣлось ему спать, а какъ день былъ жаркой, то онъ и легъ подъ тѣнью дуба. Во время сна его поднялся великой вѣтръ, отъ чего одинъ желудокъ оторвался отъ дерева, упалъ спящему на носъ и сильно его ударилъ; теперь я признаюсь, сказалъ онъ опомнясь, что я разсуждалъ очень глупо, и что Богъ устроилъ лучше, нежели я думалъ. Какое бы мнѣ было, ежелибъ вмѣсто этого желудка упала съ дерева ты-

ква? Она бы мнѣ проломилла голову. Съ пово времени эпошѣ человекѣ сдѣлался разумнѣе и шолько удивлялся Божеской премудрости, видимой во всемъ его созданіи, и тогда уже не смѣлъ опорочивать никакой вещи, которая казалась ему странною.

Г. *Благоразумова.*

Мнѣ кажется, сударыня, я бы съ великою охотою спала учиться Физикѣ. Тѣ, которые въ ней упражняются, не могутъ имѣть скуки, хотя бы и не было у нихъ другихъ забавъ, кромѣ того, чпобѣ шолько разсматривать Божіе швореніе и удивляться ему.

Г. *Добронравова.*

Ты справедливо разсуждаешь, моя душа: я и сама хочу учиться эпой прекрасной наукѣ; а когда ты будешь свѣдуца во всемъ другомъ, что тебѣ знашь надобно, то я тебя научу и Физикѣ, сколько сама знашь буду. Теперь надобно тебѣ хорошо узнать исторію. Посмотримъ, выучила ли *Госпожа М.* . . . урокѣ свой.

Г. *М.* . . .

Трое *Исраильтянѣ*, *Корей*, *Дифанѣ* и *Авиронѣ* возсшали прошивъ *Мо-*

исея и двѣсти пятьдесятъ человекъ къ бунту склонили. Причина возмущенія ихъ была та, для чего только *Ааронъ* и дѣти его имѣли позволеніе приносить Богу жертву, не смотря на то, что самъ Богъ повелѣлъ такъ. Они стали выговаривать о томъ *Моисею*; но онъ имъ по повелѣнію Божію отвѣтствовалъ: возмите каждый по кадильницѣ и наполните ихъ фиміамомъ, и тогда узнаете, ково Богъ изберетъ къ сему дѣлу. Онъ велѣлъ также и *Аарону* взять кадильницу, и сказалъ къ народу: отдѣлитесь вы отъ *Корея*, *Дафана* и *Авирона*, чтобъ и вы не были отъ Бога наказаны вмѣстѣ съ ними. По томъ сказалъ имъ: Ежели сіи люди, не хотящіе покориться Господу, умрутъ обыкновенною смертію, то вы можете думать, что васъ обманываю и что я не посланъ отъ Бога; а еспли земля подъ ними разверзется и поглотитъ ихъ, то познайте, что я говорю по Божескому велѣнію. Лишь только *Моисей* это выговорилъ, земля разступилась и поглотила *Корея*, *Дафана* и *Авирона* со всѣмъ ихъ родомъ, а двѣсти пятьдесятъ человекъ соучастниковъ ихъ, державшихъ кадильницы, пожгло огнемъ. Тогда Богъ повелѣлъ *Моисею* собрать

оставшіяся отъ сожженныхъ кадила-
ницы, сдѣлашь изъ нихъ листы и по-
крышь олтарь въ воспоминаніе *Исра-
ильтянѣ*, дабы никто впередъ не дер-
залъ приближаться къ олтарю и свя-
щеннодѣйствовашь, кромѣ *Ааронова*
племени. Между тѣмъ *Исраильтяне*
начали роптать противъ *Моисея* и
Аарона, что они были причиною сме-
рти иоликаго числа людей, и Господь
прогнѣвавшись на ихъ роптаніе, ска-
залъ *Моисею* и *Аарону*: отдѣлитесь
отъ сего неблагоприятнаго народа, я
хочу погубить его. Тогда *Моисей* ска-
залъ брату своему: наполни скорбе
фиміамомъ кадилалицу свою, поди стань
посреди народа и укроти гнѣвъ Божій.
Ааронѣ исполнилъ сіе, и ставъ между
живыми и погибшими, укропилъ гнѣвъ
Божій. Въ семъ случаѣ прогнѣванный
Господь погубилъ за роптаніе и не-
покорность четырнадцать тысячъ и
семь сотъ человекъ.

Г. Ш. . . .

Боже мой! какъ эта исторія ужа-
сна! Я, сударыня, дрожу отъ стра-
ха. Щасптивы мы, что Богъ не дѣ-
лаеть такихъ страшныхъ наказаній;
ещѣ одного ужаса умереть можно.

Г. *Добронравова.*

Повѣрьте любезныя дѣши, что Богъ и шеперь сполько же справедливъ и сполько же ненавидитъ грѣшниковъ, какъ въ погдашнее время. Это правда, что онъ не повинующихся святымъ его заповѣдямъ не ввергаетъ живыхъ во адъ, но то не сомнительно, что сіе по смерти съ ними послѣдуетъ. Такая мысль должна произвестъ въ душѣ нашей ненависть къ пороку и страхъ Божій. Мы должны больше всего бояться Бога и грѣха, по симъ словамъ Христовымъ: *Не убойтесея отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити. Убойтесея же наче могущаго и душу и тѣло погубити въ есень.*

Г. Н. . . .

Какъ же, сударыня, всѣ говорятъ, что Богъ очень милосливъ: а онъ такъ жестоко наказываетъ грѣшниковъ?

Г. *Добронравова.*

Это по тому, моя душа, что онъ такъ же и справедливъ чрезвычайно. Довольно показалъ онъ людямъ милость свою, давъ имъ разумъ на добрыя дѣла и совѣсть на обличеніе и угрызеніе, когда они зло творятъ:

сверхъ того даетъ имъ долгое время на покаяніе и исправленіе ; но когда они не стараются пользоваться милосердіемъ его и остаются всегда въ злодѣяніи, то Божеское правосудіе пребуетъ того, чтобъ они жестоко были наказаны. Представимъ себѣ, любезныя дѣши, самаго милосердаго Государя; вы знаете однакожъ, что онъ соглашается, чтобъ злодѣи были наказаны : а ежелибъ онъ всегда прощаль имъ, то самъ бы сдѣлался злодѣемъ ; ибо тогда бы никто не смѣлся выйти изъ дома своего безъ опасности. Бѣдные убивали бы богатыхъ, чтобъ завладѣть ихъ денгами ; всякой за самаго малѣйшее оскорбленіе умерщвлялъ бы своего ближняго ; всякой бы принужденъ былъ жить въ лѣсахъ со звѣрями, а всему тому причиною было бы мнимое милосердіе Государя.

Г. III. . .

Теперь сударыня, я васъ увѣряю, что буду всѣми силами стараться о моемъ исправленіи. Ежели я по сю пору дѣлала шалости, то конечно онъ шово, что ни когда объ этомъ не думала. Читала и Священное писаніе, однакожъ безъ всякаго вниманія ; а

кто хорошо о томъ разсуждаетъ ,
потмъ развѣ дойдешь до сумашесн-
вiя , чшобѣ подвергашься Божескому
гнѣву.

Г. Добронравова.

Видишь ли ты , моя душа , какъ
тебя Богъ любитъ ? Такiя спаситель-
ныя мысли и добрую рѣшительность
онѣ тебѣ посылаетъ : не ужели ты
столько будешь не благодарна , что
забудешь такое милосердiе ? шеперь
Госпожа Н. . . . разскажи намъ ис-
порiю , которую ты выучила.

Г. Н. . . .

Богъ восхотѣвши показать *Исра-*
ильтянамъ , что онѣ *Аарона* избралъ
жрецомъ своимъ , повелѣлъ чрезъ
Моисея объявить народу , чтобы всѣ
родопачальники *Исраильтскихъ* племенъ
принесли по жезлу предъ лице его.
Они исполнили сiе и на другой день
увидѣли , что *Аароновъ* жезлъ произ-
растилъ цвѣты , опрасли и плодъ.
Тогда сказалъ Богъ : я избралъ *Аарона*
и родъ его для жертвоприношенiя мнѣ.
Никто , кромѣ ихъ , да не дерзаетъ
приносить мнѣ жертвы ; и въ помощь
имъ опредѣляю племя *Левино* ; пусть
они имѣють попеченiе о всѣхъ вещахъ ,
которыя мнѣ посвящены будущо , да

питаются отъ жертвы миѣ приноси-
мой, получая десяшую часть животи-
ныхъ и плодовъ земныхъ. Послѣ сего
пришли *Израильтяне* въ шакое мѣсто,
гдѣ не было воды и опять ропшати
начали. *Моисей* и *Ааронъ* пацши предъ
Богомъ ницъ спали молясь, и Богъ
сказалъ *Моисею* : возми жезлъ свой
и поди съ братомъ своимъ къ каменной
горѣ, скажи ей при всемъ народѣ, что-
бы она испустила воду и испуспитъ.
Моисей съ *Аарономъ* собралъ народъ ;
однакожь не исполнилъ въ точности
Божескаго повелѣнія, и вмѣсто того,
чтобъ сказать горѣ, ударилъ по ней
дважды жезломъ своимъ. Тогда Богъ
сказалъ *Моисею* и *Аарону* : когда вы
не повѣрили словамъ моимъ, по оба
умрете, не входя въ землю обѣщан-
ную, и чрезъ нѣсколько времени пове-
лѣлъ *Моисею* взойти на гору съ бра-
томъ своимъ *Аарономъ* и *Еліазаромъ*
сыномъ его. Когда они взошли, пове-
лѣлъ Богъ *Аарону* снати ризу и надѣтъ
на *Еліазара*. *Ааронъ* исполнилъ сіе и
попѣ часъ на горѣ скончался. Вскорѣ
послѣ того *Израильтяне* опять нача-
ли ропшати противъ Бога, за что онъ
въ наказаніе послалъ на нихъ смерто-
носныхъ змievъ ; когда же народъ раз-
скался во грѣхъ своемъ, Богъ пове-

дѣла Моисею сдѣлашь мѣдную змию и повѣситъ ее предъ народомъ, послѣ чего всѣ тѣ, которые угрызаемы были и взглядывали на оную, вдругъ исцѣлялись. Между тѣмъ *Израильтяне* просили у нѣкоторыхъ Царей, близъ коихъ они находились, дозволенія прайти чрезъ ихъ землю, съ такимъ общаніемъ, что во владѣніяхъ ихъ не причинятъ нималѣйшаго вреда и плашеть будущъ за все, даже и за воду, которую у нихъ пить будущъ. Однакожь Цари тѣ несогласились на ихъ прошеніе; почему Богъ сказалъ *Израильтянамъ*: ополчись противъ ихъ и побѣдите съ помощію моею. *Израильтяне* исполнили Божеское повелѣніе и были побѣдителями.

Г. М. . . .

Мнѣ кажется, сударыня, что *Моисей* и *Ааронъ* не сдѣлали никакого предъ Богомъ пресупленія; за что же онъ ихъ наказалъ такъ жестоко? Ежели за то, что *Моисей* ударилъ жезломъ своимъ по горѣ, то наказаніе ни мало не соотвѣтствуетъ пресупленію.

Г. Доброурадова.

Не надобно шакъ смѣло разсуждать, моя душа, особливо въ подоб-

Часть II. . . II

ныхъ случаяхъ. Видно преступленіе ихъ очень велико. Они не повѣрили Божію всемогуществу, когда онъ имъ сказалъ, чтобъ они повелѣли горѣ испустить воду: и вмѣсто того, чтобъ исполнить сіе безъ всякаго умствования, начали разсуждать: ежели мы повелѣимъ горѣ испустить воду, то повелѣніе наше будетъ щедро, и для того лучше ударить по ней, какъ прежде, тогда уже вода сама выступитъ. Я сама думаю, что это преступленіе не такъ велико, какъ обожаніе тельца; но Богъ наказываетъ за всякой грѣхъ, каковъ бы онъ ни былъ, разность въ томъ только, что согрѣшающихъ отъ злоумышленія предоставляетъ онъ казнить въ будущей жизни вѣчною мукою; а добрые люди, которые согрѣшаютъ отъ слабости и послѣ во грѣхъ раскаиваются, наказываются въ наспоющей жизни то болѣзнями, то потерею имѣнія, то смертію родственниковъ или друзей, и другими тому подобными случаями. Богъ поступаетъ съ людьми такъ, какъ отецъ, который для исправленія дѣтей, то лозою, то другимъ какимъ нибудь легкимъ наказаніемъ страшаетъ ихъ.

Г. Остроумова.

Такъ это, сударыня, не отъ гнѣва Божескаго происходитъ, ежели чловѣкъ спановишся бѣдѣнъ, слѣнъ или другому нещастію подвергается?

Г. Добронравова.

Ежели Богъ посылаетъ такія нещастія на пресупниковъ, то это значитъ, что онъ наказывая исправитъ ихъ хочетъ; ибо такіе люди только думаютъ о Богѣ, когда терпятъ какое нибудь бѣдствіе, и въ то время онъ напоминаетъ имъ: смотрите, до чего доводитъ васъ пресупленіе ваше; я могу васъ наказашъ всякимъ нещастіемъ и опнышіемъ у васъ всего того, что для васъ пріятно. Ищите помощи въ своихъ сокровищахъ, которые вамъ болѣе меня любезны; ищите помощи у друзей, которымъ стараешесь угождать больше, нежели мнѣ; но знайте, что ни какое созданіе не можетъ отвратить отъ васъ казни моея. И такъ ославьше все и обратитесь ко мнѣ Господу вашему; хотя вы и нескорныя дѣти, но я милосердый отецъ: я люблю прощать всякаго, кто нѣмалко съ чистымъ раскаяніемъ на пушь истинный обращается. Я слы-

чусь у дверей вашего сердца, отверзите ихъ мнѣ; случившееся съ вами несчастіе, которое вамъ такъ велико кажется, ничего не составляетъ въ сравненіи тѣхъ мукъ, которыя вы почувствуете въ будущей жизни. Ежели теперь не исправитесь. Имѣйте жадность къ самимъ себѣ, удалитесь отъ грѣха и оставьте свои вредныя привычки. Будьте кротки и милосерды, возлюбите молитву, являйте состраданіе къ ближнему. Предостерегаю васъ изъ любви моей, и даю время на исправленіе; но скоро придетъ время, когда вы и минуны имѣть не будете, и ежели умрете во грѣхѣ своемъ, то уже найдете во мнѣ не отца исполненнаго милосердія, но ужаснѣйшаго судію. Ты плачешь, моя душа? (къ Гж. Ш...).

Г. Ш. . . .

Плату, сударыня, да и надобно плакать. Богъ часто напоминаетъ объ этомъ; однако я все пропускаю безъ вниманія, я не помню, чибъ какая нибудь жалость мнѣ прошла безъ наказанія, и всякой разъ, какъ я сдѣлаю что дурное, или мнѣ скучно станеть или что нибудь досадное случитса.

Т. Доброуравова.

Ты изъ этого, моя душа, должна заключишь, что Богъ тебя очень любитъ; упопроби же это въ свою пользу, дабы онъ послѣ такого милосердія не сдѣлался для тебя ужаснымъ судіею. *Госпожа Остроумова* не давно спрашивала у меня, значишь ли это гнѣвъ Божій, когда онъ посылаетъ на человѣка какое нибудь несчастіе: я уже сказала, что онъ наказываетъ тѣмъ преступниковъ для обращенія ихъ на путь истинный; наказываетъ однакожъ и добрыхъ людей какъ для исправленія ихъ отъ погрѣшностей, которыя иногда они по слабости дѣлаютъ, такъ и для испытанія ихъ добродѣтелей, и для доспавленія имъ случая сдѣлаться еще лучшими. Когда мы имѣемъ все желаемое, то совсѣмъ иногда забываемъ Бога, а ежели постигнетъ насъ какая нибудь тяжкая скорбь, и мы знаемъ, что никакое созданіе не можетъ пособить намъ, то уже прибѣгаемъ къ Богу. Вспомнила я, что у меня, когда я еще мала была, былъ учитель, человѣкъ очень сердитый и злой, который меня безпрестанно бранилъ, хотя я и очень прилежно учи-

1872
The undersigned do hereby certify that
the following is a true and correct
copy of the original as the same
exists in the files of the
Department of the Interior

W. A. R. [unclear]
Secretary of the Interior

ms. 16746

Московская Областная

БИБЛИОТЕКА



K

2



